

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Косецки А. Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Новиков В. Т. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Фурманов И. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Академия последипломного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief   **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief   **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylina@bsu.by

Executive secretary   **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy and methodology of higher education, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ И ДИСКУССИИ

ROUND TABLES AND DISCUSSIONS

УДК 316.2

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ «СОЦИОЛОГИЮ ПОЛИТИКИ» П. БУРДЬЁ (ДЕКАН ПРИГЛАШАЕТ К ДИАЛОГУ)

В. Ф. ГИГИН¹⁾, Ж. М. ГРИЩЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предлагаемый вниманию читателя диалог посвящен творческому наследию выдающегося французского социолога и политолога П. Бурдьё. Исходя из популярности П. Бурдьё, в том числе и среди студентов ФФСН БГУ, авторы пытаются ответить на вопрос, что привносит социология политики П. Бурдьё в мировоззрение современного студента, его профессиональную компетенцию и каков ее разрешающий потенциал в понимании современного социума.

Ключевые слова: социология политики; социоанализ; кодировка поля политики; делегирование полномочий; эффект аппарата; гомология пространственных структур; габитус; порог компетентности.

TURNING OVER THE «SOCIOLOGY OF POLITICS» OF P. BOURDIEU: DEAN INVITES TO A DIALOGUE

V. F. GIGIN^a, Zh. M. GRISHCHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus
Corresponding author: Zh. M. Grishchenko (sociology@bsu.by)

The dialogue brought to the attention of the reader is devoted to the sociology of the politics of the outstanding French scientist P. Bourdieu. Based on the popularity of P. Bourdieu, including among students of the faculty of philosophy and social

---

Образец цитирования:

Гигин ВФ, Грищенко ЖМ. Перелистывая «Социологию политики» П. Бурдьё (декан приглашает к диалогу). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:4–14.

For citation:

Gigin VF, Grishchenko ZhM. Turning over the «Sociology of politics» of P. Bourdieu: dean invites to a dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:4–14. Russian.

Авторы:

Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.

v.f.gigin@gmail.com

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

sociology@bsu.by

sciences, Belarusian State University, the authors are trying to answer the question of what brings the sociology of P. Bourdieu to the worldview of a modern student, his professional competence and what is its resolving potential in understanding modern society.

Keywords: sociology of politics; socioanalysis; coding of the political field; delegation of authority; apparatus effect; homology of spatial structures; habitus; threshold of competence.

Вадим Гигин: Не стоит скрывать, что поводом к данному диалогу послужило повышенное внимание к идеям П. Бурдьё в ходе преподавания социологии политики (да и не только ее) на нашем факультете. Порой это вызывает у некоторых коллег недоуменные вопросы.

С одной стороны, в профессиональной среде П. Бурдьё привычно позиционируется как известный французский философ, социолог, политолог, этолог, публицист. Более того, в своем известном эссе, посвященном памяти П. Бурдьё, Э. Тевенон расширяет границы авторитета ученого, представляя его как самого известного социолога в мире. П. Бурдьё считается самым читаемым социологом, оставившим после ухода из жизни огромное творческое наследие: более 35 книг, 400 статей и 7000 страниц в интернете, в которых отражено новое прочтение социума. Знакомство с этими работами, бесспорно, расширяет эвристический потенциал современных студентов за счет их погружения в суть социальных теорий ключевых персоналий современной гуманитаристики.

Жанна Грищенко: Я бы добавила еще один штрих к портрету мыслителя. П. Бурдьё, как правило, заканчивается перечень выдающихся мировых политологов XX в., за которым следует пролонгированная во времени пустота с точки зрения масштабности личности ученого в сфере политических наук, причем как в отечественной, так и западной политологии.

В. Г.: Согласен! Это принципиально в контексте заданной нами тематики.

С другой стороны, насколько оправданно наше повышенное внимание именно к теории Бурдьё? Особенно в рамках конкретной учебной программы. Позволю себе напомнить, что сам мыслитель в своем известном «Обращении к русскому читателю» перед выходом в свет русскоязычного варианта «Социологии политики» выразил некоторые сомнения относительно успешности данного события. В качестве аргумента он привел факт несовпадения исходных социально-политических контекстов. В своих попытках обоснования закономерностей функционирования поля политики автор опирался на западные политические реалии, да еще с акцентом на историю послевоенной Франции. В России же книга вышла в 1993 г., в период, наполненный для всего постсоветского пространства принципиально иными самобытными и драматическими явлениями. Это и крушение СССР, и переход от советской плановой экономики к ка-

питалистическому пути развития, и борьба демократических и авторитарных тенденций на постсоветском пространстве и т. п. Согласитесь, такого рода потрясения лишь с большой долей условности похожи на кризис Четвертой республики, становление Пятой республики, т. е. на те процессы во Франции, свидетелем которых был П. Бурдьё и которые составили, если угодно, историко-событийный фундамент его теории. У русскоязычного читателя, в том числе и у современной генерации студентов, возникает закономерное желание спроецировать тексты П. Бурдьё на переживаемый отечественный опыт, попытаться отыскать в них ответы на вопросы сегодняшнего дня, автоматически перенося их на отечественную политическую практику и, возможно, не всегда считая эти попытки даже уместными. Существуют реальные риски интеллектуальных разногласий (что не означает непонимания) и, как следствие, недооценки, в том числе и нашими студентами, практической и теоретической ценности работ П. Бурдьё в целом.

Ж. Г.: Бурдьё не был бы Бурдьё, если бы он изменил принципу критической рефлексии, внутренне присущему его методологии социоанализа и пронизывающему все без исключения его работы. Французский мыслитель параллельно находит убедительные контрдоводы изложенным аргументам. Например, он не отрицает того, что именно советский опыт представляет собой весьма благодатную почву для проекции его моделей в том смысле, что в мире мало таких мест, как «в стране, изобретшей и внедрившей на огромной части света тиранию аппаратчиков – второсортных интеллектуалов, если не сказать посредственностей, царивших во имя теории, науки и правды» [1, с. 30]. Кроме того, дистанцируясь в пространственном отношении от наших отечественных реалий, на наших обществоведов он тем не менее прекрасно улавливает влияние конъюнктурной предопределенности их рассуждений. Начиная с 1990-х гг., например, это своеобразие выразилось в искушении простого идеологического переворота от за к против. Об этом П. Бурдьё говорит прямо. И, не страшась упреков в излишней претенциозности в свой адрес, все же считает, что его тексты призваны помочь нашему обществу «экономить на ошибках, на которые обрекают себя те, кто игнорирует тот факт, что недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине» [1, с. 31].

В. Г.: Опять моя любимая историческая ретроспекция! Вот только нужен ли нам П. Бурдьё для

того, чтобы разобраться в собственной истории и дать оценку нашим политическим элитам? Другое дело, что с учетом перманентной переоценки исторических событий мы шли методом проб и ошибок, опираясь преимущественно на эмоции или конъюнктуру момента. Отсюда и порой неоправданные метания в оценках: что вчера было плохим, вдруг оборачивается противоположной стороной сегодня, и наоборот, вчерашняя мечта о демократии как некоем светлом будущем вдруг в настоящем, когда мы к ней в какой-то мере повернулись лицом, ставит очень много вопросов о ее реальном конструктивном потенциале. Я бы сказал, обнажает бездну проблем, о которых ранее мы и не задумывались. Впрочем, в этом и есть суть диалектической методологии познания. И тогда наблюдаемые противоречия вполне оправданны. Поэтому более правильно поставить вопрос в ином ракурсе: насколько изложенные П. Бурдьё закономерности универсальны с точки зрения оценок не столько прошлого, сколько настоящего и будущего? Как я понимаю, автор и сам развенчал собственные иллюзии по поводу демократии. И если бы мы об этом прочитали в конце 1980-х гг., то, вполне вероятно, задумались бы о целесообразности этого триумфального скачка в неизвестное завтра. Или, по крайней мере, оценивали бы перспективы наших трансформаций в демократический контекст менее оптимистично.

Ж. Г.: «Как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем!» (Сократ). Но социальная концепция Бурдьё блестяще подтверждает данную истину, расширяя горизонты нашего понимания демократии, но не возводя их в абсолют.

Всю свою сознательную творческую жизнь П. Бурдьё занимался раскодировкой поля политики (и не только!), рассматривая его как своеобразную игру, «правила которой не были объяснены заранее, а игроки неравным образом поделили между собой козыри – культурный и иные капиталы» [1, с. 26]. Позже сложилась целостная концепция поля политики, обнажившая истину в том, что исход политической борьбы зависит не только и даже не столько от монополии на ресурсные возможности между игроками поля (финансовые, правовые, силовые и т. п.), сколько от монополии «производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той “мобилизующей” силой, которая дает жизнь политическим партиям и правящим группировкам» [1, с. 24]. В этом смысле расшифровка кода взаимодействия игроков поля политики и его функционирования, действительно, универсальна в определенных пределах.

В. Г.: В обозначенном нами политическом сюжете П. Бурдьё привлекает к себе внимание прежде всего своей бескомпромиссностью по поводу взаимодействия социологии как научной дисциплины и политики, понимаемой им как институционали-

зирующийся результат окружающей нас политической практики. Взять хотя бы такой его пассаж: «Настал момент, когда ученые совершенно полноправно обязаны вмешаться в политику... со всем авторитетом и правом, которое дает принадлежность к автономному универсуму науки» [1, с. 23].

Вместе с тем он сам длительное время сознательно дистанцировался от участия в политике, не вступал ни в одну из партий, пытался как бы убить в себе политика и защитить свое личное автономное пространство ученого от политической ангажированности. Нашей культуре также понятны подобные сциентистские взгляды, в том числе социологов, ратующих за научную чистоту своих рядов и сознательно абстрагирующихся от участия в политике, способной бросить тень на ученого, поставив под сомнение объективность его научных результатов. Но тогда откуда эти индикативные установки, обращенные к социологам с соответствующими призывами «вмешаться», «обязать», «развенчать», «не допускать» и пр.?

Ж. Г.: Думаю, от политической целесообразности момента. Или практической объективной необходимости, которую диктовала и продолжает диктовать социально-политическая практика последних десятилетий XX в. Хорошо известно, что именно в этот период П. Бурдьё отошел от своих принципов невмешательства в непосредственное политическое участие и активно поддержал, например, забастовки антиглобалистов в декабре 1995 г.

Но я бы обратила внимание еще на один из факторов, объясняющий трансформацию ментальности ученого. Возможно, прецедент когнитивной недостаточности, имманентно свойственный любому исследовательскому процессу, до поры до времени являлся фактором торможения в адекватном определении им как ученым и одновременно как гражданином своей личностной позиции. Можно сказать, что после решения целого ряда гносеологических проблем в постижении сути поля политики и освоения алгоритмов его функционирования П. Бурдьё переходит на принципиально иную активную гражданскую платформу, настаивая на активной роли социологии в политике.

В. Г.: Добавлю: практической социологии! П. Бурдьё трактует ее как «инвестированную в социальную жизнь» исследовательскую стратегию или стратегию, «практически вовлеченную» в социальную действительность. Его кредо как ученого, замечу, в корне противоположно задачам чистого теоретизирования. Более того, крылатым стало выражение П. Бурдьё о том, что «теоретические определения сами по себе не имеют никакой ценности, если их нельзя заставить работать в эмпирическом исследовании» [1, с. 11]. Боюсь, однако, что высказанное чревато конфликтом с некоторыми научными традициями, ибо любой приверженец теоретических фундаментальных знаний, воспитанный на уста-

новке «теоретику нечего делать с социальной действительностью, кроме как объяснять ее» [1, с. 12], выразит по меньшей мере полное недоумение по поводу суждений П. Бурдьё и вряд ли согласится с их категоричностью.

Ж. Г.: Скорее да, чем нет. Во всяком случае, такая направленность сознания, например, философов не просто очевидна, а даже осязаема: они продолжают витать в привычных для себя трансцендентальных апперцепциях, считая ниже своего достоинства опускаться до задач эмпирической параметризации социальной повседневности. Для П. Бурдьё, напротив, характерно пренебрежение к междисциплинарному делению, ограниченности научного анализа рамками специфики своего предмета, а также набором используемых им методов. В его текстах можно встретить подходы из области антропологии, истории, лингвистики, политологии, философии, религиоведения, эстетики и др. Одним словом, весь культурный багаж, которым располагает ученый, инвестирован в получение достоверного знания, ибо знание ценно само по себе. Главное – его истинность, за которую очень часто принимают научный артефакт. А потому любые попытки, сдерживающие интеллектуальные интенции ученого в постижении данной истины, отвергаются П. Бурдьё. Здесь и препятствующие расширительному исследовательскому поиску границы предметной области дисциплины, ее методов, а также исчерпанность исследовательского сюжета рамками голого теоретизирования и, напротив, его заикленность на эмпирической фактуре, способной за деревьями не зафиксировать лесного массива с его доминантными характеристиками, сформулированными на уровне теоретических обобщений.

В. Г.: Но ведь в итоге мы получаем опять набор предельно абстрактных категорий, пусть и сформулированных на базе эмпирической модели. Если даже перечислить основные из них, например задействованные П. Бурдьё при анализе поля политики, – «гомология пространственных структур», «габитус», «символический капитал», «субститут власти», «делегирование полномочий», «эффект бюро» и т. п., то становится очевидной заявка автора на универсальность обозначенных им теоретических конструкторов, природа которых связывается со стремлением найти некую концептуальную базу для обобщения накопленного эмпирического материала. Более того, кажутся весьма проблематичными и попытки обратной редукции этих абстрактных концептов к опыту операционализированной повседневности, столь важной именно для социологии. С одной стороны, это понятно: П. Бурдьё ведет речь о теории поля политики и, следовательно, о закономерностях его функционирования. Ведь если нет закономерностей, то нет и науки. Но в случае с П. Бурдьё создается впечатление целенаправ-

ленного загромождения категориального аппарата социологии политики, не освоив который вряд ли разберешься с логикой структурирования поля политики, где «игра идет по своим правилам, отличным от правил соседнего пространства» [1, с. 252]. И все же обходилась социология политики до недавнего прошлого и без этого специфического вербального словаря П. Бурдьё. Так не имеем ли мы дело с эффектом сублимации интеллектуальных интенций самого автора эпохи постмодернизма?

Ж. Г.: Да, это правда. Некоторая сложность и амбициозность, даже сознательная эпатажность автора очевидны. Так ведь к этому есть основания! А когда они очевидны, то и амбиции можно отнести к недостаткам извинительного характера.

Возьмем, к примеру, заголовок известного эссе «Общественного мнения не существует». Что значит для социолога отрицание феномена общественного мнения – концептуальной социологической категории? Если поверить автору в этом тезисе на слово, не вдаваясь в содержание работы, то можно подвергнуть радикальному сомнению научность социологии как таковой, ибо на опросах общественного мнения базируется преимущественно все эмпирическое поле этой науки. А между тем именно упомянутым эссе П. Бурдьё открывает новую страницу своих научных рефлексий, которую следует понимать как социологию социологии, рассматриваемой не как «простое и механическое разоблачение опросов общественного мнения, но попытку строгого анализа их функционирования и назначения» [1, с. 161].

Рассмотренные П. Бурдьё три методологических постулата, объединенных общим концептом «порог компетентности» (если от него абстрагироваться и не замечать вовсе), ведут к производству лишенных смысла артефактов и серии деформаций. И проводником таких очевидных искажений как раз и выступают массовые опросы общественного мнения, «когда людей просят выбрать позицию среди сформулированных мнений и когда путем простого статистического агрегирования... производят артефакт» [1, с. 177]. Вот против такого общественного мнения, «какое скрыто ему придается теми, кто занимается опросами, или теми, кто использует их результаты», как раз и восстает пылкий ум П. Бурдьё. Что касается улавливаемой эпатажности в заглавии самого эссе, то не будь этой выраженной дерзости по поводу объективного феномена общественного мнения, на котором основана эмпирическая база в том числе и политической социологии, как знать, возможно, и внимания особого не обратили бы на нее или подошли бы поверхностно, не вдаваясь в нюансы критических рефлексий автора. А поднятая проблема, надо признать, принципиальна для социологии и особенно социологии политики. Хотя полной уверенности в том, что эпатажность П. Бурдьё стимулирует

современную генерацию студентов прочитать и понять его тексты, разобравшись в их тонкостях, честно говоря, нет. Поэтому я заставляю студентов выучить методологические постулаты П. Бурдьё наизусть, что называется, на всякий случай! С них, по существу, и начинается знакомство с его социологией политики.

В. Г.: Я бы рекомендовал начинать с другого – с констатации миссионерской роли социологии. У П. Бурдьё данный тезис выражен достаточно четко: «Я хотел бы, чтобы социологи были всегда и во всем на высоте той огромной исторической ответственности, которая выпала на их долю, и чтобы они всегда привлекали в своих действиях не только свой моральный авторитет, но и свою интеллектуальную компетенцию» [1, с. 25]. Что касается компетентности социологов, то есть надежда на оптимистическое развитие сюжета. Тем более что мы ставим своей задачей освоение студентами методологии социологического анализа П. Бурдьё, ориентированной как раз на «рационализацию компетентности» через, в частности, усвоение закономерностей функционирования социума и политического пространства. А вот проблема морального авторитета социологии в сложившихся обстоятельствах остается крайне острой. Хочу напомнить в этой связи, что отечественная социология прошла не столь длительный путь, но для нее характерно рельефно обозначенное скачками и зигзагами становление.

Ж. Г.: Трудно с Вами не согласиться. Надо честно признать, что с учетом повсеместного сокращения в учебном плане часов на дисциплину, определенную в единый образовательный модуль, названный к тому же «Экономика», социология никак не может рассчитывать на утверждение своего морального авторитета и, как следствие, на миссионерскую роль в обществе, о которой заявляет П. Бурдьё. Но я предвижу контрдоводы, которые может привести любой представитель истеблишмента из числа тех, кто курирует проблему оптимизации образования: причем здесь моральный ущерб, наносимый социологии, если речь идет о сокращении учебных часов на дисциплину, к тому же на непрофильных факультетах (химии, физики, правоведения и др.)? К исследовательским социологическим структурам в формате институтов, центров, лабораторий это не имеет никакого отношения. Вот на эту практическую исследовательскую социологию и ложится миссионерская функция социологии в целом.

В. Г.: Допустим. Но ведь социология позволяет выстроить массовый процесс обратной связи, в котором участвует не только исследовательский цех профессиональных социологов, но и гражданское общество. Поэтому культура социологического мышления принципиальна ровно настолько, насколько важен для управленцев всех уровней грамотный социологический прогноз развития си-

туации с учетом тех латентных противоречий, неочевидность которых сегодня может обернуться очередной драматической историей для всей страны уже завтра. За примерами нам ходить далеко не надо. Не говоря уже о том, что нынешние студенты – реальный резерв управленческих кадров. Более того, по нашим данным, уже каждый четвертый из выпускников стремится попасть на работу в органы государственного управления. И вот представим, что уже завтра или послезавтра они займут лидирующие позиции во властных структурах. Как первому постсоветскому поколению без знания основ социологического мышления управлять людьми, социальными структурами, обществом в целом? Если, конечно, мы честны в своих установках на прогрессирующую динамику саморазвития, не ограничивая ее красивой риторикой и не отрекаясь от ответственности за свои решения и их результат.

Ж. Г.: Следуя Вашей логике, нам никак не обойти проблему ответственности – безответственности современных интеллектуалов, касающуюся управления. И как это ни странно, но ответ на этот вопрос мы опять находим у П. Бурдьё, причем сформулированный именно в рамках дилеммы *ответственные – безответственные* интеллектуалы. Кто из них более достоин отпущения грехов? Именно так звучит вопрос у французского мыслителя. Из контекста понятно, что если он отказывается прощать грехи безответственности интеллектуалам вообще, то еще в меньшей степени он не склонен это делать в отношении ответственных интеллектуалов, «которые в перерывах между двумя административными советами, тремя коктейлями с участием прессы и несколькими появлениями на телевидении выдают каждый год по новой публикации» [1, с. 26]. Я бы только поменяла слово «публикации» на «инновационные идеи», которые в условиях перманентного реформирования отечественного образования лавинным потоком сваливаются на головы рядовых исполнителей на местах, где тоже, замечу, работают интеллектуалы (преподаватели вузов, учителя школ). По правде говоря, в нашем сегодняшнем отечественном опыте проблема интеллектуальной элиты общества наиболее остро обнажается на уровне вертикального среза. С одной стороны – ученые интеллектуалы, а с другой – интеллектуальный истеблишмент, который не ведает, что творит, ибо то, что происходит вокруг нас в образовательной сфере, нельзя оценить иначе как активную фазу борьбы с отечественной гуманитаристикой, куда, естественно, попадает и социология. Замечу, что происходит это именно потому, что интеллектуалы от управления не имеют обратной связи, которую могла бы им обеспечить как раз социология. В этом контексте вполне целесообразно, наряду с распространяющимися процессами аккредитации образовательных структур на предмет эффективности учебного процесса,

внедрить систему аккредитации управленческих решений по поводу, например, результативности предложенных моделей оптимизации образовательного процесса в целом.

В. Г.: Смело! Неслучайно Вас признают апологетом социологической концепции Бурдьё. Но вот что меня настораживает: возведенные в абсолют принципы могут привести к системному вялотекущему критиканству. В политике особенно. Я уже не говорю о массовом сознании, для которого априори во всем виноваты политика и политики. Возьмем для примера исключительно профессиональную среду: имею в виду выходящую на авансцену самостоятельной деятельности когорту молодых социологов. Анализ политического пространства требует соответствующего порога компетентности, с одной стороны, и, я бы сказал, потенциала высокой нравственности, порядочности, ответственности и даже гражданского мужества – с другой. Можем ли мы на это рассчитывать сегодня с учетом качественной специфики новой генерации цифровых технологий, где культивируется совершенно иная (в сравнении с традиционно-нормативной этической моделью) система ценностей, в которой все вышеперечисленные нравственные параметры отодвигаются на периферийный план? И наши молодые социологи, как свидетельствуют полученные нами данные, в этом смысле мало чем отличаются от своих сверстников. Им свойственна та же ориентированность на мобильность и возможность получить образование на Западе, что усилит их конкурентоспособность на рынке труда, та же заикленность на достижении жизненного успеха путем реализации прагматических установок, среди которых на первом месте – связи, деньги, карьера и власть, наконец, та же озабоченность своей автономией или свободой, не допускающей в орбиту своего полета никаких идеалов или авторитетов [2]. Такой, знаете ли, кентаврический образ индивидуума, далекого от нравственных идеалов прежних лет, но вооруженный методологией Бурдьё, а потому системно критически рефлексивный молодой интеллект. Что нам от него ожидать? И чем это может для нашего общества закончиться? Вот такая проективная ситуация для осмысления.

Ж. Г.: Вынуждена заметить, что нарисованный Вами образ – это не худшее из того, на что мы можем рассчитывать. В конце концов, именно понятия «компетентность», «компетенции» звучат в наших учебных программах как основная сверхзадача всего реформирующегося образовательного процесса. Если допустить конечную продуктивность сформулированных целей и согласиться с полученным результатом на выходе, т. е. высококомпетентным специалистом, то его нравственное кредо уже не играет никакой роли. Главное, чтобы он разобрался в сути политического процесса и объективных механизмах его функционирования или его универсаль-

ных причинах. Что касается его нравственных установок, формирующихся в отрыве от традиционной культуры, то, возможно, это даже хорошо, так как его рационализирующиеся критические рефлексии не будут сдерживаться нравственными обязательствами национального интереса, патриотизма, долга, чести и др. Можно предположить, что именно данное поколение системно критически рефлексивных компетентных интеллектуалов в отрыве от традиционной системы ценностей как раз и выведет общество на радикальный глобальный уровень прогрессирующей динамики. Они будут олицетворять собой компетенции, адекватные технологичности социально-политических процессов. Кстати, у П. Бурдьё данная перспектива тоже отмечена оттенком очевидного радикализма, органичного любому революционному призыву. В конце главы «Делегирование и политический фетишизм» он пишет буквально следующее: «Последнюю политическую революцию – революцию против сословия политиков и против потенциально содержащейся в акте делегирования полномочий узурпации – еще только предстоит завершить» [1, с. 261].

В. Г.: Перспектива очередной социальной революции даже со ссылкой на авторитетного П. Бурдьё, честно говоря, не очень оптимистична. После революций в нашей отечественной истории мы должны бы уже сделать соответствующие выводы в пользу эволюционного пути развития общества. Может, есть смысл ориентировать эту «рационализирующуюся компетентность» новой генерации профессионалов в этом направлении? Последнее, замечу, не исключает добродетелей высокой нравственности и моральной ответственности. У П. Бурдьё эта приоритетность «политики морали в политике» выражена достаточно рельефно. Вспомним, например, адресованное именно социологам замечание: «... исследователи, упорно разоблачающие сокрытое (как социологи), сами могут способствовать созданию условий установления царства гражданской добродетели только в той степени, в какой логика их соответствующих полей обеспечивает им выгоды от универсального, которые лежат в основе их нравственной порядочности» [1, с. 330]. Таким образом, изучение и раскрытие универсальных причин институционализирующейся на наших глазах политической практики и постижение технологии политического процесса не исключают принцип нравственной ответственности исследователя, а, напротив, предполагают взаимосвязь. Против этого трудно что-либо возразить. Но и это еще не все. Нравственные категории органично включены в общую концепцию поля политики П. Бурдьё. Я говорю о его анализе краеугольного принципа демократии – процесса делегирования полномочий власти. Корни иллюзий по поводу демократии обусловлены, по Бурдьё, фактом «основательной затемненности замкнутого кругового характера предста-

вительства» [1, с. 234], логическим следствием чего становятся перманентно возникающие зоны риска, связанные с вопросами сознательности, политического фетишизма, идолопоклонства, политического отчуждения и в «предельном случае», как отмечает наш автор, – узурпации власти. Все это, подчеркивая, уводит нас в сферу морали в политике.

Ж. Г.: И тем не менее для П. Бурдье эти нравственные аспекты вторичны, ибо несут в себе не столько субъективную, сколько объективную предопределенность. Первопричина политического отчуждения находится в самом механизме делегирования, поскольку в нем изначально «заложена возможность для злоупотреблений» [1, с. 235]. Определяющим здесь является вывод П. Бурдье о необходимости со стороны группы доверителей «постоянно идти на риск политического отчуждения для того, чтобы его избежать» [1, с. 235]. Демократические иллюзии разбиваются вдребезги с учетом того обстоятельства, что, «когда одно лицо получает полномочия от множества лиц, оно может оказаться облеченным полномочиями, трансцендентными по отношению к каждому из доверителей» [1, с. 233]. Таким образом, с трансцендентностью социального, закономерно следующей за актом передачи полномочий, связывается природа злоупотреблений власти, когда «представитель может восприниматься другими и сам воспринимать себя в качестве *causa sui* – сам является причиной того, что составляет его власть» [1, с. 234].

В. Г.: Вот опять всплывает категория трансцендентности, которую мы в самом начале дискуссии инкриминировали исключительно философам, да еще с упреком относительно их оторванности от проблем социальной практики. Хотя нельзя наверняка утверждать, что введенный П. Бурдье термин «трансцендентность социального» принадлежит именно ему. Скорее, это лежит в русле традиций школы Дюркгейма. Впрочем, это не столь важно. Но, вне сомнения, принципиальны в нашем случае привычные для социологии попытки операционализации категории. В самом приближенном смысле под трансцендентностью социального понимается то, что существует за пространственными границами личного опыта. Самым ярким примером является как раз эффект оракула, крайнего случая символического насилия и узурпации власти, когда доверенное лицо (лидер) выступает по телевидению с речью в повелительной модальности от имени многочисленной группы своих доверителей. При этом сидящие по ту сторону экрана доверители находятся вне опыта (в этом смысле они трансцендентны), ибо не могут сообщить своему субституту власти о своем несогласии с ним. Следовательно, чем шире численность уполномочивающей на представительство группы, тем масштабнее трансцендентность социального для самого уполномоченного (или «субститута власти», по Бурдье),

это так называемый эффект метонимии, позволяющий «универсализировать частные интересы аппаратчиков и отождествлять интересы доверенных лиц с интересами доверителей, которых они призваны представлять» [1, с. 254].

Ж. Г.: И не только. Чем шире численность группы, тем выразительнее эффект трансцендентности социального для нее самой, теряющей контроль внутри себя и над собой. Последнее не позволяет самой группе доверителей с определенностью утверждать приоритетность интересов каждого из них. Практический исход данных обстоятельств – эффект неадекватности как внутри группы, так и вне ее во взаимодействии со своим уполномоченным представителем. Мы сталкиваемся с данным явлением достаточно часто в повседневности, когда, например, водитель такси искренне удивляется факту победы на выборах конкретного лица, мотивируя свое удивление тем обстоятельством, что среди его друзей все голосовали за другую кандидатуру: т. е. его личный опыт не выходит за рамки его референтной группы, и это для него достаточное основание, чтобы усомниться в справедливости итогов избирательной кампании в принципе.

В. Г.: Очень хороший козырь для понимания инструментальной ценности социологии вообще и социологии политики в частности. Если представить масштабы этой группы доверителей в случае действующей политической власти, то это гражданское общество или та ее доминирующая часть (электорат), которая вверила мандат доверия своему субституту власти. Тогда массовые социологические опросы населения являются, пожалуй, единственным реальным механизмом обратной связи, позволяющим снизить этот порог политического отчуждения между властью и гражданским обществом. И в данном случае не имеет значения, о каких масштабах делегирования мы говорим: о масштабах отдельной кафедры или университета, цеха, завода. Это в том случае, если руководители перечисленных социальных структур как реальные или официальные субституты власти были избраны демократическим путем в процессе делегирования полномочий со стороны коллектива, а не назначены сверху. По правде говоря, практика делегирования полномочий трудовыми коллективами, начатая активно в 1990-х гг., в нашем отечественном опыте себя не оправдала. Что касается государственных масштабов, то на протяжении всех предшествующих десятилетий мы оставались приверженцами этого демократического пути делегирования полномочий власти посредством утверждающей себя повсеместно практики свободных плюралистических выборов. Следовательно, именно государственные интересы вовлекают социологию в институционализирующуюся политическую практику как реального цивилизованного гаранта, позволяющего удерживать баланс доверия к власти, страхуя ее от

рисков политического отчуждения. Пожалуй, социология – единственный цивилизованный канал такой обратной связи между властью и гражданским обществом.

Ж. Г.: Ну почему же? Понятно наше обоюдное желание абсолютизировать роль социологии как гаранта снижения рисков политического отчуждения между субститутом народа и самим народом. В конечном счете результаты самих выборов, фиксирующих триумф победы конкретного лидера, – это тоже инструмент обратной связи. Справедливости ради следует признать, что П. Бурдьё называет и другие механизмы, вполне характерные для цивилизованного сообщества, включенные в современную политическую практику в ее противостоянии феномену политического отчуждения. Например, протесты в формате митингов или сбора подписей под петициями. Кстати, в прямом интернет-доступе можно найти документальный фильм Пьера Карлеса «Социология – боевое искусство» (2001), посвященный памяти П. Бурдьё [3]. И хочу Вас заверить, что его просмотр производит колоссальный эффект на студенческую аудиторию в плане понимания ею активной роли социологии, в том числе в процессе формирования гражданского общества. Параллельность данных процессов настолько очевидна, насколько очевидна правомерность вывода о несовершенстве самой демократии. Разрешающий потенциал концепции Бурдьё в постижении объективной природы уязвимости демократии сложно переоценить. И лично мне доставляет чувство глубокого удовлетворения наблюдать за тем, как прозревают наши студенты, лишаясь демократических иллюзий.

В. Г.: Вот здесь я с Вами не соглашусь. Мне непонятна Ваша ирония (если не сарказм) по поводу того факта, что наши студенты, знакомясь с текстами П. Бурдьё, постигают уязвимость и несовершенство демократического процесса. Ведь современная молодежь, появившаяся на свет в условиях системной демократической риторики, воспринимает демократию как вполне осязаемую реальность если не сегодняшнего дня, то в ближайшей перспективе. Лишить поколение Z идеала (возможно, единственного в своей абсолютной значительности, тождественного идеалам свободы) – значит стимулировать нигилистические тенденции в молодежной среде. В итоге мы можем получить специалиста с еще более выраженной, чем я предполагал ранее, кентаврической определенностью, когда рационализированная компетентность профессионала замкнется на системный характер критических рефлексий, ограниченных форматом выраженного социального нигилизма. Вы считаете данный исход правомерным для формирования молодого специалиста?

Ж. Г.: А почему нет? В конечном счете именно об этом как о главной сверхзадаче социологии го-

ворит П. Бурдьё в своем завершающем слове: «Ничто не должно оставаться вне социологической критики, даже – и в особенности – критикующие интеллектуалы» [1, с. 320]. Наблюдая за происходящим вокруг нас, в том числе и в системе образования, я, например, все время задаю себе вопрос: «Кто из интеллектуалов добровольно возложит на себя функцию конструктивного оппонирования парадоксам образовательной реформации?» Делать ставку в данном вопросе на отдельно взятого преподавателя школы или высшего учреждения образования, парализованного условиями контрактной системы, бесполезно. А вот подключить к данной проблеме универсум науки и, в частности, социологию, призванную по своей сути обеспечивать обратную связь посредством системных критических рефлексий опыта, складывающегося на наших глазах, вполне логично.

В. Г.: Факт принадлежности к универсуму науки, к сожалению, не гарант деперсонализации ответственного за полученный научный результат. За любыми социологическими данными и выводами исследования стоят конкретные люди. И не факт, что даже самые обоснованные их научные гипотезы и идеи найдут понимание и поддержку, столкнувшись с бюрократическим аппаратом, заинтересованным в сохранении своей слаженной функциональной целостности. Напомню в этой связи тексты самого П. Бурдьё, рассуждающего об эффекте бюро (аппарата), укомплектованного штатом освобожденных работников. «Освобожденный работник – тот, кто все свое время тратит на то, что для других является не основным или чему они могут уделять только часть своего времени. А у него время есть, ему некуда спешить. Он способен растворить в медленно текущем бюрократическом времени, в повторах, требующих времени и энергии, самые пророчески смелые начинания, жизнь которых не вечна» [1, с. 259].

Ж. Г.: Да, этот железный закон аппаратной жизни у П. Бурдьё, к сожалению, не исчерпывается всякого рода проволочками за счет обрушивающейся на голову рядового исполнителя лавины формальных отчетов или контролирующих его деятельность бумажек для заполнения. В конечном счете логика этого снежного кома всем понятна, ибо связана с необходимостью оправдания своей должности и функций. Гораздо более принципиален в этой связи факт незаинтересованности аппаратчика в плодотворном исходе проблемы, ставящей под сомнение компетентность чиновника и угрожающей тем самым сложившейся целостности самого бюрократического аппарата: «Согласно основному закону деятельности бюрократических аппаратов, аппарат дает все (в том числе и власть над самим аппаратом) тем, кто также отдает ему все и ждет от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего. Выражаясь конкретно, аппарат дорожит больше всего теми, кто

больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят» [1, с. 256].

В. Г.: Итог рассуждений П. Бурдьё очевиден и выражается в предельно лаконичной формулировке: «Аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных». Этот тезис может рассматриваться как логическая quintessence всей кадровой политики. Похоже, что универсальность данного вывода стирает разницу между французским и отечественным опытом. Тогда, возможно, политику омоложения кадрового состава следует классифицировать как одно из направлений выхода из пут сложившихся стереотипов? Ведь именно молодежь способна привнести в данный процесс инновационные практики, свойственные новому поколенческому архетипу, где определяющими параметрами кадровой политики станут компетентность, творческий потенциал, деловая активность, энтузиазм, наконец. Уже самим фактом своего внедрения в сложившуюся систему функционирующего бюрократического аппарата с проверенными кадрами, в надежности которых аппарат уверен, молодежь способна по меньшей мере создать риски для привычных алгоритмов решения кадровой политики.

Ж. Г.: У П. Бурдьё, простите, как раз наоборот! Согласно его модели, молодежь – это прежде всего те, кто ничего не имеет, это – новички, которые включаются в деятельность, будучи лишены какого-либо капитала, в первую очередь символического. И вследствие данного обстоятельства их внедрение в управленческий аппарат лишь усиливает его недееспособность. Ибо тот, кто ничем не обладает, уязвим своей беспрекословностью и преданностью, не склонен к оппозиции. И аппарат ему в награду воздает должное именно за его сговорчивость. По правде говоря, П. Бурдьё крайне циничен в определении конечных целей молодежной кадровой политики, утверждая, что в глазах самого аппарата молодежь «является пушечным мясом в борьбе со старыми кадрами» [1, с. 257].

В. Г.: Пожалуй, сложно не отдать должное П. Бурдьё в его попытках концептуализации эффекта аппарата, как, впрочем, и любой организации, озабоченной сохранением своего статус-кво. Делает он это, опираясь преимущественно на эмпирические тенденции повседневной практики, с которой и мы сталкиваемся достаточно регулярно. Поэтому остается ощущение, что ничего принципиально нового мы здесь не услышали. Хотя П. Бурдьё и не скрывает того, что «самое трудное в социологии – это, сохраняя полную способность удивляться и недоумевать, научиться размышлять о вещах, давно считающихся понятиями» [1, с. 240]. Возможно, как раз с этой целью он все время апеллирует к предельным случаям и рассуждает с точки зрения крайних позиций. А ведь в реальности, например, проблема омоложения кадров реализуется парал-

лельно с принципом преемственности кадровой политики, способным в этих условиях сохранить оптимальный баланс равновесия кадрового состава. И если мы сталкиваемся с тенденциями противоположного плана, с запредельными с точки зрения даже здравого смысла явлениями, которые, что греха таить, встречаются в нашей повседневной реальности, то невольно задаемся вопросом: «Почему так происходит или кто виноват?» И к сожалению, логика наших размышлений всегда устремлена к заветной цели – отыскать персонализированного крайнего в случае неблагоприятного развития событий. Но разве не мы сами производим свои практики, в том числе и проблемные? И вот тут на помощь приходит концептуальный ряд логических рассуждений П. Бурдьё, в том числе отпугивающее многих понятие «габитус», наделенное характером порождающего принципа. Поэтому нет ничего удивительного в том факте, что любой чиновник воспринимается как воплощение бюрократического габитуса.

Ж. Г.: И Вы будете абсолютно правы в своем заключении. Габитус – это своего рода шоры, ограничивающие угол зрения социального агента и пространство его представлений о реальности рамками личного жизненного опыта. В итоге статусу чиновника соответствует чиновничий габитус, сформированный в том числе и спецификой его социальной позиции в настоящем. К сожалению, большинство из наших чиновников забывают о своей профессии синхронно увеличению временного интервала пребывания на должности. И это тоже составная часть его актуального габитуса, определяющего специфику его социальной позиции. «Адекватно определенная социальная позиция агента дает наилучшее предвидение его практики и представлений» [1, с. 87]. Поэтому естественно, что пришедший на проверку какой-либо структуры чиновник из аппарата управления будет вести себя соответственно своим представлениям или стилю жизни. Но и социальный агент в облике проверяемого, соответственно, будет продуцировать свои практики, в том числе воспринимать и оценивать факты проверки и их конкретную продуктивность, поведение и даже образ проверяющего чиновника через матрицу собственного габитуса. В этой связи трудно ожидать от бюрократического габитуса чего-то иного, кроме формального подхода, где регистрация фактов заполнения отчетных форм или своевременного начала и конца лекции значит намного больше, чем качество самой лекции.

В. Г.: Проблема мне видится сегодня в том, что между этими нашими габитусами становится все меньше точек соприкосновения, позволяющих уловить их однородность хотя бы на уровне объединяющего нас пространства интеллектуального производства в едином образовательном поле. Надо

признать, что визуально наблюдаемое отчуждение габитусов – между интеллектуальным истеблишментом и непосредственно включенными в образовательный (как, впрочем, и научно-исследовательский) процесс интеллектуалами-исполнителями – как-то ощутимо не идет на пользу дела. Задача более глубокого осмысления природы данного явления выводит нас по меньшей мере к оригинальному выводу П. Бурдьё о закономерностях функционирования любого игрового поля: «Для того чтобы поле функционировало, необходимо, чтобы ставки в игре и сами люди были готовы играть в эту игру, имели бы габитус, включающий знание и признание законов, присущих игре» [1, с. 18].

Ж. Г.: Позвольте тогда мне сформулировать гипотезу о разбалансировке изначальных ставок между игроками поля. Начнем с интересов. К сожалению, управленческий истеблишмент, ограниченный своей категорией интересов, зацикленных на удержании своего статус-кво, склонен к активной имитации своих функциональных обязанностей посредством оперативного реагирования на поступающие сверху приказы, распоряжения, директивы. Для категории интересов непосредственных работников вузов, школ, задействованных в деле практической реализации, например, программы оптимизации образования, вся эта имитационная суета управленческого персонала (в том числе и внутри школы, института) будет восприниматься как лишённая всякого смысла, потому что смыслы и интересы непосредственного исполнителя на местах связаны с практической пробуксовкой оптимизирующейся образовательной системы и поиском алгоритмов ее грамотного решения. И между двумя этими категориями интересов – пропасть недопонимания. Иначе как объяснить пролонгированный во времени казус с внедренным, например, в вузы модульным проектом, приведшим к очевидной профанации всю гуманитарную сферу образования, которая к тому же очевидна всем?..

В. Г.: Думаю, что есть еще более глубинные основания расхождения наших габитусов с интеллектуальным истеблишментом в образовании. Рискну высказаться о принципиальной разнице условий функционирования между нами и нашими управленцами. Если обратить внимание, например, на объем и структуру распределенных между игроками поля видов капитала (экономического, культурного, символического), то, по всей видимости, произошел ощутимый разрыв в условиях существования наших параллельно функционирующих в едином образовательном пространстве структур. Разрыв этот надо каким-то образом склеивать.

И последнее в этом лабиринте вопросов – это законы функционирования игрового поля, для отражения которых П. Бурдьё привлекает универсум социологической науки. Неслучайно социология

трактует им как социальная топология, представляющая социальный мир в «форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть...» [1, с. 14]. Это социальное деление, несмотря на свою объективацию в физическом пространстве, в большинстве случаев относится к сфере неявного, глубоко скрытого и функционирующего «одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура» [1, с. 37]. Габитус тому подтверждение: с одной стороны, это механизм социальной дифференциации, или «система диспозиций», а с другой – способ видения, восприятия и оценивания.

Ж. Г.: Этот же сюжет имеет наглядную иллюстрацию у П. Бурдьё в принципе гомологии пространственных структур. Замечу, что это очень интересный и поучительный сюжет для студентов. Например, постоянно всплывающий с их стороны вопрос: «В какой мере складывающийся годами устойчивый характер отношений структурной гомологии в сфере политического поля подвластен изменениям и инновационным преобразованиям?» Их в буквальном смысле обескураживает ответ: «В очень малой мере!» Ведь устойчивая гомология политического поля, выраженная на протяжении длительного времени одним и тем же набором сюжетных линий (или смысловых структурных однородностей), способна воспроизводить себя значительный период, в том числе даже по инерции. И происходит это именно потому, что «в большинстве случаев интересы доверителей и доверенного лица существенным образом совпадают (структурно), так что доверенное лицо может верить, заставляя и других в это поверить, что у него нет иных интересов, кроме интересов своих доверителей» [1, с. 252]. И только святая простота дилетанта в политике, что свойственно именно молодежи, может искренне надеяться на то, что достаточно помитинговать или устроить акцию протеста для того, чтобы эту устойчивую гомологию поломать и прийти к торжеству своеволия. Чтобы это дилетантство преодолеть, нужна революция в сознании, основанная на постижении и усвоении объективных законов функционирования политического пространства. А это длительный и эволюционный путь развития с опорой на законы. Вот творческая концепция Бурдьё и разъясняет, в чем природа ее основной и безусловной ценности.

В. Г.: Подводя итоги нашему краткому (с учетом масштабности теоретического наследия П. Бурдьё) экскурсу в его социологию политики, вынужден согласиться с Вами в том, что задача овладения вербальным категориальным аппаратом ученого, несмотря на его сложность, все же полезна. За каждой

из задействованных нами в разговоре категорий стоит цельный конструкт закономерностей, которые в большинстве своем вполне органично проецируются на нашу отечественную почву. Хорошо это или нет? Как к этому относиться? С одной стороны, это подтверждает однородность процессов глобализирующегося миропорядка, которым и мы подвластны. С другой стороны, знание всегда хорошо, если это знание истинно, разумеется. В этом смысле для социологов изложенные П. Бурдьё основания «нового видения социума» интересны и, надеюсь, эвристически плодотворны. В концепции, например, габитуса и обоснованной им активности

социального агента это очень хорошо просматривается. Ну и, наконец, самое главное: все, о чем мы с Вами поговорили, а также о чем умолчали, – это попытка постижения кода функционирования социально-политического пространства. И в данном смысле все это выглядит вполне в русле рационализации компетентности профессионала-социолога, который к тому же призван инвестировать свой интеллект в решение масштабных социальных проблем, в том числе, как я понимаю, в пересмотр самой демократии как обязательного атрибута счастливого будущего. Нам остается пожелать грядущим поколениям успеха.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. *Социология политики*. Шматко НА, редактор. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
2. Грищенко ЖМ, Шелкова ТВ. Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:113–123.
3. Карлес П. Социология – это боевое искусство [Интернет; процитировано 5 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=jjFNoztCGX0>.

References

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, editor. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
2. Grishchenko ZhM, Schelkova TV. Generation of social anomie at the sight of «organized skepticism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:113–121. Russian.
3. Carles P. Sociology is a martial art [Internet; cited 2019 April 5]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=jjFNoztCGX0>.

Статья поступила в редколлегию 19.09.2019.
Received by editorial board 19.09.2019.

УДК 141.2:17.021.2

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПРЬСВЕЧАНЫ КНЬЗЕ Ж.-Л. НАНСІ «БЫЦЦЕ АДЗІНКАВАЕ МНОЖНАЕ»

Я. В. МАЛЫШКІН^{1*}, А. А. ПАГРАБНЯК^{1*}, Ю. Ю. ГАФАРАВА^{2*}

^{1*} Санкт-Пецябургскі дзяржаўны ўніверсітэт,
Універсітэцкая набярэжная, 7/9, 199034, г. Санкт-Пецябург, Расія
^{2*} Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У чэрвені 2019 г. у г. Полацку (Беларусь) у рамках сумеснага беларуска-расійскага даследчага праекта «Размеркаванне ведаў у сеткавым грамадстве: узаемадзеянне архаічных і сучасных формаў» адбыўся круглы стол, прысвечаны працы вядомага французскага філосафа Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае» (*Être singulier pluriel*, 1996). Ключавое паняцце гэтага праекта – размеркаваныя веды – добра высвятляецца з дапамогай таго, што Ж.-Л. Нансі называе з-, або *сит-*. Тлумачачы суаднесенасць тэксту французскага філосафа з абранай даследчай перспектывай, удзельнікі круглага стала пашыраюць кантэкст ужывання такіх паняццяў, як кантынгентнасць, размеркаванасць, *Mitsein*, імкнуча адпавядаць прэтэнзіі, выказанай у кнізе Ж.-Л. Нансі: пера(за)пісаць першую філасофію.

Ключавыя словы: размеркаванасць; размеркаваныя веды; кантынгентнасць; *Mitsein*; першая філасофія.

Падзяка. Даследаванне праводзілася пры фінансавай падтрымцы БРФФД-РФФД у рамках выканання навуковага праекта «Размеркаванне ведаў у сеткавым грамадстве: узаемадзеянне архаічных і сучасных формаў» (№ Г18Р-181, № 18-511-00018 Бел_а).

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КНИГЕ Ж.-Л. НАНСИ «БЫТИЕ ЕДИНИЧНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ»

Е. В. МАЛЫШКИН¹⁾, А. А. ПОГРЕБНЯК¹⁾, Ю. Ю. ГАФАРОВА²⁾

¹⁾ Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия
²⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В июне 2019 г. в г. Полоцке (Беларусь) в рамках совместного белорусско-российского исследовательского проекта «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» состоялся круглый стол, который был посвящен работе известного французского философа Ж.-Л. Нанси «Бытие единичное множественное»

Образец цитирования:

Малышкін ЯВ, Паграбняк АА, Гафарова ЮЮ. Круглы стол, прысвечаны кнізе Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае». *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філасофія. Псіхалогія.* 2020;1:15–22.

For citation:

Malyshkin EV, Pogrebniak AA, Gafarova JJ. Round table on J.-L. Nancy's book «Being singular plural». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 1:15–22. Belarusian.

Авторы:

Евгений Витальевич Малышкин – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук.

Александр Анатольевич Погребняк – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук.

Юлия Юрьевна Гафарова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Authors:

Evgenii V. Malyshkin, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of theory and methodology for teaching arts and humanities, faculty of liberal arts and sciences.

malyshkin@yandex.ru

Aleksandr A. Pogrebniak, PhD (economics), docent; associate professor at the department of problems of interdisciplinary synthesis in the field of social sciences and humanities, faculty of liberal arts and sciences.

aaopogrebnyak@gmail.com

Julia J. Gafarova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

gafarova@tut.by

<http://orcid.org/0000-0003-0034-7066>

(*Être singulier pluriel*, 1996). Ключевое понятие проекта – распределенное знание – хорошо проясняется с помощью того, что Ж.-Л. Нанси называет *c-*, или *cum-*. Разъясняя соотнесенность текста французского философа с выбранной исследовательской перспективой, участники круглого стола расширяют контекст употребления таких понятий, как контингентность, распределенность, *Mitsein*, стараясь соответствовать претензии, высказанной в книге Ж.-Л. Нанси: пере(за)писать первую философию.

Ключевые слова: распределенность; распределенное знание; контингентность; *Mitsein*; первая философия.

Благодарность. Исследование проводилось при финансовой поддержке БРФФИ-РФФИ в рамках выполнения научного проекта «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» (№ Г18Р-181, № 18-511-00018 Бел_а).

ROUND TABLE ON J.-L. NANCY'S BOOK «BEING SINGULAR PLURAL»

E. V. MALYSHKIN^a, A. A. POGREBNIAK^a, J. J. GAFAROVA^b

^aSaint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: J. J. Gafarova (gafarova@tut.by)

In June 2019, in the city of Polack (Belarus), as part of the bilateral Belarus – Russian research project «Distribution of knowledge in a network society: the interaction of archaic and modern forms», a round table was held. It was devoted to the text of the famous French philosopher J.-L. Nancy «Being singular plural» (*Être singulier pluriel*, 1996). The key concept of the project which is distributed knowledge, is well defined with what J.-L. Nancy calls *cum-*. Explaining the consistency of the J.-L. Nancy's text with the chosen research perspective, the round table participants expand the context of the use of concepts such as contingency, distribution, *Mitsein*, trying to comply with the claim of J.-L. Nancy's book which is (re)writing first philosophy.

Keywords: distribution; distributed knowledge; contingency; *Mitsein*; first philosophy.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research and the Russian Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «Distribution of knowledge in a network society: the interaction of archaic and modern forms» (No. Г18Р-181, No. 18-511-00018 Бел_а).

Яўген Малышкін: Калі дазволіць якому-небудзь меркаванню авалодаць табой, то апынаешся ў нейкім адмысловым вакууме: кожная значная падзея разгортваецца па загадзя вядомым сцэнарыі, але менавіта такая татальнасць і не дае меркаванню спраўджвацца. Даследчык аказваецца пазбаўленым свайго асноўнага інструмента – адрознення. Сустракаешся з немагой і прымушовай бяздзейнасцю. Таму ўсялякае сустрэчнае меркаванне аказваецца не толькі прадметам для пярэчання або згоды, але і благадаццю. З развіццём праекта, прысвечанага размеркаваным ведам, амаль такая гісторыя і выйшла. І кнігай, якая вывела мяне з вакууму паглынання, стала менавіта «Быццё адзінкавае множнае» Ж.-Л. Нансі. Ён выклаў думкі так, што лёгка згубіцца ў напісаным. І адзіны спосаб захаваць тут размеркаванасць, спагаду – чытаць уважліва, адсочваць уздымы і спады думкі як аўтара, так і свае, прызнавацца ў непрымання, неразуменні ці нязгодзе, такіх жа кантынгентных, як і сама сустрэча з кнігай.

Кантынгентнасць сустрэчы – амаль цэнтральная паняцце ў спробе думаць аб размеркаванасці ведаў. Аднак сёння мне б хацелася яе зрабіць не прадметам, але інструментам рэфлексіі над тым, што

было прачытана. Кантынгентнасць ужо маецца (нам пашанцавала), у нас ёсць кніга, якую варта і чытаць, і перачытваць, і гэта можа стаць прадметам разважанняў. Няма і ніколі не было такога, каб мы думалі самі і толькі самі. Адмовіцца ад субстантывацыі, пакінуць тое, што нам спадарожнічае і рухаецца наперад разам з намі, кантынгентным – вось тая задача, якая здаецца мне і немагчымай, і па-сапраўднаму цяжкай.

Юлія Гафарова: Яўген, хачу адзначыць надзвычайную дарэчнасць выкарыстання паняцця «кантынгентнасць» у размове аб Ж.-Л. Нансі. З аднаго боку, сапраўды можна сказаць, што ў нашай сітуацыі кантынгентнасць існуе ў тым сэнсе, што нам пашанцавала, адбыўся нейкі збег абставін, камплементарная датычнасць, *канстэляцыя* ў гадамераўскім сэнсе слова. З другога ж боку, кантынгентнасць можа ўсведамляцца як адсутнасць неабходнай значнасці ў падставах нашых філасофскіх пазіцый, што дапамагае нам разумець і цяплява прымаць прэтэнзіі Ж.-Л. Нансі.

Я. М.: Так, кніга Ж.-Л. Нансі пачынаецца з яркай прэтэнзіі: «Гэты тэкст не хавае амбіцыі перарабіць усю “першую філасофію”, забяспечваючы яе ў якасці

падставы, “адзінкавым множным” быцця»¹ [1, с. 11]. У гэтай фразе два словазлучэнні ў двукоссі. Першае – цытата з Арыстоцеля, але ў двукоссі яно, хутчэй, таму што, калі думаць, як прапануе Ж.-Л. Нансі, ніякай першай філасофіі ўвогуле няма. Другое цытуе ключавую канструкцыю, якая вынесена на вокладку. Калі ўсякі сэнс даецца нам у нейкай сумеснасці і важна, якая менавіта гэта сумеснасць, то пытанне аб першым прынцыпе, прыроджанай ідэі або *Першым*, што мысліцца ва ўзгодненасці арыстоцэлеўскіх пачаткаў і прычын, папросту не можа быць пастаўлена. Дакладней кажучы, «гэта не азначае, што... варта адвесці *Mitsein* месца нейкага “прынцыпу”, якое прызначалася б яму. Мабыць, су-быццё “ў прынцыпе” пазбягае і завяршэння, і пазіцыі прынцыпу» [1, с. 147]. Зразумелы пачатак апынецца ў нейкай кампаніі. Мы павінны звярнуць увагу не на якасную, а на колькасную вызначанасць гэтай кампаніі. Гэта значыць, пытанне аб *Першым*, наколькі яно наогул існуе, не павінна гучаць так: «Чым ёсць тыя, хто ведае нешта першае?» Гэта не пытанне аб суб’екце, які клапаціцца пра сябе ці пра сабе падобных. Такое пытанне папросту адцягвала б увагу ад прадмета і стварала ў нас ілюзію прыналежнасці да суполкі, якая прэтэндуе на небывалую ўстойлівасць і перавагу ў параўнанні з папярэднікамі і суседзямі. Пытанне, наадварот, павінна стаяць так: «Калі тых, з кім мы здольныя абмяркоўваць па-сапраўднаму цікавае, так няшмат і нам так лёгка страціць суразмоўцу, то якія межы мае наша абмеркаванне, папросту: колькі нас?» Таму што, калі высветліцца, што нас неабсяжная колькасць ці што наш суразмоўца ўнікальны, гэта будзе значыць, што мы зрабілі метадалагічную памылку, прынялі прыватную размеркаванасць ведаў за ўсеагульную або адзінкавую.

Але гэта пытанне, відавочна, не столькі прадметнае, колькі метадалагічнае. Ці не адмаўляем мы тым самым ад прадмета, яшчэ не задаўшы пра яго пытанне? Ж.-Л. Нансі пераказвае гэту ўстаноўку так: «Пачатак – гэта сцвярджэнне; паўтор жа ёсць умова сцвярджэння» [1, с. 22]. Тады што значыць ісці за Ж.-Л. Нансі або (зоймем заведама наўную пазіцыю атаясамлівання) думаць аб размеркаваных ведах? Прэтэнзія на перапрацоўку першай філасофіі рассыпаецца па ходзе чытання кнігі. Ж.-Л. Нансі не прапануе ні нейкай асаблівай даследчыцкай праграмы, ні пэўнай метадалогіі. Яго кніга – гэта зборнік удалых апавяданняў аб тым, што ён называе то адзінкавым множным быццям, то ўвагай да з-, то першапачатковай тэматызацыяй *Mitsein*, а мы, паўтаруся, – размеркаванасцю ведаў.

Ю. Г.: Сапраўды, прэтэнзія Ж.-Л. Нансі з’яўляецца надзвычай яркай, дзёрзкай, аднак наўрад ці абгрунтаванай. Услед за К. А. Сяргеевым можна сцвярджаць, што ў XV ст. у заходнееўрапейскай

традыцыі вызначыліся два падыходы да праблемы суб’екта. Першы з іх – перспектыўнае мысленне, якое было арыентавана на апярэджанне і звязана з магіка-герметычнай традыцыяй (халістычны праект Мікалая Кузанскага), другі – перспектыўна-эўрыстычнае мысленне, якое было выклікана стаўленнем новай механістычнай навукі (сцэнтэтыцкі праект Л. Альберці) [2, с. 61–78]. І калі другі падыход вылучае суб’екта, што пазнае (Ж.-Л. Нансі называе яго прымітыўнай індывідуальнай дадзенасцю [1, с. 76]), то першы, які развівае неаплата-нічную канцэпцыю злучэння ў *Адзіным* бясконцага бога і свету канечных рэчаў, для характарыстыкі крыніцы ведаў звяртаецца да актуальнай бясконцасці [3]. Абодва падыходы прысутнічаюць у рэнесансным антрапацэнтрызме амаль невыразна, толькі як тэндэнцыі. Халістычная тэндэнцыя не зрабілася філасофскім мэйнстрымам, але тым не менш развівалася на працягу ўсёй гісторыі заходняй філасофіі і выступала ў якасці пантэізму Б. Спінозы, манадалогіі Г. Лейбніца, хайдэгераўскага «эскіза» анталогіі *Mitsein*, гэта значыць усіх вучэнняў, якія супрацьстаялі таму, што Ж.-Л. Нансі акрэсліў як «саліпсічную эгалогію» [1, с. 76].

Зрэшты, Ж.-Л. Нансі і сам прызнае, што пытанне пра быццё адзінкавае множнае «задавалася не раз даўняй традыцыяй, якая паходзіць з манадалогіі Г. Лейбніца, а таксама з традыцыі, якая мае справу з рознымі формамі “першапачатковага падзелу”, а ў яшчэ больш шырокім сэнсе – з любымі формамі адрознення адзінага ў ім самім і дзеля яго самога» [1, с. 69]. Што на самай справе важна, і тут мы можам пагадзіцца з Ж.-Л. Нансі, дык гэта «сам паўтор: канцэнтраванне і паглыбленне пытання» [1, с. 70].

Што ж тады азначае выраз: «Ісці за Ж.-Л. Нансі»?

Я. М.: Відаць, рабіць тое ж, што робіць ён: збіраць удалыя апавяданні. Уласна кажучы, філасофія такая з часоў Платона: адзіны сталы яе прадмет – яна сама, тое самае аднаўляльнае намаганне, якое і называецца філасофіяй. Калі наш круглы стол стане зборам выказванняў, апавяданняў аб размеркаваных ведах, падобным да таго, які мы спазналі ў кнізе Ж.-Л. Нансі, я палічу яго надзвычай удалым *з-дарэннем*.

Праўда, філасофія з самага пачатку – не што іншае, як высвятленне, што ўяўляюць сабой рэчы, якія ўтрымліваюць нас разам. Яно не можа быць бязбольным, а неабходнасць адукацыі, прывілеяванае становішча філасофіі ў параўнанні з усімі іншымі навукамі і мастацтвамі, яе школы і пераемнасць – усё гэта не больш чым спроба гэту балючасць, вельмі непрыемную і разбуральную, згладзіць. Мне б хацелася ў сувязі з гэтым успомніць абвінаваўцаў Сакрата, Аніта і Мялета, якія патрабавалі яго смерці, здавалася б, за не такое вялікае злчынства: адлучэнне маладых ад вераванняў бацькоў

¹Тут і далей пераклад наш. – Ю. Г.

і ўважлівасць да боскага, змену яго імёнаў, вынаходніцтва новых.

Пра Сакрата нам вядома, што, дамагаючыся «другога нараджэння» суразмоўцаў, ён здзекаваўся з іх часам вытанчана («Гіпіяс большы»), часам – як атрымлівалася («Парменід»). Гэтыя здзекі былі патрэбныя, каб прымусіць не пераказваць гатовыя, а кожны раз нанова сустракацца з думкай і суразмоўцамі, без якіх меркаванне не спраўдзіцца.

Але здзекі гэтыя, хоць і метадычна вывераныя, па-першае, шкодзяць становішчу поліса, а па-другое, зусім нічога не гарантуюць і самі не ёсць гарантаванымі: яны доўжацца, пакуль існуе Сакрат, і гэта ўсё, што можна сказаць пра іх анталагічны статус, а ці прывядуць яны да ўдалай размовы, да самастойнага выказвання – невядома. Але дзеля чаго тады ўся гэта галечка, клапы [4, с. 176], боль і прыніжэнне? Сам па сабе ж Сакрат і яго занятак няважныя. Нічым не гарантаванае «нараджэнне», якое, у сваю чаргу, таксама можа нічога не прынесці, выступае супраць парадку ў полісе і шанавання багоў. Больш за тое, пазіцыя Сакрата нават горшая, бо яго мэты, «нараджэння чалавека», можна дасягнуць і іншымі сродкамі, тады як ён па незразумелай прычыне заўсёды прытрымліваецца адной і той жа стратэгіі. І калі асяроддзе Сакрата разрастаецца, ён становіцца аўтарытэтным літаральна на пустым месцы, а таму – нязносным.

Аніт, Мялет і Лікон задаюцца такім самым пытаннем: «Чым ты займаешся, Сакрат, што гэта? Памры ці адказвай». Сакрат жа паводзіць сябе дакладна як Ж.-Л. Нансі: распавядае гісторыі, вызывае суразмоўцаў, удалых і не вельмі, і зноў справа не абыходзіцца без здзекаў і жартаў. Можна зразумець і абвінаваўцаў, і суддзяў. З тых часоў пытанне пра тое, як уладкоўваюцца размеркаваныя веды, як мы бачым, прасунулася недалёка, хіба што вынаходніцтва абвінаваўцаў Сакрата – падзяліць паміж сабой магчымы пройгрыш, каб не сплываць ладную суму ў адзіночку, – вельмі ўдасканалілася.

Аляксандр Паграбняк: У мяне пытанне: «Па-сапраўднаму цікавае – гэта абавязкова асаблівае?» Не бывае цікавага адзінкавага або ўсеагульнага? Чаму толькі некаторыя, не адзін і не ўсе, з’яўляюцца цікавымі?

Я. М.: Сама гэта трыяда (*адзінкавае – асаблівае – усеагульнае*), вядома, узятая не з мовы Ж.-Л. Нансі, не з мовы з-. Па-сапраўднаму цікавым топасам я б назваў такі, у якім мы не толькі зафіксавалі ўласную цікавасць, але і вяртаемся да дзейнасці ў поле, што цікавіць нас, але самі ўжо пастаўлены пад сумненне. Сустрэўшыся з разуменнем, мы вымушаны здзяйсняць крокі, пра магчымасць якіх не меркавалі, насуперак свайму жаданню. Узорным дзеяннем тут аказваецца вайна, менавіта яе Ж.-Л. Нансі і разглядае, падводзячы высновы ў кнізе, як бы паказваючы, як працуе машына дыскурсу размеркаванасці.

На вайне рашэнне апырэджвае разуменне, але так выглядае і любая захапляючая размова. Гэта адзін модус праблематычнага.

Другі яго модус – гэта адзінкавае і ўсеагульнае, якія з’яўляюцца праблематычнымі для размеркаванага. Адзінкавая размеркаванасць – амаль аксюмаран. Нельга сказаць, што не бывае думак, якія прыходзілі толькі аднойчы, або краявідаў, якія толькі аднойчы былі ўбачаны. Але і супрацьлеглае сцвярджаць таксама цяжка, бо сама канстатацыя ўнікальнасці памнажае магчымасць яе размеркаванасці. Адзінкавае і ўсеагульнае – маргіналы дыстрыбутыўнасці. Як усеагульная размеркаванасць можа складаць прадмет клопату, падобна да таго, як мы клапоцімся пра тое, каб усе выконвалі правілы дарожнага руху або казалі праўду, так і адзінкавае, унікальнае, мае патрэбу ў штодзённым паказе ўцёкаў ад паўтарэння. Клопат ніколі не заканчваецца – гэта якраз выпадак поўнай, усеагульнай размеркаванасці, але не пазітыўнай, а негатыўнай. Тут добрым прыкладам будзе крытыка А. Макінтайрам кантаўскага катэгарычнага імператыва [5, с. 66]: адмоўная ўсеагульная дыстрыбутыўнасць закону прыводзіць і да недакладнасцей у яго фармулёўцы, і да бязглуздзіцы.

У выніку, адказваючы на пытанне, трэба проста сказаць, што па-сапраўднаму цікавае можа тычыцца любога аб’ёму паняцця, аднак дыстрыбутыўнасць такой цікавасці заўсёды асабліва і важна ўдакладняць, наколькі, якія межы супольнасці і які кошт уваходжання ў яе. Змешваць гэтыя два модусы – аб’ёму паняцця і размеркаванасці – лёгка, і мы часта гэта робім. Напрыклад, ідэя сталага росту эканомікі здаецца несупярэчлівай. Цяжкасці з’яўляюцца, як толькі ўзнікае пытанне пра тое, дзеля каго гэты рост, колькі ўдзельнікаў хуткарослай эканомікі. Тут мы сутыкнёмся і з дэскрыптыўнымі, і з прадказальнымі перашкодамі ўжывання гэтага канцэпту.

А. П.: Яўген, на мой погляд, выказаў два важныя моманты, на якія я хацеў бы звярнуць увагу: па-першае, кантынгентнасць у якасці не прадмета, але інструмента рэфлексіі («Кантынгентнасць сустрачы – ледзь не цэнтральнае меркаванне ў спробе думаць аб размеркаванасці ведаў»); па-другое, пытанне аб межах абмеркавання таго, што па-сапраўднаму цікава, пытанне аб тым, колькі нас. Відавочна, што гэтыя моманты ўзаемазвязаныя, і можна палічыць, што ў іх утрымліваецца ненаўмысленная расшыфроўка назвы кнігі Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае». Быццё, па Нансі, – гэта заўсёды экспанаванне існых адзін аднаму, і яно ніколі не з’яўляецца абгрунтаваным у сутнасці, у субстанцыяльным складзе таго ці іншага існага. У гэтым сэнсе быццё цікавае, яно і ўяўляе сабой *inter-esse*, калі існыя, выступаючы насустрач адзін аднаму, утвараюць супольнасць і падзяляюць сэнс (пры гэтым зноў-такі сэнс не папярэднічае падзелу, але толькі

ў ім і існуе). Вось як пра гэта кажа сам Ж.-Л. Нансі: «Цэлае існага ёсць уласная прычына, і няма ў яго ніякай іншай. Гэта не азначае, што яно – свой прыныцый і свая мэта, паколькі не з’яўляецца “сабой”. Яно ёсць яго ўласнай дыспазіцыяй і множнасцю адзінкаваасцей. Гэта *быццё* выказваецца як нейкае *паміж* і нейкае з- адзінкавых. *Быць, паміж* і з- – адно і тое ж... тое, што не можа быць прадстаўлена як існае сярод іншых, паколькі гэта “сярод” усіх існых (сярод: унутры, усярэдзіне, з-), якія кожны раз існуюць адны сярод другіх» [1, с. 135–136].

Менавіта таму быць самім, па Нансі, не значыць быць індывідам, але значыць быць *да сябе*, і гэта *да* і ёсць (ніколі не-)першапачатковая самасць, доказам чаго служыць фактычнасць мовы, вопыт якой – заўсёды дыялог, хай нават у форме балбатні [1, с. 137].

У іншай сваёй працы «Бяздзейная супольнасць» (*La communauté désœuvrée*, 1986) Ж.-Л. Нансі вызначаў само быццё як стаўленне і (не)абсалютнасць і ў гэтым сэнсе – як *супольнасць*, а таксама як *экстаз*, гэта значыць «выраз немагчымасці абсалютнасці абсалюту, або, інакш кажучы, “абсалютнай” немагчымасці завершанай іманентнасці». Ён (экстаз) «адназначна фіксуе як анталагічную, так і гнасеалагічную немагчымасць абсалютнай іманентнасці (або абсалюту, значыць, іманентнасці) і, такім чынам, як індывідуальнасці, так і чыстай калектыўнай усеагульнасці ў сапраўдным сэнсе. Тэма індывіда і тэма камунізму звязаны ў агульнай праблематыцы іманентнасці. Яны сугучныя ў агульным адмаўленні экстазу. З гэтага часу пытанне супольнасці неаддзельнае ад пытання пра экстаз: гэта значыць, як можна зразумець, ад пытання пра быццё, якое разглядаецца інакш, чым абсалют сукупнасці існых» [6, с. 30–31]. Менавіта таму сустрэча, якая з’яўляецца, відавочна, сэнсам экстазу – гэта сітуацыя, дзе заўсёды здараецца многае, але адзінкавым, унікальным, характэрным чынам. Быццё адначасова адзінкавае і множнае, а не індывідуальнае ці калектыўнае (камуністычнае). Вядома, нельга сказаць, што ў гэтай думцы Ж.-Л. Нансі будзе абсалютным першапраходцам, вось, напрыклад, цытата з працы «Лібідыяльная эканоміка» Ж.-Ф. Ліятара: «Калі кажуць адразу, маецца на ўвазе не толькі *абодва* (ці *n*) *разам*, але і *за раз*, у адзінкаваасці *гэтага* разу, *della volta*» [7, с. 34]. Аналогія з пазіцыяй Ж.-Л. Нансі поўная, але менавіта апошні прэтэндуе на тое, каб на падставе згаданага тэзіса перагледзець першую філасофію. І гэты перагляд, магчыма, звязаны са спробай прыдумаць іншае стаўленне да пытання «колькі?». Невыпадкова ж апошняе эсэ («Чалавечая празмернасць»), якое ўвайшло ў кнігу «Быццё адзінкавае множнае», прысвечана феномену вялікіх лічбаў.

Такім чынам, быццё ў сваім сэнсе ёсць заўсёды ўжо *су-быццё* і *паміж-быццё*, або проста з- і *паміж-*, гэта значыць не столькі *гарызонт* існага (які адразу ж падпарадкоўвае яго апазіцыі *іманентнае* – *транс-*

цэндэнтнае, іх дыялектыцы), колькі яго асяродак. Гэта, напэўна, дазваляе нам сказаць, што быццё існага – гэта яго (існага) размеркаванасць. Адначым, што нельга сцвярджаць, што ёсць нейкае існае, якое потым трэба яшчэ размеркаваць (хоць менавіта так выглядаюць нашы разнастайныя практыкі абыходжання з ім, напрыклад палітыка, накіраваная на ажыццяўленне ідэалаў сацыяльнай ці, наадварот, рынкавай справядлівасці), але так, што яно само (гэта існае і веданне пра яго) адразу ж дадзена як факт размеркавання. Таму адзінкавае і множнае не павінны (хоць і могуць) рэдукавацца адзін да аднаго, такая рэдукцыя прывядзе да адчужэння з-: «Перапоўніць некаторае з- можна, запаўняючы або спусташаючы яго: можна прыпісваць яго да падставы паўнаты і бесперапыннасці ці да бездані непераходнасці. У першым выпадку адзінкавае становіцца прыватным нейкай сукупнасці. І з гэтага часу яно ўжо і не адзінкавае, і не множнае. У другім выпадку адзінкавае існуе толькі асобна ад *сам*, а значыць як сукупнасць, і яно зноў такі не з’яўляецца ні адзінкавым, ні множным» [1, с. 143–144].

Гэта разважанне ставіць пад сумненне прэтэнзію каштоўнасных (вартасных) адносін на вызначэнне першапачатковай структуры нашага вопыту. Такое стаўленне можа быць абумоўлена пытаннем: «Колькі трэба здзейсніць пераходаў (прамежкавых крокаў), каб дасягнуць нейкага выніковага, ужо больш не пераходнага стану?» Менавіта так разумее каштоўнасць Ж.-П. Сартр: як сімвалічны характар усялякага акта прысваення, які спрабуе ўва-собіць тоеснасць *у-сабе* і *для-сябе*, дзе суб’ект мог бы авалодаць уласнай асновай. Але гэта спроба аказваецца марнай: «У выніку, як можна было прадбачыць, дастаткова аздаць грошы, каб ровар належаў мне, але патрэбна ўсё маё жыццё, каб рэалізаваць гэта ўладанне... валоданне з’яўляецца прадпрыемствам, якое смерць пакідае заўсёды незавершаным» [8, с. 595]. Ёсць толькі канчатковая серыя пераходных станаў у спробе самому зацвердзіць сябе, потым адразу ж пачынаецца бездань непераходнасці, без усялякага *сам*. Аналагічнай з’яўляецца і логіка капіталу, які Ж.-Л. Нансі вызначае ў якасці «адчужэння адзінкавага множнага быцця як такога», калі адзінкавае і множнае супрацьпастаўляюцца як «індыферэнтная і пераменная партыкулярнасць вытворчай адзінкі» і «сетка тавараабароту» [1, с. 119]. Гэта ўзаемнае дапушчэнне адчужанага частковага працаўніка і фетышызаванай множнасці таварнага свету і ляжыць у аснове капіталу як дыспазітыва, які тым не менш захоўвае адсылку да быцця як да дыспазіцыі існых: «Незлічоная “прыбавачная вартасць”, “вартасць” як бясконцае, кругавое і самамэтавае ўзрастанне выстаўляе напакань недасягальнасць першапачатковай або канчатковай “вартасці” і ў выніку адкрыта, парадаксальным і жорсткім чынам ставіць пытанне пра нешта, што “не мае кошту”

(*hors-valeur*), ці пра “абсалютную вартасць”, якую немагчыма вымераць, а значыць, пра нешта, што не мае кошту (пра тое, што І. Кант называў “годнасцю”)» [1, с. 120]. У гэтым сэнсе можна сказаць, што капітал увасабляе метафізічнае намаганне пераадолець кожную рэшткавую фізічнасць чалавечага быцця, і сёння гэта намаганне набыло форму практыкі татальнага менеджменту, які ператварае ўсе заняткі (мастацтва, адукацыя, каханне і г. д.) у разнавіднасці дзелавога прадпрыемства, якія канкуруюць (акселерацыяналізм, бліскуча прадстаўлены ў тэкстах Н. Ланда). Ж.-Л. Нансі ў сувязі з гэтым кажа, што мадальнасць з- (*сiт-*) сутыкаецца тут з мадальнасцю *транс-* (што, у прыватнасці, даказваецца багаццем тэрмінаў тыпу *транспарт, трансакцыя, трансфер, трансфармацыя* і іншых варыяцый на тэму *трансэндэнцыі*). *Транс-* і з- пераплечены паміж сабой, і ўсё ж іх варта адрозніваць: першае прадугледжвае ў якасці ідэалу тоеснасць сябе і іншага, «су-быццё, наадварот, азначае іншага, які ніколі не вернецца да тоеснасца, множнасць вытокаў» [1, с. 129]. Мадальнасць *транс-* ператварае вопыт існавання ў бесперапыннае выгнанне, калі стаўленне да сябе аказваецца «спрадвечна апанутым у жалобу» [1, с. 125], а каханне – «клопатам» аб тым, што спрадвечна выпадае з-пад увагі, або тым, чаго бракуе» [1, с. 127]. Такім чынам, анталогія нашага сумеснага быцця аказваецца анталогіяй дэфіцыту. У процілегласць гэтаму, «не будучы ні “каханнем”, ні нават наогул “сувяззю” і ўжо тым больш ні су-паложнасцю абьякавасцей, з-з’яўляецца ўласным рэжымам множнасці вытокаў, з якіх яны выходзяць, не адны з адных, не адны для іншых, але адны з прычыны іншых альбо у-адносінах-да-іншых» [1, с. 131].

На мой погляд, апошняе сцвярджэнне ў згорнутым выглядзе змяшчае тое галоўнае, чаму прысвечана кніга «Быццё адзінкавае множнае». Уласна кажучы, адзінае, што адбываецца ў кнізе, – гэта цыркуляцыя згаданай тэзы, яе герменеўтычнае кружэнне ў розных сферах вопыту, дзякуючы чаму філасофскі трактат, больш за тое – сачыненне, якое прэтэндуе быць трактатам па першай філасофіі, ператвараецца, як трапна заўважыў Яўген, у збор удалых апавяданняў. Менавіта таму хочацца зрабіць спробу патлумачыць ключавую тэзу кнігі Ж.-Л. Нансі такім чынам, пра які, як мне здаецца, сама яна і заяўляе як пра (не)першапачатковы спосаб быць і думаць. Інакш кажучы, я хачу разгарнуць гэту тэзу з пункта гледжання (яшчэ аднаго) вартага ўвагі апавядання, якое, не ведаючы таго, аказваецца ў дадзены момант размеркаваным у суполку нас, навукоўцаў, якія размаўляюць пра Ж.-Л. Нансі («Цябе куды размеркавалі?» – пыталіся адзін у аднаго ў савецкія часы выпускнікі навучальных устаноў; «Мы жывём не ў грамадстве спахывання, а ў грамадстве размеркавання», – пісаў А. Бітаў у «Пушкінскім доме»).

Я маю на ўвазе апавяданне (у тым ліку і ў афіцыйным літаратуразнаўчым сэнсе слова) Ю. Казакова «Праклятая поўнач». На фармальнае пытанне: «Пра што апавяданне?» – можна адказаць, што яно пра няўдалую спробу двух маракоў паўночнага флоту, якія апынуліся ў адпачынку ў Ялце, добра правесці час. Ці ўсё ж такі пра ўдалую? Апавяданне, вядома, не паддаецца адназначнаму тлумачэнню, яго сэнс не так лёгка *транс-*партаваць. Адзначу толькі культурна-эстэтычныя, на маю думку, моманты. Вось героі аказваюцца ў рэстаране, за бутэлькай каньяку, а за суседнім столікам – маракі (паўднёвыя кабатажнікі, яны апырыліся выклікаюць у паўночнікаў пагарду), якія, не ведаючы, чым пацешыць сваіх дзяўчат (у нашых герояў ніякіх дзяўчат няма, толькі ўспаміны, ды і тое, у асноўным пра няўдачы), агучваюць «статыстыку кахання», згодна з якой у кожную хвіліну на зямным шары адбываецца тры мільёны пацалункаў. І гэта лічба раптам наганяе на галоўнага героя тугу: «Гэта была такая жудасная лічба, што неяк нават і не ўяўлялася нічога, нельга было ўсвядоміць, адчуць гэтыя пацалункі, якімі ў гэтую хвіліну займаліся дзесь у нас на вялікай прасторы, і ў Афрыцы, і ў Аўстраліі, і ў Польшчы... А прыгадваўся мне чамусьці дзікія фактары – усе, якія я бачыў на поўначы, выспы, чорныя базальтавыя скалы і ледзяныя купалы, якія сыходзяць у фіялетавае арктычнае неба, і смарагдавыя заломы леднікоў, сінія цені ў расколінах, вечныя маўклівыя чайкі за кармой, уздыхі машын, жар у апраметных кацельнях, цесныя кубрыкі, каюты, паравое цяпло ў рубках, сіпатыя нізкія рыканні параходных гудкоў у тумане і безыменныя па ўсёй поўначы долкі, у якіх калеюць хлопцы, і гэтыя хлопцы ніколі нікога не пацалуюць... Усё гэта праходзіла паўз мяне, змешвалася, і было радасна, і холадна, і сумна адначасова» [9, с. 132–133].

Туга суіснуе з радасцю, як і холад – з патройным цяплом Ялты, рэстарана, каньяку, жывыя чайкі – вечныя і маўклівыя, мёртвыя машыны ўздыхаюць, тое, што праходзіць, не выбудоўваецца ў паслядоўнасць, а змешваецца, пра радасць гаворыцца адразу ж услед за тым, як шырокі спіс паўночных успамінаў даходзіць да долак, дзе калеюць хлопцы, якія ніколі нікога не пацалуюць. Уся справа ў тым, што менавіта адмеранай бясконцасці пацалункаў, адным з якіх у гэтую хвіліну павінен «займацца дзесь у нас на вялікай прасторы» і ты (інакш кажучы, нарматыўнасці адпачынку, шчасця, удачы, поспеху і г. д.), відавочным чынам супрацьпастаўляецца «канечнасць, якая сама бязмерная», а таксама адказнасць, што заключаецца ў тым, што не трэба «суадносіць сябе з якой-небудзь нарматыўнай інстанцыяй» [1, с. 270]. Адштурхоўваючыся ад «жудаснай лічбы», герой Ю. Казакова па-свойму адаптуе тэзу Ж.-Л. Нансі: «Памер чалавецтва становіцца неаддзельным ад яго годнасці» [1, с. 267]. Яшчэ раз

паўторым пытанне Яўгена: «У якой колькасці мы апынаемся, калі нас чакае нешта бязмернае: незлічоная прыбавачная вартасць, тры мільёны пацалункаў – прыкладаў такога роду безліч?».

Ю. Г.: Я б хацела задаць пытанне, якое дэталізуе граматыку гэтага *sit-*, або размеркаванасці. Калі размеркаванасць нерэlevantная вызначэнням кахання ў іўдзейска-хрысціянскім сэнсе, яна апынаецца па-за межамі як трансцэндэнтнага, так і іманентнага. Ці значыць гэта, што быццё адзінкавае множнае жыве па-за любоўю да іншага як да самога сябе, па-за каханнем як літасцю, спагадай?

Я. М.: Якое добрае пытанне! Я б хацеў удакладніць яго так: «Што, любоўныя *пера*-жыванні цяпер, пасля выхаду кнігі Ж.-Л. Нансі, ужо не ў модзе?» Але, гаворачы пра бязмернасць прыбавачнай вартасці і «жудасную лічбу» пацалункаў, хіба мы не вяртаем гэту самую канцэпцыю трансцэндэнтнасці толькі пад іншым імем? З дапамогай гэтых пытанняў мы пазбавімся і ад дакучлівасці радкоў Ф. Цютчава, якія не ідуць у мяне з галавы з пачатку выступлення Аляксандра: «Не дадзена прадбачыць нам, / Як слова наша адгукнецца, / І спачуванне нам даецца, / Як нам даецца спагадаць» [10, с. 307]. Тут быццам бы гаворыцца пра самую сутнасць размеркаванасці, кантынгентнасць водгуку пераплятаецца з непазбежнасцю ўласнай уцягнутасці. А ўсё ж Фёдар Іванавіч гэта падабенства спагады і спакування відавочна ўстанаўлівае адпаведна нейкай трансцэндэнтнай субстанцыі. Шлях спачування, спагады падобны да шляху веры, і ў гэтым пазітыў верша. Размеркаванасць жа, прынамсі ў выказванні Аляксандра, пабудавана інакш: трансцэндэнтнае заменена вялікай колькасцю вытокаў. Ва ўсякім разе я пачуў менавіта гэта проціпастаўленне.

А. П.: Усё дакладна так, і я спрабаваў выказаць менавіта думкі Ж.-Л. Нансі, выкарыстоўваючы тэкст яго кнігі: мноства вытокаў замест апазіцыі *трансцэндэнтнае – іманентнае*, менавіта так кажа сам аўтар. А бязмерная прыбавачная вартасць і «жудасная лічба» пацалункаў, вядома ж, канкрэтныя ўвасабленні той дакучлівай трансцэндэнтнасці, што Ж.-Л. Нансі супрацьпастаўляе сваю «першую філасофію» і антрапалогію, якая базіруецца на ёй. Згодна з апошняй, ісцінай чалавека з'яўляецца не нешта *транс-чалавечае*, але менавіта *са-чалавечае*, дзе, вядома ж, *чалавечае* і ўяўляе сабой гэтае *са-*, а не нейкую субстанцыю, якая толькі потым акцыдэнцыяльна ўступае ў адносіны з кімсьці і чымсьці. Выказванне, што любоўныя перажыванні больш

не ў модзе, я б рызыкнуў удакладніць так, што Ж.-Л. Нансі аддае перавагу эпікурэйскаму правілу размеркавання «Венерынай вільгаці» паміж рознымі (нават разнастайнымі) аб'ектамі [11, с. 152], а не платонаўска-арыстоцэлеўскаму разуменню любові як імкнення ўсяго існага да *Адзінага*, альбо *Розуму*. Эпікурэйскае правіла паўтаралася затым З. Фрэйдам у яго вядомай дэфініцыі шчасця як «праблемы гаспадарскага выкарыстання індывідуальнага лібіда» [12, с. 308], якое не рэкамендуецца цалкам змяшчаць у адзін «банк». У рэшце рэшт, твор «Праклятая поўнач» Ю. Казакова і вызначае менавіта такі кірунак гэтага згасання агню кахання, але не ў цынічна-ашчадным сэнсе («банк» адзінага кахання можа прагарэць, і што тады?), а ў сэнсе камуністычным: як умову магчымасці ператвараць каханне ў нейкую супольную справу (не ў эгаістычны запал валодання ці запісаную на яе вывараце мазахісцкую прагу поўнай самааддачы). Карыстаючыся тэрмінамі Дж. Агамбена, адзначым, што гаворка ідзе пра каханне як карыстанне, якое не суправаджаецца канстытуяваннем права ўласнасці – права ўсіх правоў, якое якраз і вызначае падзел свету на сваё і чужое, іманентнае і трансцэндэнтнае. У Ж.-Л. Нансі з-аналагічнае *спецыяльнаму* Дж. Агамбена ў іх агульным супрацьстаянні *транс-* і *персанальнаму*. «Спецыяльнае быццё чароўнае, – піша Дж. Агамбен, – таму што прапануецца перш за ўсё ў агульнае карыстанне, але не можа быць аб'ектам прыватнай уласнасці. Для персанальнага, наадварот, немагчымыя ні карыстанне, ні ўцеха, але толькі ўласнасць і рэўнасць» [13, с. 62]. І нарэшце, сапраўднае каханне і сапраўдныя палюбоўнікі, па Нансі (які тут абаянаецца на антыгегелеўскую інтуіцыю Ж. Батая), калі нечым і займаюцца, то толькі тым, што «выказваюць *par excellence* бяздзейнасць супольнасці», і нават нараджэнне дзіцяці зусім не здымае адрознення палюбоўнікаў, у духу Гегеля, але выносіць гэта адрозненне далей: дзіця «не завяршае каханне, а падзяляе яго па-новаму, дазваляе яму зноў увайсці ў камунікацыю і, акрамя таго, быць выказаным супольнасці» [6, с. 82]. Ж.-Л. Нансі супрацьпастаўляе такое разуменне кахання іўдзейска-хрысціянскай дактрыне, дзе хоць і гаворыцца пра блізкага, але на самай справе гаворка ідзе пра несувярэнасць іншага, так што вымярэнне з-адначасова і з'яўляецца (бо блізкасць азначае *каля, дотык*), і знікае (паколькі «гэты іншы не ёсць з-, ён ужо ці ўсё яшчэ не з-, ён бліжэй і далей, чым любое быццё-разам») [1, с. 125–129].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нансі Ж.-Л. *Бытие единичное множественное*. Минск: Логвинов; 2004. 272 с.
2. Сергеев К. *Ренессансные основания антропоцентризма*. Санкт-Петербург: Наука; 2007. 594 с.
3. Кузанский Н. О видении Бога. В: Кузанский Н. *Сочинения. Том 2*. Москва: Мысль; 1979. с. 33–95.
4. Аристофан. *Комедии. Фрагменты*. Москва: Ладомир; 2008. 1033 с. Совместно с издательством «Наука».

5. Макинтайр А. *После добродетели. Исследования теории морали*. Москва: Академический проект; 2000. 383 с.
6. Нанси Ж-Л. *Непроизводимое сообщество*. Москва: Водолей; 2009. 208 с.
7. Лиотар Ж-Ф. *Либицинальная экономика*. Москва: Институт Гайдара; 2018. 472 с.
8. Сартр ЖП. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Москва: Республика; 2000. 639 с.
9. Казаков ЮП. *Двое в декабре. Рассказы*. Москва: Молодая гвардия; 1966. 272 с.
10. Тютчев ФИ. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель; 1987. 563 с.
11. Тит Лукреций Кар. *О природе вещей*. Москва: Художественная литература; 1983. 383 с.
12. Фрейд З. *Художник и фантазирование*. Москва: Республика; 1995. 400 с.
13. Агамбен Д. *Профанации*. Москва: Гилея; 2014. 112 с.

References

1. Nancy J-L. *Being singular plural*. Stanford: Stanford University Press; 2000. 230 p.
Russian edition: Nancy J-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe*. Minsk: Logvinov; 2004. 272 p.
2. Sergeev K. *Renessansnye osnovaniia antropotsentrizma* [Renaissance foundations of anthropocentrism]. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 594 p. Russian.
3. Kuzanskii N. [The vision of God]. In: Kuzanskii N. *Sochineniya. Tom 2* [The works. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1979. p. 33–95. Russian.
4. Aristofan. *Komedii. Fragmenty* [Comedies. Fragments]. Moscow: Ladimir; 2008. 1033 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. MacIntyre A. *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; 1981. 286 p.
Russian edition: MacIntyre A. *Posle dobrodeteli. Issledovaniia teorii morali*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2000. 383 p.
6. Nancy J.-L. *The inoperative community*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1991. 224 p.
Russian edition: Nancy J-L. *Neproizvodimoe soobshchestvo*. Moscow: Vodolei; 2009. 208 p.
7. Lyotard JF. *Libidinal economy*. Bloomington: Indiana University Press; 1993. 275 p.
Russian edition: Lyotard JF. *Libidinal'naia ekonomika*. Moscow: Institut Gaidara; 2018. 472 p. Russian.
8. Sartre JP. *Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology*. Abingdon: Routledge; 1956. 688 p.
Russian edition: Sartre JP. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow: Respublika; 2000. 639 p.
9. Kazakov YP. *Dvoe v dekabre. Rasskazy* [Two in December. The stories]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1966. 272 p. Russian.
10. Tyutchev FI. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel'; 1987. 563 p. Russian.
11. Tit Lukretsii Kar. *O prirode veshchei* [On the nature of things]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1983. 383 p. Russian.
12. Freud S. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow: Respublika; 1995. 400 p. Russian.
13. Agamben G. *Profanations*. Cambridge: Polity; 2008. 102 p.
Russian edition: Agamben G. *Profanatsii*. Moscow: Gileia; 2014. 112 p.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 29.12.2019.
Received by editorial board 29.12.2019.

УДК 130.123;316.62

САМОПОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ: СОВЕТЫ ФИЛОСОФОВ И НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена философская традиция понимания феномена самопознания и его роли в жизни человека. Раскрыта сущность самопознания, его основные методы, место в формировании самооценки и смысла жизни. Показаны конкретные способы целенаправленного овладения человеком своим сознанием, эмоциональным состоянием и поведением. Рассмотрено место самопознания в его воздействии на поведение и формирование народной мудрости, отразившейся в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: самопознание; самооценка; смысл жизни; сознание; эмоциональное состояние; поведение; народная мудрость.

SELF-KNOWLEDGE AND BEHAVIOR: TIPS OF PHILOSOPHES AND PEOPLE'S WISDOM

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The philosophical tradition of understanding the phenomenon of self-knowledge and its role in human life is presented. The essence of self-knowledge, its basic methods, place in the formation of self-esteem and the meaning of life are revealed. Concrete methods of purposeful mastery of a person's own consciousness, emotional state and behavior are shown. The place of the self-knowledge in terms of it influence on behavior reflected in proverbs and sayings has been discussed.

Keywords: self-knowledge; self-esteem; meaning of life; consciousness; emotional condition; behavior; folk wisdom.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Самопознание и поведение: советы философов и народная мудрость. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:23–31.

For citation:

Rubanau AV. Self-knowledge and behavior: tips of philosophes and people's wisdom. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:23–31. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Авторство надписи «Познай самого себя» на стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах приписывается одному из семи древнегреческих мудрецов. Особое значение этой формуле придавал Сократ в своих философских размышлениях. Созвучную мысль мы встречаем у Гераклита: «Я искал самого себя» [1].

Что означает самопознание согласно представлениям древних мыслителей?

В первую очередь это выявление своих недостатков и ошибок. Такие мысли мы встречаем, в частности, у Конфуция («Совершенный человек все ищет в себе, ничтожный – в других» [2]) и Демокрита («Лучше изболтать собственные ошибки, чем чужие» [3]). Как лучше заниматься самопознанием? Ответ достаточно прост: находи достойные образцы, сравнивай себя с ними, учишься у них. Конфуций по этому поводу говорит: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)» [4]. У Сенеки встречаем: «Долог путь поучения, короток и успешен путь примеров» [5]. Далее он как бы в развитие этой мысли предлагает: «Выбери того, чья жизнь, и речь, и даже лицо, в котором отражается душа, тебе приятны; пусть он всегда будет у тебя перед глазами либо как хранитель, либо как пример» [6].

Раскрывая, если выразиться современным языком, технологию самопознания, Пифагор учит методичности: «Не закрывай глаз, когда хочешь спать, не разобравши всех своих поступков за прошедший день» [7]. По словам Аристотеля, «узнать самого себя – это и самое трудное... и самое радостное... но самих себя своими силами мы не можем видеть... при желании видеть свое лицо мы смотримся в зеркало, при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга. Ведь друг, как мы говорим, это “второе я”. <...> Знать себя невозможно без помощи друга» [8].

На основе правдивых знаний о себе и следования положительным примерам должна формироваться самооценка, прежде всего самоуважение как ее позитивная основа. Пифагор подчеркивал: «Не делай ничего постыдного ни в присутствии других, ни втайне. Первым твоим законом должно быть уважение к себе самому» [7].

Основополагающий путь формирования положительной самооценки и овладения своим поведением – поиск, нахождение и реализация человеком смысла своей жизни. Многие известные мыслители в разные периоды истории отмечали первостепенную роль в поведении человека осмысленность им своего существования. Многообразные оттенки и значения смысла жизни представлены, например, в следующих высказываниях, относящихся к разным историческим временам: «Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него

ни один ветер не будет попутным» (Сенека) [9]; «Высший позор – ради жизни утратить смысл жизни» (Ювенал) [10]; «Горе людям, не знающим смысла своей жизни» (Б. Паскаль) [11]; «Человек должен мечтать, чтобы видеть смысл жизни» (Вольтер) [12]; «Пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни» (Н. А. Бердяев) [13]; «Отсутствие смысла в жизни играет критическую роль в этиологии невроза. В конечном счете невроз следует понимать как страдание души, не находящей своего смысла... Около трети моих случаев – это страдание не от какого-то клинически определенного невроза, а от бессмысленности и бесцельности собственной жизни» (К. Г. Юнг) [14].

В соответствии с главным принципом экзистенциализма, согласно которому «существование предшествует сущности», Ж.-П. Сартр отмечает, что «жизнь до того, как мы ее проживём, – ничто, но это от вас зависит придать ей смысл» [15]. В свою очередь, А. Камю как бы продолжает: «Я видел, как много людей умирает потому, что жизнь для них больше не стоила того, чтобы жить. Из этого я делаю вывод, что вопрос о смысле жизни – самый насущный» [16].

Смысл жизни – это то, что определяет предназначение человека и конечную цель его существования, придает цельность его жизненному пути. Личность формируется на основе ценностей, наиболее значимых и важных для нее: чаще всего это любимый человек, семья, дети, вера, профессиональная деятельность, здоровье, друзья, идейные убеждения и др.

Согласно логотерапии (от греч. *logos* – слово, понятие, учение; *therapeia* – забота, уход, лечение) В. Франкла, борьба за смысл жизни является основной движущей силой человека. Смысл жизни для каждого уникален, у любого индивида свое призвание. Поэтому, убежден В. Франкл, важен не смысл жизни вообще, а специфический смысл жизни данной личности в данный момент времени [17, с. 123]. Однако есть смыслы, которые присущи людям определенного общества. Есть смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении всей человеческой истории: они относятся, скорее, к человеческому положению в целом, а не к уникальным ситуациям. Смыслы не просто выражение самости человека, они больше, чем проекция самости. Это и есть то, что полагается ценностями [18, с. 288].

Смыслы, продолжает В. Франкл свои рассуждения, обнаруживаются, а не придумываются. Сущность существования – самотрансценденция. Быть человеком – значит быть направленным не на себя, а на что-то иное, значит превзойти себя. Существует три основных способа, благодаря которым человек может сделать свою жизнь осмысленной: первый путь – то, что он может создать, это творчество; второй – новые встречи и переживания, новый опыт; третий – нахождение смысла даже в самом тяжелом положении, в котором человек может оказаться [18, с. 300].

В. Франкл обратил особое внимание на необходимость преодоления нусогенных неврозов (от греч. *noos* – мысль, ум, разум; *genus* – род, происхождение), порождаемых утратой смысла жизни, ощущением ее пустоты и бесполезности, т. е. так называемым экзистенциальным вакуумом. Он обратил особое внимание на воскресные неврозы – «такой вид депрессии, которая охватывает многих при сознании недостатка содержания в своей жизни, когда обрывается натиск недельных занятий и становится очевидна пустота своего существования» [17, с. 258].

Самопознание – основа самооценки и действий по овладению своим разумом, эмоциями и в конечном счете поведением. Первичную роль разума в этом процессе можно проиллюстрировать словами Цицерона: «Каждый человек – отражение своего внутреннего мира. Как человек мыслит, такой он и есть (в жизни)» [19].

У древних мыслителей мы встречаем прямые указания на необходимые действия, чтобы овладеть содержанием своего сознания и ходом размышлений. Так, философы предлагают учиться мудрости, раскрывая различные аспекты самого процесса обучения, например, Демокрит: «Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться» [20]. Конфуций уточняет: «Перед человеком к разуму три пути: путь размышления – это самый благородный; путь подражания – это самый легкий; путь личного опыта – самый тяжелый путь» [4]. У Лао-цзы читаем: «Лучшее знание – это незнание о том, что ты что-то знаешь» [21]. Цицерон напоминает: «Мудрость Сократа состояла в том, что он не думал, что знал то, чего не знал» [22]. Сенека считает, что «полезнее знать несколько мудрых правил, которые всегда могли бы служить тебе, чем выучиться многим вещам, для тебя бесполезным» [23]. Новое время открывает нам мысли Вольтера («Суди о человеке больше по его вопросам, чем по его ответам») [24] и И. Канта («Мыслить – значит говорить с самим собой, слышать себя самого») [25].

В разные исторические периоды мы встречаемся с сознанием того, что содержание сознания прямо влияет на настроение, общее духовное самочувствие. Например, римский стоик М. Аврелий писал, что «наша жизнь есть то, что мы думаем о ней» [26]. В XVI в. М. Монтень отметил, что «самым лучшим доказательством мудрости является непрерывно хорошее расположение духа» [27]. В XX в. Д. Карнеги советовал: «Заполните свой ум мыслями о спокойствии, мужестве, здоровье и надежде, ведь «наша жизнь – это то, что мы думаем о ней»» [28].

Мыслители прошлого оставили ценные советы о том, как способствовать осмысленной организации умственной деятельности. Вот некоторые из них: «Пробуя на вкус, не думай о том, что считается вкусным» (Лао-цзы) [29]; «Более поздние мысли обычно бывают более разумными» (Цицерон) [30]; «Только дурак в своей жизни не меняет мнения»

(Конфуций) [31]; «Глуп тот человек, который остается всегда неизменным» (Вольтер) [32].

Не менее содержательно насыщенными и разнообразными являются рекомендации известных авторов по поводу того, что следует делать, чтобы научиться овладевать своим эмоциональным состоянием. Первая из них гласит: владейте своими эмоциями и используйте их с пользой для себя. Аристотель писал в этой связи: «Властвует над страстями не тот, кто совсем воздерживается от них, но тот, кто пользуется ими так, как управляют кораблем или конем, то есть направляют их туда, куда нужно и полезно» [33]. В другом случае он продолжал: «Каждый может разозлиться – это легко; но разозлиться на того, на кого нужно, и настолько, насколько нужно, и тогда, когда нужно, и по той причине, по которой нужно, и так, как нужно, – это дано не каждому» [34].

Вторая рекомендация: целенаправленно создавайте себе позитивное настроение. Сенека выразился кратко, но точно: «Несчастлив тот, кто счастливым себя не считает» [35]. В XX в. данную позицию повторил Д. Карнеги: «Думайте и ведите себя жизнерадостно и вы почувствуете себя жизнерадостным»; «Ведите счет своим удачам, а не своим неприятностям!» [28].

Следующий необходимый шаг в овладении эмоциями – сознательный уход от негативного эмоционального состояния, чувства неудовлетворенности жизнью. Вот примеры высказываний о подобном подходе: «Один из самых полезных жизненных навыков – это умение быстро забывать все плохое: не заикливаться на неприятностях, не жить обидами, не упиваться раздражением, не таить злобу... Не стоит тащить разный хлам в свою душу» (Будда) [36]; «Страшно не то, что вас обманули или обокрали, страшно, что вы постоянно помните об этом» (Конфуций) [2]; «Будем наслаждаться своим уделом, не прибегая к сравнениям, – никогда не будет счастлив тот, кого мучит вид большего счастья... Когда тебе придет в голову, сколько людей идет впереди тебя, подумай, сколько их следует сзади» (Сенека) [37]; «Человек страдает не столько от того, что происходит, сколько от того, как он оценивает то, что происходит» (М. Монтень) [38].

Нужно ценить то, что имеешь, чтобы всегда быть в хорошем расположении духа, – тогда ты не допустишь неприятных переживаний из-за того, чего у тебя нет. Эпикур верно заметил: «Не порти впечатление от того, что имеешь, желая того, чего у тебя нет. Помни о том, что когда-то ты лишь только надеялся получить то, чем обладаешь сейчас» [39]. Спустя много столетий ему вторит И. Кант: «Дайте человеку все, чего он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это все не есть все» [40].

Столь же важно сдерживать проявление своих негативных эмоций. Аргументы в подтверждение и развитие этого тезиса также весьма разнообразны:

«Ты будешь наказан не за свой гнев; ты будешь наказан своим гневом» (Будда) [41]; «Во время гнева не должно ни говорить, ни действовать» (Пифагор) [42]; «Когда гнев или какой-либо иной подобного рода аффект овладевает индивидом, решение последнего неминуемо становится негодным» (Аристотель) [34]; «Глупо рвать на себе волосы от горя, как будто горе уменьшится, если ваша голова станет лысой» (Цицерон) [43]; «Завистливый человек причиняет огорчение самому себе, словно своему врагу» (Демокрит) [44]; «Всякая злость происходит от бессилия» (Ж.-Ж. Руссо) [45]; «Зависть – яд для сердца» (Вольтер) [46].

Одновременно важно уходить от постороннего негативного эмоционального влияния. Лао-цзы убежден: «Ваши управляет тот, кто вас злит» [47]. Применительно к современному времени уместно вспомнить высказывание Д. Карнеги: «Никогда не пытайтесь свести счеты с вашими врагами, потому что этим вы принесете себе гораздо больше вреда, чем им. Поступайте как генерал Эйзенхауэр: никогда не думайте ни минуты о людях, которых вы не любите» [28]. И еще один важный совет: необходимо осознанно использовать некоторые эмоциональные состояния в целях самовоспитания. Речь идет прежде всего о чувствах стыда и вины. О первом из них Демокрит говорил: «Если даже ты наедине с собой, не говори и не делай ничего дурного. Учись гораздо более стыдиться самого себя, чем других» [44]. О вине, которая ассоциируется с совестью, поучительное высказывание оставил Цицерон: «Велико могущество совести: оно дает одинаково чувствовать, отнимая у невинного всякую боязнь и беспрестанно рисуя воображению виновника все заслуженные им наказания» [48].

Важнейший элемент самовоздействия – овладение своим поведением. Сошлемся в очередной раз на древних мудрецов: «Умеющий управлять другими силен, но умеющий владеть собой еще сильнее» (Лао-цзы) [29], «Сильнее всех – владеющий собою» (Сенека) [49] и «Превосходно, если мы сами в состоянии управлять собой» (Цицерон) [50].

Как работает механизм регуляции поведения?

Во-первых, самоопределяйтесь в жизни, выбирайте свой жизненный путь самостоятельно. Конфуций учил: «Живи так, как хочешь ты, а не как ожидают от тебя другие. Неважно, оправдаешь ты их ожидания или нет, умирать ты будешь без них. И свои победы одержишь сам!» [51].

Во-вторых, достигайте задуманной цели, будьте целеустремленными, проявляйте настойчивость, преодолевайте препятствия, возникающие на вашем жизненном пути: «Кто хочет – ищет способ, кто не хочет – ищет причину» (Сократ) [52]; «Ничто так сильно не разрушает человека, как продолжительное бездействие» (Аристотель) [53]; «Человек должен научиться подчиняться самому себе и повиноваться своим решениям» (Цицерон) [54]; «Никогда не бывает великих дел без великих препятствий» (Вольтер) [55]; «Когда

решение принято, приступайте к действиям! Займитесь осуществлением своего решения и отбросьте все беспокойство по поводу результата» (Д. Карнеги) [28].

В-третьих, начиная действовать, будьте уверены в себе, своих силах и способностях: «Тот может, кто думает, что может» (Будда) [56].

В-четвертых, стремитесь к самосовершенствованию – тогда вы достигнете желаемого: «Надежда выздороветь – половина выздоровления» (Вольтер) [57]; «Человеку недостаточно познать самого себя, нужно найти также способ, с помощью которого он сможет разумно показать, проявить себя и, в конце концов, изменить себя и сформировать» (Ф. Бэкон) [58].

В-пятых, не упорствуйте в своих ошибках: «Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, несвойственно упорствовать в ошибке» (Аристотель) [34].

В-шестых, соотносите поставленные цели со своими возможностями: «Лучший результат, который может выбрать для себя человек, – добиваться самого высокого результата, на который способен» (Аристотель) [59]; «Всем желаниям следует предъявлять такой вопрос: что будет со мной, если исполнится то, чего я ищу вследствие желания, и если не исполнится?» (Эпикур) [60]; «Там, где ты ничего не можешь, там ты ничего не должен хотеть» (Сенека) [61].

В-седьмых, выбирайте правильную тактику действий, а для этого следуйте совету Аристотеля: «Благо везде и повсюду зависит от соблюдения двух условий: правильного установления конечных целей и отыскания соответствующих средств, ведущих к конечной цели» [33].

Сенека особо подчеркивал: «Образование людей должно было начинаться с пословиц и кончиться мыслями» [62]. Пословицы и поговорки, будучи краткими афористическими высказываниями на разные жизненные темы и сюжеты, возникли из практического опыта многих поколений. Утверждая или отрицая что-либо в форме императива, предлагая определенные способы действия и оценки ситуации, они учат человека азбучным истинам жизни и поведения. Их доходчивость помогает людям разбираться в сложных ситуациях и принимать правильные решения. Очевидность и убедительность народной мудрости становится для многих источником жизненной энергии и эффективного действия. Регулирующая функция этих фраз проявляется на самых разных этапах развертывания человеческой деятельности и состоит в обучении способам действия, сообразным той или иной ситуации.

Прежде всего пословицы и поговорки предостерегают от пассивности и иницируют начало действия (под лежащий камень вода не течет; что посеешь, то и пожнешь; на Бога надейся, а сам не плошай; попытка не пытка; волка ноги кормят; начало – половина всего; и хочется, и колется). Они оправдывают риск, несколько завышенные притязания, часто сопутствующие началу деятельности, отчасти ума-

ляют последствия возможных неприятностей (чем черт не шутит; чему быть, того не миновать; лиха беда начало; где наше не пропало; риск – благородное дело; пан или пропал), поощряют действие, даже если оно несколько запоздало (лучше поздно, чем никогда), поддерживают при первых неудачах (первый блин всегда комом). Но и они же предостерегают от непродуманных и неадекватных действий (от добра добра не ищут; выше головы не прыгнешь; игра не стоит свеч; что имеем не храним, потерявши плачем; что посеешь, то и пожнешь; как аукнется, так и откликнется; лучше синица в руке, чем журавль в небе; не суй нос не в свои дела; дурная голова ногам покоя не дает; кто сеет ветер, пожинает бурю; каждому овощу свое время).

Одна часть устойчивых выражений направлена на формирование необходимых навыков действия (взялся за гуж, не говори, что не дюж; назвался груздем, полезай в кузов; век живи, век учись; бережного Бог бережет; волков бояться, в лес не ходить; учись на ошибках других; слезами горю не поможешь; своя ноша не тянет; ни рыба ни мясо). Другие знакомят с оптимальной тактикой действий (капля камень точит; готовь телегу зимой, а сани летом; куй железо, пока горячо; клин клином вышибают; лбом стену не прошибешь; поспешишь – людей насмешишь; в чужой монастырь со своим уставом не ходят; семь раз примерь, один отрежь; доверяй, но проверяй; знай край, да не падай; на безрыбье и рак рыба; утро вечера мудренее; одним выстрелом двух зайцев убить; из двух зол выбирают наименьшее; все в свое время; яйца курицу не учат; один в поле не воин; подальше положишь, поближе возьмешь; ласковый теленок двух маток сосет; меньше слов, а больше дела; не пускают в дверь, лезь через окно; искать проблемы на ровном месте).

Пословицы отражают адекватную реакцию на неожиданные события и повороты жизненного пути, предостерегают от их поспешной оценки (нет худа без добра; не знаешь, где найдешь, где потеряешь; утопающий за соломинку цепляется; чем выше летаешь, тем больше падать).

Также в них объясняются и оцениваются межличностные отношения (старый друг лучше новых двух; конь узнается при горе, а друг при беде; не с богатством жить, а с человеком; нашла коса на камень; свои люди – сочтемся; долг платежом красен; рука руку моет; яблоко от яблони не далеко падает; два сапога пара; рыбак рыбака видит издалека; ворон ворону глаз не выклюет).

Народные изречения предостерегают от торопливости, призывают доводить начатое дело до полного завершения (цыплят по осени считают; не говори гоп, пока не перепрыгнешь; бабушка надвое сказала; конец – делу венец; сделал дело – гуляй смело), помогают переносить трудности, смягчают неудачи и тяжесть положения, утешают в горе (Бог дал, Бог и взял; беда не ходит одна; от судьбы не уйдешь; стерпится – слюбится; в тесноте, да не в обиде; свет не без добрых людей; стыд не дым, глаза не выест; все перемелется, мука будет; на грех мастера нет; везде хорошо, где нас нет; в чужих руках ломоть велик; раз на раз не приходится), дают позитивную оценку человека, укрепляют веру в себя (прошел сквозь огонь, воду и медные трубы; и мы не лыком шиты; стреляного воробья на мякине не проведешь).

Есть среди подобных высказываний и такие, в которых отображены определенные социально-психологические феномены поведения: где мед, там и мухи; было бы болото, а черти найдутся; дурные примеры заразительны; добрая слава лежит, а худая бежит; шила в мешке не утаишь; аппетит приходит во время еды; бездна бездну призывает; была бы спина, а вина найдется; голод не тетка; с волками жить, по-волчьи выть; каков поп, таков и приход; у семи нянек дитя без глазу; сколько веревочке не виться, а конец будет; одна паршивая овца все стадо портит; сытый голодного не разумеет; всякий кулик свое болото хвалит и др.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в современной научной и научно-популярной литературе в связи с обсуждением процесса самопознания обычно говорят о самонаблюдении, самоанализе, самомоделировании, а по поводу самовоспитания – о самообязательстве, самоотчете, самоорганизации личной жизни и профессиональной деятельности, самопоощрении, самонаказании, использовании различных методик управления эмоциональным состоянием и т. п. Безусловно, названные и другие методы востребованы и имеют положительный практический эффект, однако арсенал средств самопознания и самовоздействия, доставшийся нам от великих мыслителей прошлого и накопленный в народном сознании, намного многограннее. Там мы встречаем многочисленные советы по поводу того, насколько важно заниматься самопознанием, как именно это делать, какова при этом роль поиска смысла жизни, какими конкретными способами можно овладеть своим сознанием, управлять эмоциональным состоянием и поведением. Прислушаемся к этим советам.

Библиографические ссылки

1. Знаменитые цитаты Гераклита Эфесского [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_geraklit_3.html.
2. Известные афоризмы и высказывания Конфуция [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_8.html?ad.
3. Цитаты и афоризмы Демокрита [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-demokrita>.

4. Известные цитаты Конфуция [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_7.html?ad.
5. Знаменитые афоризмы и высказывания Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_4.html?ad.
6. Знаменитые цитаты Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_3.html?ad.
7. Знаменитые цитаты Пифагора Самосского [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_pifagor_3.html?ad.
8. Цитаты Аристотеля со смыслом [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_11.html?ad.
9. Цитаты. Сенека [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1369.htm>.
10. Цитаты. Ювенал [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1459.htm>.
11. Цитаты. Паскаль Б. [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1058.htm>.
12. Изречения Вольтера со смыслом [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_14.html?ad.
13. Цитаты. Бердяев Н. А. [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1293.htm>.
14. Цитаты. Юнг К. Г. [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1222.htm>.
15. Цитаты. Сартр Ж.-П. [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1183.htm>.
16. Цитаты. Камю А. [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://cpsy.ru/cit1012.htm>.
17. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. В: Гиппенрейтер ЮБ, Пузырей АА, редакторы. *Психология личности*. Москва: Издательство Московского университета; 1982. с. 118–126.
18. Франкл В. *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс; 1990. 368 с.
19. Известные афоризмы и высказывания Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_8.html?ad.
20. Знаменитые высказывания и афоризмы Демокрита [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_demokrit_5.html?ad.
21. Знаменитые афоризмы и высказывания Лао-цзы [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi_4.html?ad.
22. Мудрые афоризмы и высказывания Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_16.html?lu.
23. Мудрые афоризмы и высказывания Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_16.html?ad.
24. Афоризмы и высказывания Вольтера со смыслом [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_12.html?ad.
25. Знаменитые афоризмы и высказывания Иммануила Канта [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuel_kant_4.html?ad.
26. 10 максим из «Размышлений» Марка Аврелия [Интернет]. 2018 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://eksmo.ru/interview/10-maksim-iz-razmyshleniy-marka-avreliya-ID5728423/>.
27. Цитаты известных личностей [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/631607-mishel-de-monten-samym-luchshim-dokazatelstvom-mudrosti-iavliaetsia-nep/>.
28. Карнеги Д. *Как перестать беспокоиться и начать жить* [Интернет]. [Б. м.]: Попурри; 2007 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://www.litmir.me/br/?b=13240&p=1>.
29. Знаменитые изречения Лао-цзы [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi_6.html?ad.
30. Высказывания, афоризмы и цитаты Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron.html?ad.
31. Известные высказывания и афоризмы Конфуция [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_9.html?ad.
32. Знаменитые цитаты Вольтера [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_3.html?ad.
33. Высказывания, афоризмы и цитаты Аристотеля [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel.html?ad.
34. Знаменитые афоризмы и высказывания Аристотеля [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_4.html?ad.
35. Высказывания и афоризмы Сенеки со смыслом [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_13.html?ad.
36. Цитаты известных личностей [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/629605-siddkhartha-gautama-budda-odin-iz-samykh-poleznykh-zhiznennykh-navykov-eto-ume/>.
37. Высказывания, афоризмы и цитаты Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka.html?ad.
38. Цитаты известных личностей [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/464309-mishel-de-monten-chelovek-stradaet-ne-stolko-ot-togo-chto-proiskhodi/>.
39. Изречения Эпикура [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_epikur_2.html?ad.
40. Изречения Иммануила Канта [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuel_kant_2.html?ad.
41. Цитаты известных личностей [Интернет; процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/643250-siddkhartha-gautama-budda-ty-budesh-nakazan-ne-za-svoi-gnev-ty-budesh-nakaz/>.

42. Высказывания, афоризмы и цитаты Пифагора Самосского [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_pifagor.html?ad.
43. Знаменитые цитаты Марка Туллия Цицерона Самосского [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_3.html?ad.
44. Изречения Демокрита [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_demokrit_2.html?ad.
45. Изречения Жана-Жака Руссо [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_russo_2.html?ad.
46. Знаменитые афоризмы и высказывания Вольтера [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_4.html?ad.
47. Высказывания, афоризмы и цитаты Лао-цзы [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi.html?ad.
48. Изречения Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_2.html?ad.
49. Мудрые изречения Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_18.html?ad.
50. Мудрые высказывания и афоризмы Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_17.html?ad.
51. Знаменитые афоризмы и высказывания Конфуция [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_4.html?ad.
52. Знаменитые цитаты Сократа [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_sokrat_3.html?ad.
53. Известные цитаты Аристотеля [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_7.html?ad.
54. Философские изречения Марка Туллия Цицерона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_22.html?ad.
55. Известные высказывания и афоризмы Вольтера [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_9.html?ad.
56. Цитаты известных людей. Сиддхартха Гаутама (Будда) [Интернет]. 2016–2019 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://citaty.info/man/siddhartha-gautama-budda>.
57. Известные афоризмы и высказывания Вольтера [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_8.html?ad.
58. Известные изречения Фрэнсиса Бэкона [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_frensis_bekon_10.html?ad.
59. Знаменитые высказывания и афоризмы Аристотеля [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_5.html?ad.
60. Высказывания, афоризмы и цитаты Эпикура [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_epikur.html?ad.
61. Философские афоризмы и высказывания Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_20.html?ad.
62. Мудрые цитаты и афоризмы Сенеки [Интернет]. 2007–2017 [процитировано 3 мая 2019 г.]. Доступно по: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_15.html?ad.

References

1. Famous quotes of Heraclitus of Ephesus [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_geraklit_3.html. Russian.
2. Famous aphorisms and sayings of Confucius [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_8.html?ad. Russian.
3. Quotes and aphorisms Democritus [Internet; cited 2019 May 3]. Available from: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-demokrita>. Russian.
4. Famous Confucius quotes [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_7.html?ad. Russian.
5. Seneca's famous aphorisms and sayings [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_4.html?ad. Russian.
6. Seneca's famous quotes [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_3.html?ad. Russian.
7. Famous quotes of Pythagoras of Samos [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_pifagor_3.html?ad. Russian.
8. Aristotle quotes with meaning [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_11.html?ad. Russian.
9. Quotes. Seneca [Internet; cited 2019 May 3]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1369.htm>. Russian.
10. Quotes. Juvenalis [Internet; cited 2019 May 3]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1459.htm>. Russian.
11. Quotes. Pascal B. [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1058.htm>. Russian.
12. Voltaire's sayings with meaning [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 1]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_14.html?ad. Russian.
13. Quotes. Berdyaev N. A. [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1293.htm>. Russian.

14. Quotes. Jung C. G. [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1222.htm>. Russian.
15. Quotes. Sartre J.-P. [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1183.htm>. Russian.
16. Quotes. Camus A. [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <http://cpsy.ru/cit1012.htm>. Russian.
17. Frankl V. [Search for the meaning of life and speech therapy]. In: Gippenreiter YuB, Puzyrei AA, editors. *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of personality]. Moscow: Moscow University Press; 1982. p. 118–126. Russian.
18. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress; 1990. 368 p. Russian.
19. Famous aphorisms and sayings of Marcus Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_8.html?ad. Russian.
20. Famous sayings and aphorisms of Democritus [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_demokrit_5.html?ad. Russian.
21. Statements, aphorisms and quotes from Laozi [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi_4.html?ad. Russian.
22. Wise aphorisms and sayings of Marcus Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_16.html?lu. Russian.
23. Wise aphorisms and sayings of Seneca [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_16.html?ad. Russian.
24. Voltaire aphorisms and sayings with meaning [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_12.html?ad. Russian.
25. The famous aphorisms and sayings of Immanuel Kant [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuil_kant_4.html?ad. Russian.
26. 10 maxims from «Reflections» by Marcus Aurelius. [Internet]. 2018 [cited 2019 May 3]. Available from: <https://eksmo.ru/interview/10-maksim-iz-razmyshleniy-marka-avreliya-ID5728423/>. Russian.
27. Quotes of famous personalities [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <https://ru.city.net/tsitaty/631607-mishel-de-monten-samym-luchshim-dokazatelstvom-mudrosti-ivlaetsia-nep/>. Russian.
28. Carnegie D. How to stop worrying and start living [Internet]. [S. l.]: Popurri; 2007 [cited 2019 May 3]. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=13240&p=1>. Russian.
29. The famous sayings of Laozi [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi_6.html?ad. Russian.
30. Statements, aphorisms and quotes of Marcus Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron.html?ad. Russian.
31. Famous sayings and aphorisms of Confucius [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_9.html?ad. Russian.
32. Voltaire's famous quotes [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_3.html?ad. Russian.
33. Sayings, aphorisms and quotes by Aristotle [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel.html?ad. Russian.
34. Aristotle's famous aphorisms and sayings [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_4.html?ad. Russian.
35. Seneca's sayings and aphorisms with meaning [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_13.html?ad. Russian.
36. Quotes of famous personalities [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <https://ru.city.net/tsitaty/629605-sid-dkhartkha-gautama-budda-odin-iz-samykh-poleznykh-zhiznennykh-navykov-eto-ume/>. Russian.
37. Seneca's statements, aphorisms and quotes [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka.html?ad. Russian.
38. Quotes of famous personalities [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <https://ru.city.net/tsitaty/464309-mishel-de-monten-chelovek-stradaet-ne-stolko-ot-togo-chto-proiskhodit/>. Russian.
39. Sayings of Epicurus [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_epikur_2.html?ad. Russian.
40. Sayings of Immanuel Kant [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_immanuil_kant_2.html?ad. Russian.
41. Quotes of famous personalities [Internet; cited 2019 May 1]. Available from: <https://ru.city.net/tsitaty/643250-sid-dkhartkha-gautama-budda-ty-budesh-nakazan-ne-za-svoi-gnev-ty-budesh-nakaz/>. Russian.
42. Statements, aphorisms and quotes of Pythagoras of Samos [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_pifagor.html?ad. Russian.
43. Famous quotes by Mark Tullius Cicero of Samos [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_3.html?ad. Russian.
44. Sayings of Democritus [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_demokrit_2.html?ad. Russian.
45. Sayings of Jean-Jacques Rousseau [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_demokrit_2.html?ad. Russian.
46. Voltaire's famous aphorisms and sayings [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_4.html?ad. Russian.
47. Statements, aphorisms and quotes Laozi [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_lao_czi.html?ad. Russian.
48. Sayings of Mark Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_2.html?ad. Russian.
49. The wise sayings of Seneca [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_18.html?ad. Russian.

50. Wise sayings and aphorisms by Mark Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_17.html?ad. Russian.
51. Famous aphorisms and sayings of Confucius [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_konfuciy_4.html?ad. Russian.
52. Famous quotes from Socrates [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_sokrat_3.html?ad. Russian.
53. Aristotle's famous quotes [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_7.html?ad. Russian.
54. Philosophical sayings of Mark Tullius Cicero [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_mark_ciceron_22.html?ad. Russian.
55. Famous sayings and aphorisms of Voltaire [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_9.html?ad. Russian.
56. Quotes of famous people. Siddhartha Gautama (Buddha) [Internet]. 2016–2019 [cited 2019 May 3]. Available from: <https://cityinfo.info/man/siddhartha-gautama-budda>. Russian.
57. Famous aphorisms and sayings of Voltaire [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_volter_8.html?ad. Russian.
58. Famous sayings of Francis Bacon [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_frensis_bekon_10.html?ad. Russian.
59. Aristotle's famous sayings and aphorisms [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_aristotel_5.html?ad. Russian.
60. Statements, aphorisms and quotes by Epicurus [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_epikur.html?ad. Russian.
61. Seneca's philosophical aphorisms and sayings [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_20.html?ad. Russian.
62. Seneca's wise quotes and aphorisms [Internet]. 2007–2017 [cited 2019 May 3]. Available from: http://www.wisdoms.one/aforizmi_seneka_15.html?ad. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 23.12.2019.
Received by editorial board 23.12.2019.*

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИЗЫВНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНТЕРНЕТА

В. И. СЕМАК¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь, пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности информационного общества и специфика воздействия на сознание информации, полученной через интернет. Раскрыта сущность понятия военной направленности. Представлен обзор нормативных правовых актов Республики Беларусь в плане требований к подготовке граждан в сфере обеспечения военной и информационной безопасности в контексте использования информации через интернет. Дан анализ результатов исследования отношения призывников г. Минска в возрасте 16–18 лет к использованию подобной информации, их потребностей и особенностей работы с контентом. Определены пути формирования и повышения военной направленности среди призывной молодежи, а также их готовности к прохождению военной службы с использованием возможностей интернета.

Ключевые слова: военная направленность; призывники; информация; воздействие; интернет; исследование.

THE FORMATION OF THE MILITARY ORIENTATION OF RECRUITS VIA ENGAGING WITH INTERNET

V. I. SEMAK^a

^aMilitary Academy of the Republic of Belarus, 220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus

The article presents the features of the information society and the impact of information through the internet on the consciousness. The essence of the concept of military orientation is revealed. The analytical review of normative legal acts of the Republic of Belarus in terms of requirements to training of citizens in the field of military and information security in the context of the use of information through the internet is presented. The analysis of the results of the study of the attitude of recruits of Minsk aged 16–18 years to the use of information received through the Internet, their needs and features of work with content is presented. The ways of forming and increasing military orientation among conscripted youth, as well as their readiness for military service using the capabilities of the internet are determined.

Keywords: military orientation; recruits; information; impact; internet; study.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX в. привело к тому, что современное общество называют информационным, при этом ведущую роль в насыщении человека информацией в настоящее время выполняет интернет. Особенностью данного контента является его массовость, дистанционность и хаотичность.

Значительное увеличение объемов информации, ее активное распространение и рост численности интернет-аудитории приводят к тому, что содержание различных информационных ресурсов воздействует не только на мировоззрение взрослеющей личности, для которой характерны неустойчивость взглядов и недостаток жизненного опыта, но и на сознание зрелых людей. Простота создания медиаконтента

Образец цитирования:

Семак В.И. Формирование военной направленности призывников с использованием возможностей интернета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:32–43.

For citation:

Semak V.I. The formation of the military orientation of recruits via engaging with internet. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:32–43. Russian.

Автор:

Вадим Иванович Семак – адъюнкт кафедры идеологической работы. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. Г. Тицкий.

Author:

Vadzim I. Semak, adjunct at the department of ideological work.
sotnik-1@mail.ru

и целенаправленное его тиражирование позволяют рассматривать интернет как источник информационного риска: медиапродукты, потребляемые людьми, отличающимися по возрасту, уровню образования, социальному статусу, роду деятельности, хотя и обладают огромным развивающим потенциалом, несут в себе конструктивные идеи, но, случается, имеют и деструктивный характер.

За достаточно короткий период своего существования интернет содействовал трансформации традиционной культуры, основанной на нравственных императивах, способствуя перенесению в виртуальное пространство низменных человеческих побуждений и страстей, сублимируя их таким образом. Интернет создал условия для проявления асоциального поведения и различных форм агрессии, реализация которых ввиду наличия сильной общественной цензуры представляется затруднительной или невозможной [1, с. 26].

Информация, получаемая через интернет, оказывает систематическое информационно-психологическое воздействие на все стороны личности человека и гражданина нашей страны, затрагивает в том числе его направленность и ценностные ориентации, а они в ряде случаев могут отличаться от общепринятых или даже вступать в противоречие с ключевыми интересами государства. Очевидно, что по этой причине перед нашим обществом стоит задача формирования военной направленности среди призывников и их готовности к прохождению военной службы для выполнения конституционного долга. Указанная проблема вызвана противоречиями, возникшими при столкновении интересов государства, имеющего цель обеспечить защиту военно-политических интересов и целостность общества, с интересами призывников, которые под влиянием различной медиаинформации (в том числе и из интернет-ресурсов) могут приобщаться к стереотипам антисоциального деструктивного поведения.

Данная статья имеет теоретическое и практическое значение для Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – Вооруженные Силы), которое заключается в решении актуальной научной задачи: как использовать возможности интернета в целях формирования и усиления военной направленности призывной молодежи, а также ее готовности к прохождению военной службы. Следует уточнить, что призывниками в нашей стране являются граждане мужского пола, приписанные к призывному участку в год достижения ими 16-летнего возраста и подлежащие призыву на срочную военную службу и службу в резерве в возрасте от 18 до 27 лет, на военную службу офицеров по призыву в возрасте до 27 лет¹.

Для раскрытия сущности понятия «военная направленность» необходимо рассмотреть направленность как свойство личности. В психологии существует большое количество общепринятых трактовок направленности: например, направленность личности означает совокупность потребностей и мотивов личности, определяющих главное направление ее поведения [2, с. 667]; важнейшее свойство личности, в котором выражается динамика развития человека, главные тенденции его поведения [3, с. 278]; совокупность устойчивых мотивов, относительно независимых от наличных ситуаций и ориентирующих деятельность личности [4, с. 354]. Направленность также представляют интегральным и генерализованным личностным свойством: она «характеризуется интересами, склонностями, убеждениями и идеалами, выражается в гармоничности и непротиворечивости знаний, отношений и господствующих мотивов поведения и действий личности, проявляется в мировоззрении, духовных потребностях и практических действиях. В структуре направленности большая роль принадлежит идейной убежденности, отражающей не только знание действительности, но и признание их правильными и субъективно важными для деятельности. При этом идейная убежденность интерпретируется как синтез знаний, а также интеллектуальных, эмоциональных и волевых проявлений личности, основа единства идеи и действия» [5, с. 261–262].

В свою очередь, профессиональная направленность личности социально детерминирована: общество на основе традиций устанавливает ориентиры развития личности в процессе ее социализации. Для государства важно, чтобы деятельность, направленность граждан носили практичный, полезный характер. Так, согласно Конституции Республики Беларусь, защита государства – это обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь², а формирование военной направленности и готовности граждан к прохождению военной службы отвечает ключевым интересам государства и общества в сфере обеспечения военной безопасности.

Военная направленность определяется военно-профессиональной деятельностью, соответствующими ценностными ориентациями, интересами, убеждениями, стремлением к овладению необходимыми знаниями, умениями и навыками, потребностью в реализации способностей к военно-ориентированной деятельности.

Формирование военной направленности у призывников нашей страны и их готовности к прохождению военной службы невозможно без воспитания патриотизма. На этом основании в Концепции

¹О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 5 нояб. 1992 г. : с изм. и доп. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

²Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013. 62 с.

национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что «ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан к вооруженной защите независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь» является одним из основных внутренних источников угроз национальной безопасности в военной сфере³. Об этом же говорится и в Военной доктрине Республики Беларусь: «ослабление патриотизма названо одной из «основных внутренних военных опасностей на уровне рисков и вызовов»⁴.

В военной сфере одним из основных приоритетов нашей страны является укрепление в обществе чувства патриотизма, готовности к защите национальных интересов. К мерам, предпринимаемым государством по обеспечению военной безопасности в мирное время, относится проведение государственной политики по укреплению в обществе чувства патриотизма и готовности к защите национальных интересов Республики Беларусь, воспитанию сознательного отношения граждан к вооруженной защите нашей страны⁵. Особая роль в этой связи отводится государственной молодежной политике, которая ориентирована на молодежь в возрасте от 14 до 31 года. Гражданское и патриотическое воспитание указанной категории молодых людей осуществляется путем проведения мероприятий по соответствующей тематике и нацелено на усвоение молодежью общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных и духовных традиций белорусского народа и идеологии белорусского государства, формирование готовности к исполнению гражданского долга⁶.

Вместе с тем в современных условиях политика государств, направленная на реализацию и защиту прежде всего собственных экономических интересов, претерпела серьезные изменения: формы, методы и способы традиционного взаимодействия между государствами и их союзами, характерные для середины XX в., значительно усилились информационной составляющей, которая сегодня, в условиях информационного общества, стала доминировать, поэтому изучение информационно-психологическо-

го воздействия массмедиа на мировоззрение и поведение личности особенно важно в ситуации политико-экономического противоборства.

Информационная сфера становится системообразующим фактором жизни людей, обществ и государств, а информационное противоборство – новой самостоятельной стратегической формой глобальной конкуренции. Одним из внешних источников угрозы национальной безопасности Республики Беларусь является широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национально-духовным ценностям⁷.

Использование информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий в агрессивных целях приобретает угрожающие масштабы: в некоторых государствах или их коалициях наблюдается создание и функционирование специальных военизированных формирований, которые обладают особыми возможностями для ведения действий в информационном пространстве и оказания деструктивного информационного воздействия на население, органы государственного и военного управления. Это обстоятельство признано одной из основных внешних военных опасностей для нашей страны⁸. Целенаправленная пропаганда, внедрение и массовое использование продуктов информационно-технологического прогресса вполне реально могут привести общество к тому, что его значительная часть утратит традиционные нравственные ценности и ориентиры вплоть до разрушения национальных духовно-нравственных основ. Например, необъективная оценка исторических событий и ее активное предъявление прежде всего молодежи очевидно затрагивают ценностные устои, что может привести к трансформации чувства патриотизма, его ослаблению или вообще утрате. Подобное деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государственные институты наносит ущерб национальным интересам и является потенциальной либо реально существующей угрозой национальной безопасности Республики Беларусь⁹.

³Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (с изм. и доп. от 30 дек. 2011 г. № 621 ; 24 янв. 2014 г. № 49) // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁴Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-3 // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁵Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (с изм. и доп. от 30 дек. 2011 г. № 621 ; 24 янв. 2014 г. № 49) // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁶Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21 окт. 2016 г. // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁷Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (с изм. и доп. от 30 дек. 2011 г. № 621 ; 24 янв. 2014 г. № 49) // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁸Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-3 // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁹Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (с изм. и доп. от 30 дек. 2011 г. № 621 ; 24 янв. 2014 г. № 49) // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

Система официальных взглядов на сущность обеспечения национальной безопасности в информационной сфере закреплена в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, где утверждается, что на нынешнем этапе мирового развития информационная сфера приобретает ключевое значение для современного человека, общества, государства и оказывает всеобъемлющее влияние на происходящие экономические, политические и социальные процессы. Формируемое в глобальном масштабе информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации, где информационные технологии воздействуют на все сферы человеческой деятельности. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь также идет речь о создании и развитии во многих национальных вооруженных силах кибервойск, рассматривается возможность реагирования на кибератаки как на вооруженную агрессию. Однако в условиях практической невозможности точно идентифицировать ее источники или инициаторов это может привести к бездоказательной и произвольной трактовке обоснованности встречных военных действий¹⁰. Современные военные конфликты имеют некоторые общие черты: активное применение противостоящими сторонами мер невоенного характера (в том числе информационных и идеологических), ведение информационного противоборства как неотъемлемого элемента военных конфликтов. По этой причине организация противодействия деструктивной пропаганде и идеологии, использованию информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий, направленных на подрыв независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя нашей страны, дестабилизацию обстановки в Республике Беларусь, также отнесена к мерам, предпринимаемым государством по обеспечению военной безопасности в мирное время¹¹.

Для противодействия негативному влиянию информации, нейтрализации или снижения последствий, а также в целях обеспечения баланса интересов личности, общества и государства и достижения информационного суверенитета в нашем обществе «воспитывается и стимулируется критическое отношение к проявлениям неуважения национальных устоев, традиций и нарушениям норм морали и права в информационной сфере, нетерпимость к дезинформации, информационным манипуля-

циям и иным неявным информационно-психологическим воздействиям»¹². В этой связи поставщики интернет-услуг в Республике Беларусь обязаны ограничивать доступ интернет-пользователей к информации, способной нанести вред национальным интересам и поэтому запрещенной законодательством. В свою очередь, обладатель «информационных сообщений и (или) материалов, заимствованных с информационного ресурса информационного агентства, иного средства массовой информации» при последующем распространении данного контента через интернет обязан использовать адресацию (гиперссылку) к первоисточнику информации и (или) СМИ, если обладателем не установлены иные условия их распространения¹³.

«Механизмы деструктивного информационно-психологического воздействия на личность, общество и государство постоянно совершенствуются, масштабное манипулирование массовым сознанием принимает такую же остроту, как борьба за территории, ресурсы и рынки. Через информационное пространство осуществляется преднамеренная дискредитация конституционных основ государств и их властных структур, размывание национального менталитета и самобытности, вовлечение людей в экстремистскую и террористическую деятельность, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, формирование радикального и протестного потенциала», и в результате подобных воздействий существенно меняются социальные связи, стиль мышления, способы общения, восприятие действительности и самооценка людей. Несмотря на применяемые государством меры, большое беспокойство продолжает вызывать активное распространение в интернет-пространстве фальсифицированной, недостоверной и запрещенной информации. Снижение критического отношения потребителей к фейковым сообщениям новостных ресурсов, в социальных сетях и на других онлайн-платформах создает предпосылки преднамеренного использования дезинформации для дестабилизации общественного сознания¹⁴.

Среди ярких примеров применения средств дезориентации внимания, искажения восприятия и отвлечения мышления можно отметить программы автоматического открывания рекламных сайтов (или окон) при работе с некоторыми браузерами в интернете: они не только увеличивают продолжительность работы с необходимым контентом, тем самым создавая трудности в получении информации,

¹⁰О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.gov.by> (дата обращения: 30.03.2019).

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 февр. 2010 г. № 60 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 янв. 2014 г. № 46 // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

¹⁴О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.gov.by> (дата обращения: 30.03.2019).

некоторые из них нарушают законодательство нашей страны, так как представленная реклама носит ненадлежащий характер, является недобросовестной, недостоверной, неэтичной или скрытой, использует специальные видеовставки (двойную звукозапись) и иные способы¹⁵. Указанный контент навязывается, отвлекает внимание от изучаемой информации, в нем часто отсутствуют необходимые сведения, в то время как в Республике Беларусь «любая распространяемая и (или) предоставляемая информация должна содержать достоверные сведения о ее обладателе, а также о лице, распространяющем и (или) предоставляющем информацию, в форме и объеме, достаточном для идентификации таких лиц»¹⁶.

Становится очевидным, что деструктивный контент, продвигаемый через различные виды СМИ и интернет, систематически воспринимаемый молодежью, оказывает воздействие на сознание некоторых молодых людей с соответствующими последствиями. В этой связи и в целях исследования отношения белорусской молодежи призывного возраста к использованию виртуальной информации, а также для изучения информационных потребностей и особенностей работы с подобным контентом, определения возможностей применения ресурсов

интернета для формирования в современных условиях военной направленности в интересах Вооруженных Сил проведено анкетирование 492 призывников в возрасте 16–18 лет (учащихся 11-х классов средних школ и гимназий г. Минска).

Результаты исследования показали, что 74,5 % (392 респондента) от общего числа молодых людей не считают возможной жизнь современного человека без интернета. Такой высокий показатель свидетельствует о том, что молодежь призывного возраста в повседневной деятельности действительно находится под информационно-психологическим воздействием интернета.

Отношение призывников к интернету отражено на рис. 1, к социальным сетям как к одному из инструментов взаимодействия через интернет – на рис. 2.

Показательно, что 483 респондента (98,2 %) зарегистрированы в различных (многие молодые люди – сразу в нескольких) социальных сетях. Наиболее популярные у молодежи в возрасте 16–18 лет социальные сети представлены на рис. 3. В иных социальных сетях, помимо указанных, зарегистрировано 83 молодых человека (16,9 %).

Потребности использовать интернет не испытывают, согласно данным нашего исследования, 5 рес-

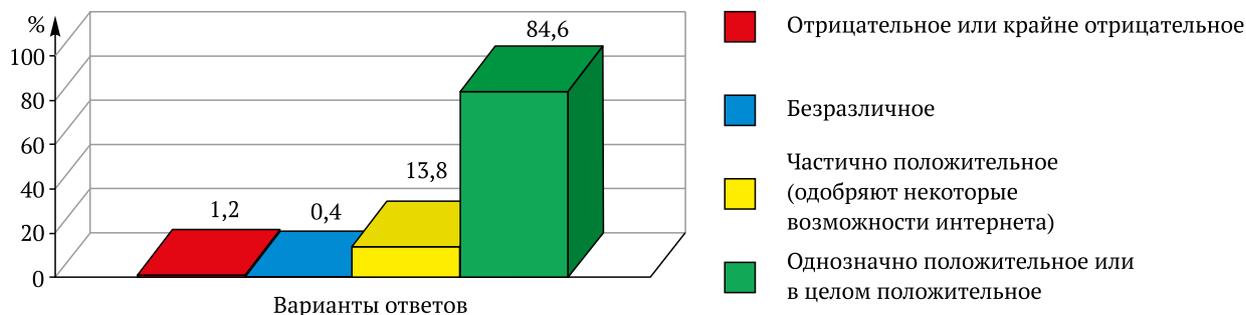

Рис. 1. Отношение призывников к интернету

Fig. 1. Attitude of the recruits to the internet

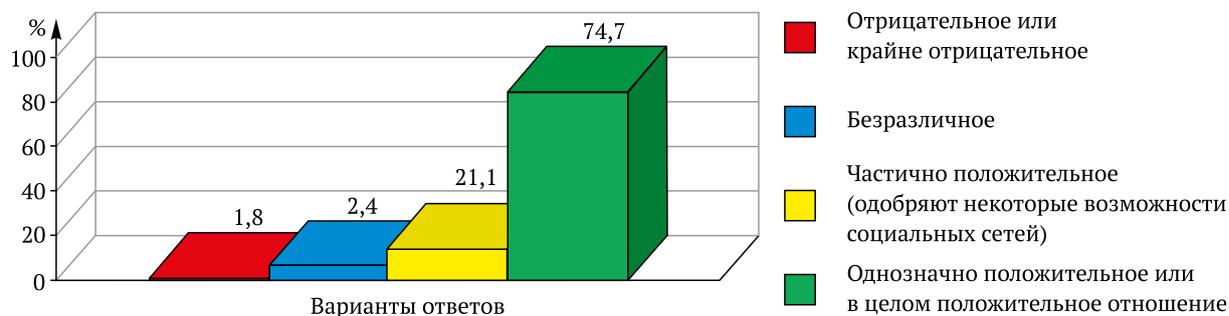

Рис. 2. Отношение призывников к социальным сетям

Fig. 2. Attitude of the recruits to the social networks

¹⁵О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. URL: <https://www.president.gov.by> (дата обращения: 30.03.2019).

¹⁶Об информации, информатизации и защите информации : Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 мая 2016 г. № 362-3 // ЭТАЛОН – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

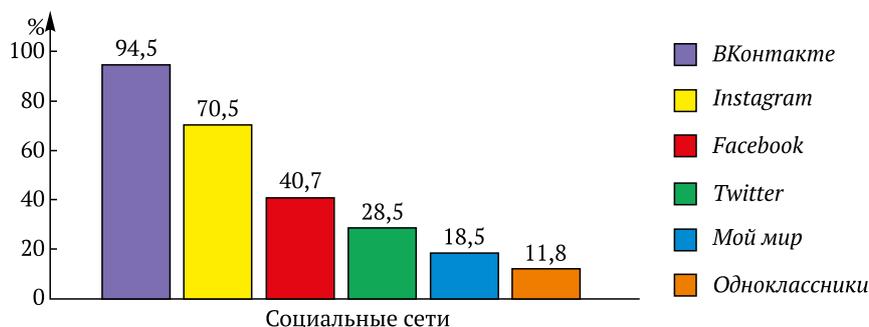

Рис. 3. Наиболее популярные социальные сети среди призывников
Fig. 3. The most popular social networks among the recruits

пондентов (1,0 %), не посещают социальные сети 10 (2,0 %). Редко заходят в интернет (один раз в неделю и реже) 2,2 % опрошенных и столько же времени проводят в социальных сетях 3,9 % респондентов.

Интернет используют два-пять раз в неделю 18 человек (3,7 %), избранную социальную сеть с аналогичной периодичностью – 23 человека (4,7 %). Ежедневно (один-два раза в день) посещают интернет 109 респондентов (22,2 %), а социальную сеть с такой же периодичностью – 143 (29,1 %). Три и более раз в день используют интернет 149 человек (30,3 %), а социальные сети – 134 (27,2 %).

Самый распространенный ответ относительно времени посещения интернета и социальных сетей – «каждый час» (имеется в виду период бодрствования): 200 (40,6 %) и 163 (33,1 %) респондентов соответственно.

Для работы с интернетом, общения в социальных сетях 70 опрошенным (14,2 %) необходимо до 1 ч в сутки, 235 респондентам (47,8 %) – 2–3 ч; 95 респондентам (19,3 %) – 4–6 ч; 92 юношам (18,7 %) – более 6 ч в сутки.

Показатели реально отводимого призывниками времени для работы с информацией в интернете или для общения в социальных сетях отличаются незначительно (рис. 4).

Среди основных эмоциональных состояний, которые испытывают опрошенные, если долгое время не могут войти в интернет, отмечены следующие:

- беспокойство, дискомфорт – у 93 человек (18,9 %);
- ущербность, пустота в жизни – 18 (3,7 %);
- раздражительность, агрессивность – 16 (3,3 %);
- потеря интереса к жизни – 12 (2,4 %).

Согласно результатам исследования, легко переносят отсутствие интернета в своей жизни 343 человека (69,7 %), однако в то же время, как уже было упомянуто выше, 392 респондента (74,5 %) не мыслят жизнь современного человека без него. Из этого следует, что невозможность в течение длительного времени выйти в интернет является для респондентов негативным фактом.

Вероятно, по этой причине 98 юношей (20,0 %) отметили, что считают себя интернет-зависимыми. Затруднились ответить на вопрос о наличии или отсутствии у себя интернет-зависимости 133 человека (27,0 %), не считают себя интернет-зависимыми 261 (53,0 %).

Наиболее распространенные мотивы посещения интернета призывниками представлены на рис. 5.

Примечательно, что только 11 респондентов (2,2 %) считают посещение интернета бесцельно

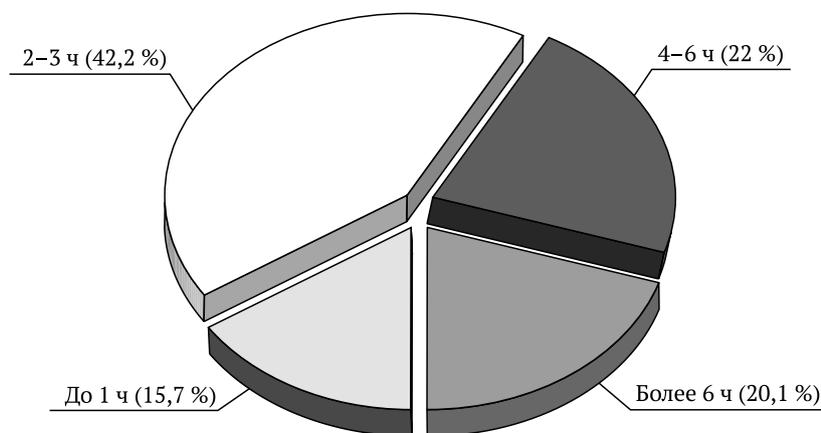

Рис. 4. Количество времени, затрачиваемого призывниками на работу с информацией в интернете и общение в социальных сетях

Fig. 4. The time taken to work with information in the internet or to communicate in social networks

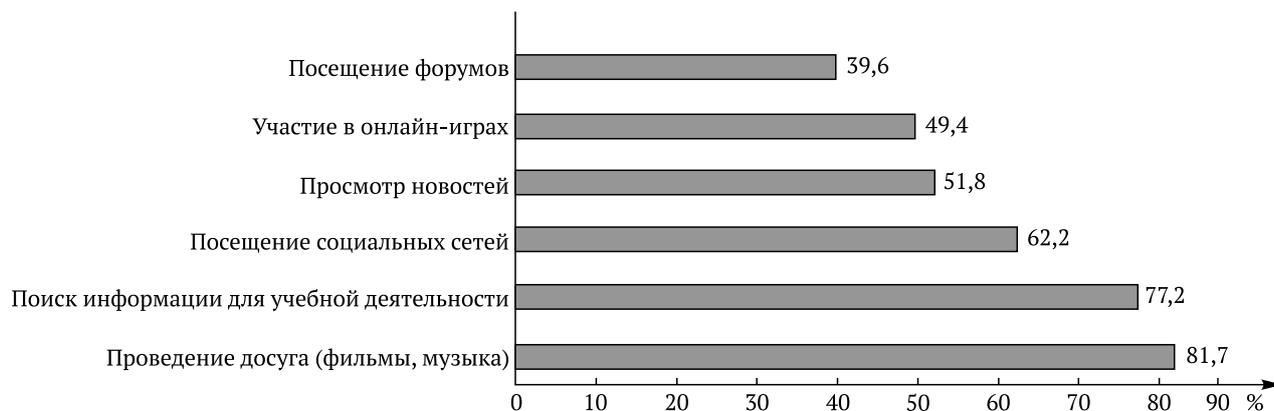

Рис. 5. Наиболее распространенные мотивы посещения интернета призывниками
 Fig. 5. The most common motives for visiting to the internet by the recruits

потерянным временем. При этом результаты исследования говорят о том, что для юношей указанного возраста наиболее приоритетны развлекательные возможности интернета.

Распределение основных инструментов доступа к интернету по их популярности показано на рис. 6.

В домашних условиях пользуются интернетом 417 респондентов (84,8 %), во время учебы – 58 (11,8 %), по дороге в учреждение образования и домой – 13 (2,6 %), в гостях – 4 (0,8 %).

В рамках исследования были также выявлены источники информации, которые пользуются наибольшим спросом у юношей призывного возраста, особенно во время принятия решения о профессиональной ориентации. Для этого респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале источники в зависимости от степени их использования в целях получения информации о будущей профессии. Высокий балл (4–5) соответствует приемлемости источника для призывника по критериям удобства, пользования, актуальности и доверия. Так, 405 человек (82,3 %) наиболее высоко оценили интернет-сайты, блоги, форумы, а 318 респондентов (64,6 %) также высоко оценили личное общение с представителями учебных заведений, организаций, ведомств, трудовых коллективов (в том числе и выступления последних перед аудиторией).

Радиовещание, прослушивание радиопередач, телевидение (просмотр телепередач) и печатные издания (специальные, профессиональные газеты, журналы, брошюры) как источники информации, связанные с темой профессиональной ориентации, получили низкие оценки (1–2 балла). В целом результаты исследования по данному вопросу представлены в табл. 1.

Итак, молодежь призывного возраста чаще всего принимает решение о военной профессиональной ориентации благодаря прежде всего возможностям интернета и личному общению с представителями той или иной профессии.

В ходе исследования респондентам также было предложено оценить по пятибалльной шкале источники информации, распространяющие контент о порядке прохождения военной службы. Так, сведения из разных медиаисточников о профессии военного и о порядке прохождения военной службы в Вооруженных Силах особого интереса у молодых людей не вызывают. В ходе опроса оказалось, что большая часть предложенных источников юношам незнакома, поэтому потребовалось дополнительное разъяснение, но тем не менее некоторые респонденты новую для них информацию так и не оценили.

В целом ни один из предложенных источников информации не набрал даже 40 % максимальных

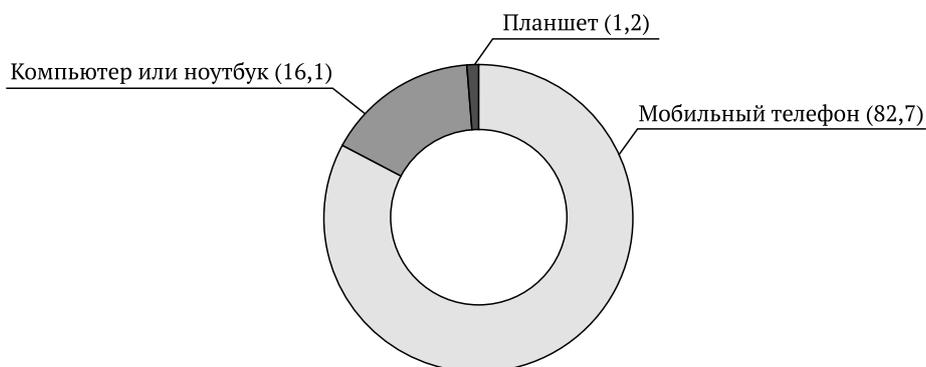

Рис. 6. Инструменты, используемые призывниками для входа в интернет, %
 Fig. 6. Tools used by the recruits to access the internet, %

оценок. На первом месте оказался вариант ответа «Личное общение с представителями Вооруженных сил (в том числе в ходе их выступления)»: его выбрали 188 призывников (38,2 %); на втором – «Социальные сети» – 129 (26,2 %). Далее следуют варианты ответов «Новостные сайты» – 109 респондентов (22,2 %); «Интернет-форумы» – 106 (21,5 %). Следовательно, возможности интернета, как и информация, полученная в ходе личного общения, наиболее полезна, с точки зрения юношей –

выпускников средних школ и гимназий г. Минска, для выбора военной специальности.

Наименее популярны, по мнению призывников, в том числе по причине отсутствия знаний об этих источниках, белорусская военная газета «Во славу Родины», военно-ориентированные журналы «Армия», «ВПК. Беларусь», «Идеологические аспекты военной безопасности», военный информационный интернет-портал *mod.mil.by*, телепередачи «Арсенал», «Союзники», «Анфас» (табл. 2).

Таблица 1

Оценка призывниками различных источников информации, %

Table 1

Evaluation of sources of information, %

Источники информации	Оценка, балл		
	1–2	3	4–5
Телевидение (просмотр телепередач)	73,6	19,3	6,1
Радиовещание (прослушивание радиопередач)	87,8	8,5	3,0
Печатные издания (специальные, профессиональные газеты, журналы, брошюры)	64,8	23,0	10,4
Личное общение с представителями учебных заведений, организаций, ведомств, трудовых коллективов (в том числе их публичные выступления)	11,8	23,6	64,6
Интернет (интернет-сайты, блоги, форумы)	5,7	11,6	82,3

Примечание. Здесь и далее суммарные цифры свидетельствуют о том, что не все респонденты дали ответ на предлагаемые вопросы ввиду незнания источников или по причине недопонимания цели обследования.

Таблица 2

Источники, содержащие информацию о военно-профессиональной ориентации, %

Table 2

Sources of information on military professional orientation, %

Источники	Оценка, балл		
	1–2	3	4–5
Телепередачи «Арсенал» («Беларусь 1»), «Союзники» («Мир»), «Анфас» («СТВ»)	71,5	14,6	12,0
Журналы «Армия», «ВПК. Беларусь», «Идеологические аспекты военной безопасности»	79,7	12,8	5,7
Белорусская военная газета «Во славу Родины»	81,7	12,4	4,1
Военный информационный интернет-портал <i>mod.mil.by</i>	72,3	14,2	14,8
Интернет-форумы	58,5	16,7	21,5
Социальные сети	51,4	15,2	26,2
Новостные сайты	51,8	17,7	22,2
Радиопередачи	78,7	11,4	5,9
Личное общение с представителями Вооруженных Сил (в том числе в ходе их выступлений)	44,7	14,0	38,2

Таким образом, большая часть призывной молодежи активно приобщена к интернету. В межличностном общении, в процессе обмена информацией и ее распространения значительную роль играют социальные сети.

Сложившиеся информационные условия, с одной стороны, закономерно влияют на сознание формируемой личности, с другой – предъявляют особые требования к обществу и государству в вопросе профессиональной ориентации молодежи. В частности, работа по воспитанию, формированию военной направленности, готовности к прохождению военной службы предполагает максимально использовать с этой целью возможности интернета, поскольку постоянно увеличивается количество интернет-ресурсов, интернет-пользователей, ежегодно возрастает пропускная способность внешних каналов доступа в интернет. Медиа контент также адаптируется к распространению через интернет, различные типы СМИ (периодические печатные издания, радиовещание, телевидение) сближаются и сливаются, переводясь в цифровой формат и приобретая мультимедийный характер¹⁷. Интеграция СМИ с интернетом осуществляется по различным причинам: для поддержания внимания традиционной аудитории, недопущения обращения к альтернативным источникам информации, завоевания доверия у тех, кто, как правило, черпает информацию в интернете. Маневр в виртуальное пространство в значительной степени позволяет претендовать на роль передового, прогрессивного медиаисточника.

Происходящие изменения усиливают возможности интернета как единой информационной системы: комбинированный формат информационных ресурсов увеличивает диапазон охвата аудитории и сокращает сроки подачи контента потребителям.

При решении в данных условиях проблемы формирования военной направленности молодежи призывного возраста, их готовности к прохождению военной службы, необходимо строго учитывать особенности социокультурной ситуации: именно в ней формируется личность современного молодого человека. В целях формирования устойчивого иммунитета против деструктивного информационно-психологического воздействия на общественное сознание, а также для социального и культурного развития Концепция информационной безопасности предписывает обеспечивать постоянную, активную и эффективную деятельность государственных органов и организаций по использованию информационного пространства, особенно наращивая ее в интернете¹⁸. Исходя из этого, работа с призывниками должна проводиться с задействованием тех

информационных ресурсов, которые пользуются у молодежи авторитетом, доверием и соответствуют ее интересам.

Так, задачи по формированию военной направленности, готовности к прохождению военной службы призывников можно качественно решить на основе разработки и внедрения в виртуальное пространство ряда информационных продуктов с одновременной организацией соответствующего смыслового сопровождения. Предлагаем следующие варианты подобной деятельности.

1. Для продвижения в виртуальном пространстве государственной идеологии, культурно-исторических ценностей и общественных интересов необходимо сотрудничать, вероятнее всего, на финансовой основе с блогерами, которые будут регулярно вести веб-сайт и в популярной для современной молодежи форме сетевого общения представлять мотивирующий контент, посвященный армии. Виртуальная реальность действительно влияет на сознание и поведение людей, являясь частью объективной реальности, поэтому блогер способен выполнять функции идеолога [6, с. 32].

По сравнению с электронной почтой, чатами и электронными группами новостей блоги имеют ряд преимуществ: информация из онлайн-журнала или *YouTube*-канала не только представляет рекламу определенного характера, одновременно воздействуя на визуальную и аудиальную модальности, но и может также иметь признаки интернет-троллинга или флейма, т. е. провоцировать некоторых критично настроенных юношей призывного возраста на коммуникацию именно на этом канале, ресурсе.

Важное отличие блогера от военного должностного лица заключается в том, что первый, будучи автономным, использующим неформальные способы общения с аудиторией, продолжая представлять интересы Вооруженных Сил, проявляет большую свободу маневра, позволяющую ему мгновенно и гибко реагировать на вызовы, выигрывать во времени при подаче информации.

Блогер может вызвать особый интерес к своему контенту путем импровизированной полемики или дискуссии вплоть до создания конфликтной ситуации, когда привлекается внимание достойных блогеров-оппонентов. У блогера есть все шансы охватить максимально возможный диапазон – аудиторию призывной молодежи. Он должен быть разносторонне эрудирован, свободно говорить на многие темы, необязательно связанные с деятельностью армии, обладать выраженными коммуникативными способностями, чувством юмора и определенной харизмой. Опытный блогер-провока-

¹⁷О концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.gov.by> (дата обращения: 30.03.2019).

¹⁸Там же.

тор, способный в виртуальном пространстве привлечь к себе внимание социальной группы, заставить себя слушать, даже если часть аудитории с ним не соглашается, все равно имеет шанс стать лидером мнений [7].

2. Важной составляющей работы в виртуальном пространстве по формированию и повышению военной направленности призывной молодежи может быть системное информационное сопровождение военно-профессиональных поводов на новостных сайтах, форумах, в блогах и соцсетях с элементами интернет-троллинга, осуществляемое в целях продвижения, обеспечения и защиты информации, направленной на рекламу деятельности Вооруженных Сил, отражающей военную профессиональную ориентацию на ранее указанных и других ресурсах интернета, а также для нейтрализации деструктивного контента и разрешения кризисных ситуаций.

Предлагаемый формат работы в интернете заключается в написании текстов, размещении их на сайтах, добавлении сайтов в каталоги, на форумы, в соцзакладки, профили и другие используемые интернет-ресурсы, на которых можно оставить ссылку [8]. Естественно, при осуществлении такой деятельности в интересах Вооруженных Сил размещаемый контент должен носить исключительно проармейский и профориентационный характер.

В этой связи уместно заметить, что, поскольку массовое присутствие троллей в интернете позволяет управлять эмоциями обычных пользователей, аналогичную практику часто применяют PR-агентства, не пренебрегающие черными методами при продвижении нового продукта и для уничтожения конкурентов. Различают несколько видов троллей: например, тролли-эксперты, в отличие от троллей-мошенников, троллей-поджигателей и политических троллей, обеспечивающих политическое противостояние, в своих комментариях при обсуждении какой-либо информации доказывают компетентность в конкретной области с помощью научных фактов, дискутируют и доводят разговор до момента, когда им перестают отвечать. Только тогда они уходят из коммуникации, подчеркивая неосведомленность оппонентов в предмете спора [9]. Названный вид троллей подходит для защиты имиджа организации, подобную модель поведения можно встретить на форумах новостных сайтов или в социальных сетях при обсуждении какой-либо актуальной информации. Аналогично при возникновении кризисной ситуации, связанной с неким негативным событием в армии, тролли-эксперты способны в кратчайшие сроки погасить эмоциональный всплеск интернет-пользователей, нейтрализовать деструктивную деятельность троллей-оппонентов в комментариях и на данной интернет-площадке сформировать в результате общественное мнение, необходимое для Вооруженных Сил.

Для качественного системного информационного сопровождения, направленного в том числе на разрешение кризисной ситуации, представленной в конкретной статье на том или ином популярном новостном сайте, возможно участие нескольких скоординированно действующих пользователей. Согласованность и слаженность их высказываний по поводу деструктивной информации будут способствовать, по нашему мнению, как минимум удержанию паритета во взглядах аудитории. Главное, чтобы информационное сопровождение носило системный характер. При этом комментарии на форумах, в блогах и социальных сетях должны защищать имидж армии и рекламировать ее деятельность. Разумеется, лиц, заинтересованных в интернет-троллинге и способных к нему, необходимо, как и блогеров, стимулировать финансово. Такую работу могут осуществлять военнослужащие, обладающие необходимой для сферы военной деятельности эрудицией и коммуникативными способностями, стойкими убеждениями, навыками работы с информацией и владеющие современными информационно-коммуникационными технологиями. Общение с интернет-аудиторией должно строиться не на лозунгах, а на рациональных, взвешенных, прагматичных, логически выверенных взглядах и реальных фактах.

3. Многие организации и компании для привлечения внимания потребителей к производимым или реализуемым товарам и услугам рекламируют их на соответствующих сайтах и весьма успешно используют с этой целью SMM (*social media marketing*) – маркетинг в социальных сетях. Представленные в них аудитории позволяют маркетологам взаимодействовать со всеми практически одновременно и в кратчайшие сроки сформировать лояльную для себя аудиторию, повысить ее интерес к предлагаемому продукту и привлечь на свой сайт потенциальных клиентов. В данном случае учитывается, что в социальной сети группы единомышленников свободно обсуждают объект своей заинтересованности и тем самым распространяют необходимый контент [10].

Подобным образом Вооруженные Силы через своих представителей, уполномоченных или компетентных в сфере контент-маркетинга в соцсетях, самостоятельно или с помощью SMM-специалиста, работающего на финансовой основе, могут завести страницу сразу в нескольких социальных сетях. Чтобы получить максимальный охват аудитории, необходимо использовать самые популярные из них: *ВКонтакте*, *Instagram*, *Facebook*, *Twitter* и *YouTube* (например, для публикации видеофайлов любой продолжительности и качества). Со временем статистика активных подписчиков, комментариев, сообщений, репостов и лайков покажет, какая из платформ работает лучше остальных. Важно еще

на начальном этапе сформировать вокруг бренда «военная служба в Вооруженных Силах Республики Беларусь» ядро заинтересованных людей, которые бы доказывали, что прохождение военной службы дает бесценный социальный опыт, получаемый только в армейской среде.

Известно, что названные социальные сети принадлежат России и США, поэтому давно созрела необходимость создания в Беларуси национальной социальной сети.

Главная задача ведения аккаунтов и групп в социальных сетях – привлечение призывной молодежи, а также потенциальных сторонников военной службы и армии, их военная профессиональная ориентация и удержание в необходимом для Вооруженных Сил информационном поле. Требуется понимать, что цель каждого опубликованного информационного блока (поста) как основы создания доверия к армии – побудить пользователей к одному из следующих действий: перейти по ссылке на информационный ресурс для дальнейшего ознакомления с информацией, распространить контент посредством его копирования, пересылки (репоста), прокомментировать, поставить лайк или не согласиться с автором.

В социальных сетях необходимо делиться новостями как можно оперативнее, даже быстрее, чем они появляются на информационных порталах. Тогда есть шанс, что в молодежной среде будет тиражироваться информация из неофициального источника, представляющего Вооруженные Силы, которая должна носить привлекательный, яркий, интересный характер. В социальных сетях достаточно популярными являются тематические, легкие для осмысления видео, что очень важно, поскольку в социальные сети люди приходят общаться и отвлечься от повседневных забот. Неслучайно, что на личных страницах основной упор делается на развлекательный контент. Его качественное создание базируется на определении форматов (текстов, видео, фото, цитат и анекдотов), дружеской, деловой и одновременно неформальной подаче информации, которая при этом резонирует с потребностями аудитории, регулярном опубликовании 1–2 постов в день, что не перегружает ленты подписчиков [10].

Значительное внимание должно уделяться не только публикациям, но и обратной связи: подписчики обязательно будут комментировать посты и писать сообщения модераторам. В этих случаях необходимо отвечать по возможности быстро, быть вежливым и доброжелательным. Каждый ответ модератора должен стимулировать дальнейшее общение и призывы к действию.

Важно учитывать все составляющие современной интернет-культуры и быть готовым к провокациям (интернет-троллингу) и негативным высказываниям об армии. Для нейтрализации оппонентов такого рода приветствуется использовать аргументы, основанные на фактах, и легкий юмор.

Предлагаемое направление деятельности по формированию и повышению военной направленности призывников Республики Беларусь, их готовности к прохождению военной службы достаточно востребовано ввиду вовлечения большинства молодых людей в коммуникации социальных сетей, особенно потому, что Вооруженные Силы данный ресурс с этой целью в полной мере не используют. Современные реалии требуют активизировать работу с молодежью призывного возраста в социальных сетях, огромный конструктивный потенциал которой еще не раскрыт.

Государства – участники блока НАТО на плановой основе активно разрабатывают вышеприведенные подходы по целенаправленному воздействию на граждан своих стран и международную общественность через соответствующие организации, путем реализации системных рекламных, пропагандистских и контрпропагандистских мер.

Таким образом, в интересах эффективного воспитания взрослеющего поколения, для формирования и усиления военной направленности призывников, поддержания чувства патриотизма у граждан Республики Беларусь необходимо осуществлять подготовку и распространение соответствующего целевого контента с использованием интернета. Подобный своевременный маневр в виртуальное пространство не только позволит нашей стране минимизировать риски, связанные с недостаточной подготовкой молодых людей к военной службе, но и обеспечит защиту информационной, социальной и военной сфер от внутренних и внешних угроз.

Библиографические ссылки

1. Баева ЛВ. Экзистенциальные риски информационной эпохи. *Информационное общество*. 2013;3:18–27.
2. Немов РС. *Психология. Книга 1. Общие основы психологии*. Москва: Гуманитарный издательский центр ИМПЭ имени И. С. Грибоедова; 2001. 688 с.
3. Столяренко ЛД. *Основы психологии*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1999. 672 с.
4. Петровский АВ, Ярошевский МГ. *Психология*. Москва: Академия; 2000. 512 с.
5. Головин СЮ, составитель. *Словарь практического психолога*. Минск: Харвест; 2001. 800 с.
6. Верлуп СВ. Информационная обстановка в контексте информационной деятельности Вооруженных Сил Республики Беларусь: проблема и решение. *Вестник Военной академии Республики Беларусь*. 2018;4:23–35.

7. Профессия блогер: кто это такой и чем он занимается [Интернет; процитировано 20 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://idea37.info/blogg/kto-takoy-blogger-i-chem-on-zanimaetsya-o-professii>.

8. Работа в интернете троллем [Интернет; процитировано 20 апреля 2019 г.]. Доступно по: https://m.vk.com/page-42367011_45387427.

9. Что такое троллинг в интернете и для каких целей его применяют? [Интернет; процитировано 22 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://livesurf.ru/zhurnal/5525-troll-chto-yeto-za-zver-i-kak-s-nim-borotsya.html>.

10. SMM-маркетинг в социальных сетях: что это, методы и примеры [Интернет; процитировано 23 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://semantica.in/blog/chto-takoe-smm-i-kak-on-pomozhet-prodvizheniyu-vashego-biznesa.html>.

References

1. Baeva LV. [Existential risks of the information age]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2013;3:18–27. Russian.
2. Nemov RS. *Psikhologiya. Kniga 1. Obshchie osnovy psikhologii* [Psychology. Volume 1. General foundations of psychology]. Moscow: Gumanitarian Printing Center of Institute of International Law and Economics named after I. S. Griboedov; 2001. 688 p. Russian.
3. Stolyarenko LD. *Osnovy psikhologii* [Fundamentals of psychology]. Rostov-na-Donu: Feniks; 1999. 672 p. Russian.
4. Petrovsky AV, Yaroshevsky MG. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Academy; 2000. 512 p. Russian.
5. Golovin SYu, compiler. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary practical psychologist]. Minsk: Kharvest; 2001. 800 p. Russian.
6. Verloop SV. [Information situation in the context of information activities of Armed Forces of the Republic of Belarus: problem and solution]. *Vestnik Voennoi akademii Respubliki Belarus'*. 2018;4:23–35. Russian.
7. Profession blogger: who he is and what he does [Internet; cited 2019 April 20]. Available from: <https://idea37.info/blogg/kto-takoy-blogger-i-chem-on-zanimaetsya-o-professii>. Russian.
8. Work on the Internet the troll [Internet; cited 2019 April 20]. Available from: https://m.vk.com/page-42367011_45387427. Russian.
9. What is trolling on the Internet and for what purposes is it used? [Internet; cited 2019 April 22]. Available from: <https://livesurf.ru/zhurnal/5525-troll-chto-yeto-za-zver-i-kak-s-nim-borotsya.html>. Russian.
10. SMM-marketing in social networks: what it is, methods and examples [Internet; cited 2019 April 23]. Available from: <https://semantica.in/blog/chto-takoe-smm-i-kak-on-pomozhet-prodvizheniyu-vashego-biznesa.html>. Russian.

Статья поступила в редакцию 26.08.2019.
Received by editorial board 26.08.2019.

УДК 101.1:316+165

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ТРЕНД В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

Н. К. КИСЕЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется одно из самых оригинальных направлений современной социальной философии – социальная физика. Прослеживается ее становление и эволюция в контексте междисциплинарной методологии. Феномен междисциплинарности применительно к социальной физике обеспечивает формирование теорий среднего уровня и реализуется в виде парадигмальных прививок частными теоретическими схемами из разных областей современного физического знания, что придает процессу математизации социогуманитарного знания новые особенности. Становление оригинальных версий современной социальной физики, обнаруживающих определенную корреляцию с феноменом технауки, содействует экспликации эпистемологического пространства постакадемического научного дискурса. Вместе с тем требуют дальнейшего исследования как критерии выбора концептуальных моделей физики, математики и других областей знания для решения исследовательских задач, так и пределы онтологического и методологического редукционизма, а также корреляции между социальной физикой и другими исследовательскими направлениями в современной социальной философии.

Ключевые слова: социальная философия; социальная эпистемология; социальная физика; междисциплинарность; трансдисциплинарность; акторно-сетевая теория; редукционизм; математизация социогуманитарного знания; большие данные.

Образец цитирования:

Кисель НК. Междисциплинарный тренд в развитии современной социальной физики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:44–48.

For citation:

Kisel NK. Interdisciplinary trend in the development of modern social physics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:44–48. Russian.

Автор:

Наталья Константиновна Кисель – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Nanallia K. Kisel, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. kiselnk@gmail.com

INTERDISCIPLINARY TREND
IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIAL PHYSICSN. K. KISEL^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes one of the most original directions of modern social philosophy – social physics. The author traces its formation and evolution in the context of interdisciplinary methodology. The phenomenon of interdisciplinarity in relation to social physics provides middle-level theories and implemented in the form of private theoretical schemas from different areas of modern physical knowledge, which gives new features to the process of mathematization of socio-humanitarian knowledge. The formation of original versions of contemporary social physics, exhibiting some correlation with the phenomenon of technoscience, contributes to the explication of the epistemic space postacademisch scientific discourse. At the same time, the criteria for choosing conceptual models of physics, mathematics and other areas of knowledge for solving research problems, the limits of ontological and methodological reductionism, require further research, as well as the correlation between social physics and other research areas in modern social philosophy.

Keywords: social philosophy; social epistemology; social physics; interdisciplinarity; transdisciplinarity; actor-network theory; reductionism; mathematization of socio-humanitarian knowledge; big data.

Современная социальная философия являет собой одно из самых наиболее интенсивно развивающихся направлений философского дискурса, представленного многообразием исследовательских стратегий в изучении общества, что усиливает актуальность вопроса о специфике создаваемых модельных репрезентаций. В социальной эпистемологии, как и в любой сфере теоретического исследования, в процессе анализа неизбежно возникает необходимость обращения к методологии редукционизма. Ввиду особенностей объекта социально-философского познания проблема экспликации оснований для использования редукции, а также границ и степени последней приобретает необычайно острый характер.

Исторически первая натуралистическая версия исследовательской программы, предполагавшая рассмотрение общества по аналогии с природой, базировалась на экстраполяции методологического потенциала естествознания на вновь осваиваемую предметную область – социальную реальность. Именно физика всегда была лидером естествознания, поэтому ее концептуальный аппарат послужил основанием для построения модельных репрезентаций социальных явлений, а классический механицизм XVII–XVIII вв. позволил представить жизнь общества как функционирование механического агрегата. Появление математической статистики открыло новые возможности для изучения социальных явлений. Так, А. Кетле в 1830-х гг. создает концепцию среднего человека, опираясь на эвристику статистических распределений в исследовании поведения человеческих масс [1].

В дальнейшем, несмотря на появление новых версий онтологического и методологического редукционизма в лице химизма, органицизма и т. д., именно физика постоянно привлекала к себе внимание в качестве источника теоретических конструкций, знаково-символических моделей и эмпи-

рических схем для изучения различных аспектов жизни общества. Достаточно вспомнить о попытках использования в XX в. квантовой физики, а затем и синергетики.

В свое время принятие философским сообществом натуралистической исследовательской программы было фундировано, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, в эпоху растущей дифференциации исследовательских практик их неотъемлемый элемент – междисциплинарность – отступал на второй план. Во-вторых, для социальной эпистемологии решающую роль приобретал момент собственного самоопределения по разным основаниям – от понимания самого предмета исследования до переосмысления субъект-объектных отношений в социальном познании. Эти два процесса демонстрировали поразительную историческую синхронность на протяжении достаточно длительного отрезка времени.

По мере выработки представлений о специфике и предмета социальной философии, и совершенствования ее методологического арсенала различные версии редукционистского подхода в рамках натуралистической исследовательской программы неоднократно подвергались обоснованной критике. Сегодня перманентный процесс самоопределения социальной философии разворачивается на фоне нарастающей междисциплинарности и транциплинарности исследовательских практик и в философии, и в науке.

Несмотря на то что проблема междисциплинарности латентно присутствовала как в намерениях О. Конта создать социальную статику и социальную динамику, так и в интегративных процессах в науке XIX в., во всей полноте она обозначилась в методологическом сознании в XX в.

Так, междисциплинарность в научном познании со всей отчетливостью продемонстрировала становление квантовой физики. Если возникновение

физической химии в лице прежде всего электрохимии знаменовало собой первые содержательные версии междисциплинарного подхода, то экспликация Н. Бором дополнительного способа описания в копенгагенской интерпретации квантовой механики привела, с одной стороны, к оживлению дискуссий относительно границ редукционизма в исследовательских практиках, а с другой – к актуализации проблемы универсального языка науки в неопозитивистской аналитике.

Феномен междисциплинарности широко обсуждается в современной философско-методологической литературе [2–4]. К этому побуждают особенности постакадемической науки, отталкивающейся от презумпции холизма в развертке исследовательских практик, нацеленных на освоение научным познанием сложных систем и многофакторных процессов. Междисциплинарность предполагает перенос знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных границ. Взаимодействие демонстрируют, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга отрасли науки – лингвистика и историческая наука, синергетика и демография и т. д. Усиление взаимного обмена задачами и способами их решения в сферах собственно научного и инженерно-технического исследования становится, например, основой для формирования и развития современной технонауки.

В концептуальных построениях социальной эпистемологии методологическое сознание также обращается к междисциплинарным подходам, что сегодня выражается, в частности, в формировании и развитии современной социальной физики, которая, порывая с предшествующими наивно-реалистическими версиями метафорического свойства, предполагает описание и модельную репрезентацию коллективных процессов в различных видах социальных систем с помощью инструментария экспериментальной и теоретической физики. Следует обратить внимание на ряд обстоятельств, сопутствующих этому феномену.

Во-первых, концептуальные построения социальной физики относятся к классу теорий среднего уровня. Так, она позволяет изучить с помощью математических методов влияние информационных потоков на человеческое поведение, что дает возможность предсказывать поведение общественных групп, продуктивность новых компаний, направлять развитие отдельных городских районов и даже целых городов и т. д.

Во-вторых, междисциплинарность в данном случае предполагает не использование фундаментального физического знания, а обращение к част-

ным теоретическим схемам по В. С. Стёпину. Для анализа социальных явлений применяются, например, модель диффузии, фазовых переходов, модель переворачивающих спинов, эффекта ферромагнетиков и т. д.

В-третьих, происходит обращение не к аналогиям (пусть даже очень продуктивным), а к использованию концептуального аппарата различных разделов физики, когда осуществляются парадигмальные прививки по В. С. Стёпину. Например, модель появления лидеров, своеобразных проводников между элитами в обществе, строится с применением теории неупорядоченных систем с замороженным беспорядком – модели критического поведения. В социальных системах, согласно этой модели, возникают домены с минимизацией противоречий между ними, но с сохранением свойственных им внутренних противоречий. Таким способом позиционируется появление иерархии, снимающее напряжение в системе.

В-четвертых, физика всегда являла собой математизированное знание. Вместе с концептуальным аппаратом в сферу исследования социальной физики вносятся математические модели, что придает процессу математизации социогуманитарного знания новые особенности. Изначально применение математических подходов даже в сфере экономических исследований ограничивалось отсутствием так называемой адекватной меры¹, что обуславливало фрагментарный характер процесса математизации. Математические модели в единстве с концептуальным аппаратом, к которым прибегает социальная физика, в некоторой степени позволяют если не преодолеть, то частично обойти это обстоятельство и открывают перспективы компьютеризации с использованием вычислительного эксперимента.

В-пятых, следует обратить внимание на полисемантическую природу самого концепта «социальная физика»: он все чаще ассоциируется не только с физикой, но и с постакадемической наукой как таковой. Дигитализация исследовательских практик, работа с большими данными не могли не сказаться на концептуальных построениях современной социальной физики. Ярчайшим примером поиска новых методологических ориентиров служат работы исследовательского коллектива Массачусетского технологического института под руководством А. Пентленда [5].

В своей новой версии социальная физика демонстрирует определенный разрыв с парадигмальными прививками, характерными для второй половины XX в.: первые из них относятся к 1950-м гг. (модели автомобильного движения, модель неконтролируемого поведения толпы и т. д.) и чаще всего базируются на физике фазовых переходов. Сегодня социальная

¹Меру величин называют адекватной, если большей величине соответствует большая мера, равным – равные, а увеличение идет пропорционально. Адекватная мера предполагает наличие способа измерения, единиц измерения, зафиксированных в виде эталонов. За пределами физики адекватные меры практически отсутствуют. Условность измерения, в свою очередь, ведет к условности устанавливаемых функциональных связей и ограничивает возможность точности прогноза в ходе теоретического анализа.

физика осваивает возможности, предоставляемые информационными технологиями, в частности обращается к работе с большими данными.

В версии социальной физики, развиваемой Массачусетской школой, акцент смещается на исследование прежде всего субъект-субъектных отношений, реализующихся в поведенческой активности людей. При этом ставится задача изучения влияния информационных потоков на человеческое поведение с использованием математических методов. Смысловая наполненность информационных потоков отходит на второй план, а в силу интереса к информации как причине массовой практической активности людей возникает особая проекция социума – так называемый мир *Nudge* (в переводе с английского языка – толкнуть локтем, подтолкнуть, навести на мысль). Здесь особое внимание уделяется анализу коллективного движения в социальных системах, сетевых социальных структур, динамике общественного мнения и контролю за ним.

Условия свободного выбора акторов в массовых явлениях изначально соотносятся не с результатами их сознательных усилий, а с самопроизвольно повторяющимися действиями людей (скорее всего, бессознательного свойства) под влиянием принятия социальных норм. Моделирование социальных процессов демонстрирует при этом новые версии онтологического и методологического редукционизма. Общество понимается как совокупность сетей, образующихся в результате взаимодействия между собой отдельных индивидов. Для описания социальных процессов утрачивается эвристика ранее используемых понятий – рынка, класса и т. п. За скобки выносятся креативность сознательных человеческих усилий, а желания и стремления людей задаются влиянием социально-сетевой системы. Данное обстоятельство предполагает формирование нового понятийного кластера, содействующего становлению декларируемой вычислительной теории поведения и включающего такие концепты, как социальная норма, социальное обучение, социальное давление, стимул социальной сети и т. д.

В своем развитии социальная физика сегодня сопрягается с социальной инженерией, что позволяет отыскивать решения множества задач практического характера – от расчета необходимой продуктивности работы небольших групп, отделов компаний, механизмов финансового инвестирования до рассмотрения проблем современной урбанистики при проектировании целых городов. Она особенно эффективна в настройке различных сетей коммуникации вплоть до интернет-сообществ.

Количественное параметрирование, к которому прибегает социальная физика в своих модельных репрезентациях, делает ее весьма востребованной и сближает с технаукой в реализации социального заказа, адресованного современным исследовательским практикам. Претензия на создание вычислительной теории поведения предполагает не просто усиление продуктивности и креативности социальных институций, но и проектирование более совершенных социальных систем. Подобно технауке в процессе изучения массовых социальных явлений обнаруживаются уровни базовых и специальных исследований. Первый представлен новым понятийным кластером и математическими методами, а второй – непосредственно социальной инженерией. Методологическим ориентиром выступают живые лаборатории, осуществляющие, согласно акторно-сетевой теории Б. Латтура, реконструирование и наблюдение. Так называемые социоскопы (по аналогии с микроскопами) позволяют осуществлять повременное отслеживание массовых явлений в различных сообществах (например, в социальных сетях) и тем самым «добывать реальность».

Междисциплинарность современной социальной физики, учитывающей многофакторность социальных процессов, сегодня выходит за прежние рамки физических и математических моделей и обращает исследователей к различным отраслям экономики, психологии, теории сложности вычислений и теории принятия решений. Основа междисциплинарной целостности задается обращением к большим данным.

Таким образом, феномен социальной физики, с одной стороны, демонстрирует новый тренд в решении прикладных задач исследования и конструирования социальной реальности, а с другой – инициирует сдвиг в методологическом сознании и развитии критической рефлексии, свойственной социальной философии в целом и социальной эпистемологии в частности. Вместе с тем с повестки дня не снимается ряд дискуссионных вопросов относительно критериев выбора концептуальных моделей физики, математики и других областей знания для решения исследовательских задач. Требуют разработки проблемы экстраполяции пределов онтологического и методологического редукционизма, соотношения между собой различных знаково-символических систем социальной физики, а также исследования механизмов корреляции между социальной физикой и не менее интересными исследовательскими направлениями современной социальной эпистемологии.

Библиографические ссылки

1. Кетле А. *Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. Том 1.* Русов А, редактор. Киев: Киевский коммерческий институт; 1911. 336 с.
2. Касавин ИТ. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии. *Вопросы философии.* 2010;4:61–73.

3. Ажимов АФ. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований). *Вопросы философии*. 2016;11:70–77.

4. Порус ВН. От междисциплинарности к трансдисциплинарности: мосты между философией науки и философией культуры. В: Бажанов ВА, Шольц РВ, редакторы. *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы*. Москва: Издательский дом «Навигатор»; 2015. с. 416–432.

5. Пентленд А. *Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь*. Ботнева Е, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 352 с.

References

1. Quetelet A. *Sotsial'naya fizika, ili Opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskikh sposobnostei. Tom 1* [Social physics or research experience on the development of human abilities. Volume 1]. Rusov A, editor. Kyiv: Kievskii kommercheskii institut; 1911. 336 p. Russian.

2. Kasavin IT. Interdisciplinary research: to the concept and typology. *Voprosy filosofii*. 2010;4:61–73. Russian.

3. Azhimov AF. What is interdisciplinarity today? (An experience of cultural-historical interpretation of foreign studies). *Voprosy filosofii*. 2016;11:70–77. Russian.

4. Porus VN. [From interdisciplinarity to transdisciplinarity: bridges between the philosophy of science and the philosophy of culture]. In: Bazhanov VA, Scholz RV, editors. *Transdistiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, perspectives]. Moscow: Publishing House «Navigator»; 2015. p. 416–432. Russian.

5. Pentland A. *Sotsial'naya fizika. Kak Bol'shie dannye pomagayut sledit' za nami i otbirayut u nas chastnuyu zhizn'* [Social physics. How Big data helps keep track of us and takes away our privacy]. Botneva E, translator. Moscow: AST; 2018. 352 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 06.09.2019.
Received by editorial board 06.09.2019.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 141.319.8

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Э. ФРОММА И М. ШЕЛERA

И. О. ШАФАРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются нравственные аспекты философии Э. Фромма и М. Шелера, чье творчество автор рассматривает как попытку решения этических проблем путем апелляции к идеям философской антропологии. Мыслители выступали с критикой современной цивилизации и выдвигали подлинные человеческие ценности, которые должны не навязываться как формальные нормативы, но открываться личности изнутри как характеристики ее подлинного существования. При этом Э. Фромм по-новому оценивает гуманное поведение человека и настаивает на радикальной трансформации всей системы ценностных ориентаций человека. В свою очередь, М. Шелер преследует масштабную цель – восстановление или инновационное обоснование материальной этики ценностей, которая дает гарантию ее защиты от любого социального застоя и предполагает возврат доверия к ней со стороны людей.

Ключевые слова: этика Э. Фромма; этика М. Шелера; философская антропология.

THE MORAL ASPECTS OF THE PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF E. FROMM AND M. SCHELER

I. O. SHAFAREVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the moral aspects of the philosophy of E. Fromm and M. Scheler. The author considers the work of E. Fromm and M. Scheler as an attempt to solve ethical problems through an appeal to the ideas of philosophical anthropo-

---

Образец цитирования:

Шафаревич И.О. Нравственные аспекты философской антропологии Э. Фромма и М. Шелера. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;1:49–54.

For citation:

Shafarevich I.O. The moral aspects of the philosophical anthropology of E. Fromm and M. Scheler. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;1:49–54. Russian.

Автор:

Ирина Октаевна Шафаревич – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е. В. Беляева.

Author:

Irina O. Shafarevich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
irina_shafarevich@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9566-797X>

logy. Thinkers criticized modern civilization and put forward genuine human values that should not be imposed as formal norms, but should be revealed to the individual from within as characteristics of its true existence. In this case, E. Fromm a new assessment of human behavior and insists on a radical transformation of the entire system of human value orientations. In turn, M. Scheler pursues a large-scale goal: the restoration or innovative justification of the «material ethics of values», which guarantees the protection of ethics from any social stagnation and involves the return of trust in it on the part of people.

Keywords: E. Fromm's ethics; M. Scheler's ethical views; philosophical anthropology.

Переосмысление проблемы человека, размышление о месте человека в космосе и его предназначении – актуальные проблемы современности, исследование истоков которых вызывает особый интерес.

Процесс познания человека долгое время оставался второстепенным в философском поиске истины. Мораль следовала за рассудительностью, и со времен Сократа этос не имел добродетели вне логоса. В европейской традиции философской мысли вплоть до сегодняшнего дня отмечается тенденция к определенной рефлексии нравственных основ умозрения, предпосылкой которой является внутреннее стремление философов к оправданию истины перед жизненным миром человека.

В развитии современных наук о человеке происходит поворот в сторону повседневного мира, при этом сохраняется преемственность классических традиций и классической рациональности. Совокупность гуманистических принципов наряду с высшими моральными ценностями – добром, состраданием, моральной ответственностью, долгом, совестью, достоинством, милосердием – становится частью современной философской антропологии, определяя ее концептуально-теоретические основания.

В области новой общественной морали происходит формирование дискурсивной этики, которая, в отличие от универсалистской, дает возможность членам сообщества включиться в обсуждение для защиты своих интересов, поддержки своей идентичности. Это придает импульс развитию не только философской антропологии, но и обществу как самоорганизующейся и саморазвивающейся системе, задающей ряд определенных идеалов общественного развития.

Современная философская антропология учитывает, что общественная мораль в ее исторической динамике и взаимодействии с различными феноменами культуры обогащает ценностные и нравственные регулятивы, формирует в ряде сообществ образцы и стратегии моральных стандартов. В свою очередь, системные изменения в развитии общества детерминируют переосмысление содержательного статуса философской антропологии, самосознание и нравственность отдельного человека.

Таким образом, проблема этики и нравственности сегодня воспринимается как ведущая во всех областях науки и культуры. Но философия играет в данном осмыслении ведущую роль, поскольку

именно она впервые инициировала исследования нравственности в философской антропологии.

Среди философов, обращавшихся к изучению проблемы человека, достойное место занимают Э. Фромм и М. Шелер, основные темы размышлений которых не утратили своего значения до сих пор. Творчество мыслителей стало предметом исследования различных авторов. Так, Л. А. Чухина, изучая работы М. Шелера, считает, что они находятся у истоков поворота философской рефлексии в сторону антропологической аксиологии. О. Пеггелер, М. Фрингс подходили к анализу наследия немецкого философа в основном в хронологическом аспекте, прослеживая развитие его идей на протяжении всех периодов его творчества. Исследуя сочинения Э. Фромма, Г. А. Титаренко делает акцент на гуманистической диалектике, основное внимание уделяя анализу генезиса гуманистической традиции в творчестве этого американского мыслителя. По мнению названного автора, истоки гуманизма Э. Фромма связаны с философской традицией экзистенциализма и идеализма [1, с. 19]. П. С. Гуревич прослеживает взаимосвязь гуманистической традиции с особенностями социальных разработок Э. Фромма и психоаналитического метода, обращает внимание на утопичность социальных взглядов философа, но эта оценка носит скорее описательный, чем критический характер [2, с. 104]. В. А. Куркин раскрывает гуманистический характер социальных исследований Э. Фромма, а также единство его методологии и гуманистических установок при рассмотрении проблем развития общества и построения его будущего [3, с. 73].

Таким образом, в литературе творчество каждого мыслителя рассматривается отдельно в индивидуальных рамках, а их общей черте – разработке философской антропологии как основы этики – внимание не уделяется. Вследствие этого цель данной статьи – сравнение нравственных аспектов философской антропологии Э. Фромма и М. Шелера.

Анализируя сочинения рассматриваемых философов, необходимо отметить, что они оба превращают человека в центральную философскую проблему, которая детерминирует решение онтологических, гносеологических и других проблем. Так, по мысли М. Шелера, «если существует философская проблема, решения которой с исключительной настоятельностью требует наше время, то это проблема философской антропологии» [4, с. 133].

В основном труде М. Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей», касающемся материального априори, априорного рангового порядка ценностей, априорных ранговых отношений между ценностными модальностями, сформулирован постулат о личностной форме священного, который образует системное идейное ядро всех его сочинений, написанных до начала 1920-х гг. Но ближе всех к названной работе как хронологически, так и содержательно стоит все-таки сборник «О перевооружении в ценностях». В предисловии к нему философ отсылает читателя к первому изданию этой книги, опубликованной в «Ежегоднике по философии и феноменологическому исследованию», мотивируя это тем, что в нем «детально рассматриваются и методологические принципы феноменологической философии, и позитивный ранговый порядок ценностей, которые служат молчаливо предполагаемым масштабом для содержащейся в сочинениях критики нашей эпохи и ее этоса, а равно указателем истинного пути» [5, с. 116].

Как подчеркивает Г. Г. Шушанашвили, М. Шелер выступает с критикой формализма в целом, в том числе и этического формализма И. Канта, а также кантовского понимания априорного долга личности [6, с. 104].

Философ формулирует ряд предпосылок, которые даны в учении И. Канта явно или скрыто.

1. Каждая материальная этика должна быть этикой блага и цели.

2. Каждая материальная этика необходимо имеет эмпирически индуктивное и апостериорное значение, только формальная выступает как априорная и независимая от индуктивного опыта.

3. Материальная этика необходимо является этикой успеха, и только формальная этика основывается на намерении как на первоначальном носителе ценностей добра и зла.

4. Каждая материальная этика необходимо выступает как гедонизм, имея в виду чувственные предметы и существование чувственного удовольствия.

5. Каждая материальная этика необходимо гетерономна, только формальная этика может обосновать автономию личности.

6. Материальная этика признает легальность поступка, и только формальная этика может обосновать моральность воли.

7. Каждая материальная этика рассматривает личность как средство, и только формальная этика доказывает достоинство личности.

8. Каждая материальная этика видит основу морали в эгоизме, характерном для человеческой природы, и только формальная этика может провести обоснование морали без учета всякого эгоизма, а также утверждать, что во всякой организации человеческой природы есть нравственный закон, имеющий силу для каждого разумного существа.

В этике М. Шелера в качестве критерия нравственной жизни выступает порядок сердца (*ordo amoris*). Имеется вид опыта, пишет М. Шелер, «предметы которого непостижимы для разума... порядок и законы такого опыта определены так же точно и разумно, как порядок и законы логики и математики. До сих пор этика старалась доказывать превосходство разума над чувствами, эмоциями. Нравственная ценность поступка была тем выше, чем меньше прислушивался (человек) к голосу сердца и чем больше подчинялся разуму» [6, с. 107]. В действительности, считает философ, действие по желанию сердца – собственно человеческое действие, в нем проявляется истинная природа субъекта, так как желания сердца ничего общего не имеют с деятельностью разума. Соответственно, по Шелеру, в проявлении эмоций и чувств выражается сущность истинно человеческой жизни.

Так, из философского творчества немецкого мыслителя вырастает проект новой философской антропологии, в которой проблема человека ставится и рассматривается в необходимой связи с понятиями нравственного познания и этики ценностей.

Э. Фромм переосмыслил человеческую природу, описываемую в истории философии, преимущественно путем выделения признаков, которые отличают человека от животного. Философ попытался охарактеризовать человека экзистенциально, т. е. через способ существования. Так, человек в определенной ситуации является фундаментом любой из проблем, решаемых мыслителем. Такой подход нельзя считать в истории философии инновационным, но, по мысли П. С. Гуревича, в этике Э. Фромма интерес к человеку проявляется более последовательно и своеобразно [2, с. 61].

Оба автора акцентируют подлинные человеческие ценности, но у Э. Фромма они имманентны природе человека, а у М. Шелера имеют трансцендентный характер.

В частности, у Э. Фромма гуманистическая этика признает самым достойным самого человека и его существование. Смысл гуманистической этики мыслитель видел в том, чтобы она способствовала самопостижению человека, преодолению человеческого отчуждения, построению целостной личности. Так, философ стремится «выстроить антропологически центрированную систему исследований, в которой каждая проблема (от проблемы свободы до характеристик информационного общества) является необходимым элементом сущностной экспликации феномена человека, человеческого мира, человека как “меры всех вещей”» [7, с. 164].

Э. Фроммом обоснован ряд объективных принципов гуманистической этики, так как объективность и устойчивость этических оснований – это предпосылки объективной достоверности этих принципов. В их качестве выступают следующие положения: благо является утверждением жизни, добродетель

представляется ответственностью за собственное существование, а порок безответствен по отношению к самому себе.

И гуманистическая объективная этика, и психология, по мнению Э. Фромма, развиваются взаимосвязанно. Он считал, что переход от аристотелевской этики к этике Б. Спинозы обусловлен превосходством динамической психологии Б. Спинозы над статической психологией Аристотеля. Именно так Э. Фромм объясняет, что психология и психоанализ имеют связь с этикой и наоборот: это предпосылка возникновения более обширных и глубинных возможностей, позволяющих построить гуманистическую этику, опорой для которой могут стать не только философские основания, но и установки психологической науки. С точки зрения Э. Фромма, обосновать гуманность, присущую человеку, – прежде всего осознать, добрый он или злой по природе [8, с. 51]. Противниками гуманистической этики отмечено, что человек по природе злой, ему свойственны враждебность, завистливость, ревность и лень и сдерживает эти эмоции только страх. Представители гуманистической этики эту позицию не разделяют.

В философских рассуждениях Э. Фромма основополагающей проблемой является человек и человеческое существование, на основе этой центральной идеи он излагает собственные этические воззрения.

В работе «Человек для себя»¹ Э. Фромм исследует ряд принципиальных различий авторитарной и гуманистической этики, непродуктивных и продуктивных ориентаций человеческого характера, глубинных моральных проблем. Философ анализирует истоки кризиса человечности, причины отказа от идей Просвещения и, как следствие, упадка этических ценностей как в самом человеке, так и в обществе. Автор ставит ряд важных вопросов: «Должны ли мы согласиться на то, что альтернативой религии является релятивизм? Должны ли мы допустить отказ от разума в вопросах этики? Должны ли мы счесть, что выбор между истиной и ложью, между честностью и оппортунизмом, между жизнью и смертью есть лишь результат простого субъективного предпочтения?» [9, с. 89]. Э. Фромм сам дает ответ на этот вопрос: «Нет, есть другая альтернатива» [9, с. 90]. Она основана на том, что только человеческий разум может отличить зло от добра, только он может эстетически правильно их оценить. Философ отмечает, что именно гуманистическая традиция заложила основу ценностей – человеческую автономию и разум.

Выделяя авторитарную и гуманистическую этику, Э. Фромм приводит ряд существенных отличий первой от второй: «В авторитарной этике авторитет определяет, в чем благо человека, и он же устанавливает законы и нормы поведения; в гуманистиче-

ской этике человек сам и творец норм, и их исполнитель, он их создает, он их регулирует и соблюдает» [10, с. 90]. Авторитарная и гуманистическая этика Э. Фромма отличаются друг от друга в соответствии с формальным и материальным критериями. Формальный критерий предполагает, что сам человек не способен распознать хорошее, отделить его от плохого, нормы подобного плана устанавливает авторитет. Материальный критерий авторитарной этики отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя из интересов авторитета, а не личности. Формальный и материальный аспекты авторитарной этики представляют собой единое целое [11, с. 51].

Рассмотрение М. Шелером проблемы ценностей интересно в плане изучения истоков аксиологической традиции. Философская школа, сторонником которой он является, полагала человека первопричиной всех явлений, и это было базисом науки о сущности и «сущностном строении человека». При этом центром своей философии М. Шелер определяет тему ценностного мира человека, тем самым разрабатывая свою аксиологическую концепцию [12, с. 194].

Эстетические ценности философ обсуждает в феноменологии предметностей в качестве благ и обозначает модальное единство области духовных ценностей, что, по мысли М. Шелера, определяет их материальное априори. Сфера собственно эстетических ценностей определена им через ценности прекрасного и безобразного. Исследуя феномен трагического, философ высказывает сомнения по поводу того, что трагическое – важный «эстетический феномен», и рассматривает его с точки зрения того, что последний «является существенным элементом в самом универсуме» [10, с. 265].

Этические ценности М. Шелер относит к личностной стороне и связывает с реальными носителями, что определяет их как личности или акты, способные выступать, например, в качестве части эстетической видимости и части предмета-образа. Соответственно, они взаимосвязаны.

И Э. Фромму, и М. Шелеру свойственна критика современной цивилизации и ее дегуманизирующих эффектов. Так, лейтмотивом всего творчества М. Шелера было стремление «укрепить человеческое самосознание», вновь открыв измерение трансценденции, указать человеку задачи, превосходящие фактичность его эмпирического и исторического бытия. Особенно в поздних работах философа явно обнаруживается попытка осмыслить кризис европейского человечества и все то, что он называл «нашей извращенной и запутанной цивилизацией» (процессы прогрессирующей символизации мира), которая возникла вместе с наукой, техникой и формализацией человеческих отношений. У Э. Фромма критика современной цивилизации имеет религиозные истоки: библейские пророки, христианские

¹Фромм Э. Человек для себя. М. : АСТ, 2016.

мистики, даосизм и буддизм имели для него не меньшее значение, чем И. Бахофен, З. Фрейд или К. Маркс. Сторонников своей гуманистической религии Э. Фромм находит среди представителей всех вероисповеданий, противопоставляя их воззрения идолопоклонству и превращению церкви в инструмент социального контроля.

Необходимо отметить, что и Э. Фромм, и М. Шелер настаивают на том, что нравственные ценности должны не навязываться как формальные нормативы, но изнутри открываться личности как характеристики ее подлинного существования (в отличие от того, как они функционируют в современной цивилизации).

Особое место в построении философской антропологии М. Шелера занимает способность человека быть причастным миру трансцендентных ценностей, задающих нормативность и долженствование на протяжении всей его жизни. В этом качестве человек фактически противостоит внешнему миру, стремится к реализации своего сущностного начала, соприкасаясь с Абсолютом. Именно возможность трансцендирования, по мнению философа, делает человека человеком, а особое место человека в космосе определено в силу его связи с ценностями: «Лишь в той мере, в какой существуют духовные ценности и духовные акты, в которых они постигаются, жизнь как таковая... обладает некоторой ценностью» [10, с. 263]. Всю «полноту идей и ценностей» М. Шелер видел в вечной *Deitas*: божестве, духе, заложенном в «основание вещей», которое реализуется «в человеке и через человека в порыве мировой истории» [9, с. 263]. Ценность, по мнению

философа, – это феномен, который самообнаруживается в акте эмоциональной интуиции в процессе эмоционального созерцания, и по этой причине определить ценность нельзя, абстрагируясь из общих свойств предметов и явлений, нельзя выразить формами логического мышления. Поэтому ценность нельзя вывести, отстраняясь от общих свойств предметов и явлений, нельзя выразить формами логического мышления. М. Шелером выделены два вида априорных порядков ценностей: формальный, или порядок сущностных носителей, а также порядок ценностных модальностей, или ценностных качеств. Первый порядок состоит из личностных и предметных ценностей. В группу личностных включаются как ценности самой личности, так и ценности добродетелей. В группу предметных – все блага, способные выступать как материальные (блага для наслаждений, а также полезные блага), витально-ценные (хозяйственные) и духовные (наука, искусство и др., т. е. культурные блага). По мысли философа, личностные ценности более высоки, нежели предметные.

Гуманистическая этика также характеризуется Э. Фроммом в соответствии с формальным и материальным критериями. Формально гуманистическая этика основана на идее о том, что только сам человек может определить критерий добродетели и греха. Материальным критерием гуманистической этики является принцип: благо – то, что хорошо для человека, а зло – то, что вредит ему. Гуманистическая этика утверждает, что знание природы человека позволяет определить истоки норм его поведения.

Заключение

Таким образом, оба философа предприняли попытку решения этических проблем путем апелляции к идеям философской антропологии. Они выделяли проблему человека как центральную философскую проблему, выступали с критикой современной цивилизации и ее дегуманизирующих эффектов, выдвигали подлинные человеческие ценности, но, согласно Э. Фромму, эти ценности имеют имманентный природе человека характер, а по Шелеру, – трансцендентный. При этом оба философа настаивали на том, что нравственные ценности должны не навязываться в качестве формальных нормативов, но изнутри открываться личности как характеристики ее подлинного существования (в отличие от того, как они функционируют в современной цивилизации).

При этом Э. Фромм, обосновывая связь психологии и этики, по-новому оценивает гуманное поведение человека. Он обозначает корни бед, присущих современному обществу, и заявляет, что обществу нужны радикальные перемены, касающиеся не только экономических или политических

структур, но и личностных, поведенческих, и поэтому должна трансформироваться вся система ценностных ориентаций человека. Человечеству следует, по мысли Э. Фромма, осознать важность и нужность гуманистической этики.

М. Шелером остро ощущался кризис европейской культуры, источником которого он считал культ выгоды и расчет. Логике интеллекта он противопоставлял логику чувства, которую полагал интенциональным актом, с помощью которого познаются ценности.

С позиции философской антропологии человек обладает рядом следующих характеристик:

- является уникальным и универсальным;
- определяется как совокупность внутренней и внешней составляющих (духовный мир человека – это его внутренний стержень, который символизируется в различных формах его деятельности, в игре, художественном творчестве, после чего он оказывается существом социальным, общественным);
- объединяет различные образы (человек биологический, разумный, действующий, рациональ-

ный, чувственный, этический – все это совмещено в каждом конкретном индивиде);

- является существом историческим, что позволяет ему планировать будущее;
- несет бремя ответственности перед самим собой и, осознавая это, находит выход из ситуации в синтезе гуманистических позиций и идеалов, равно как и в их обновлении.

М. Шелер преследует масштабную цель: восстановить или инновационно обосновать материальную этику ценностей в противоположность формализму в этике. Материальной этикой ценностей

будет охвачен весь спектр человеческого опыта, а также моральные и неморальные ценности, что, как считает М. Шелер, дает этике гарантию защиты от любого социального застоя и предполагает возврат доверия к ней со стороны людей.

Оценка этических воззрений обоих философов позволяет говорить о том, что общество, перед которым стоит проблема ценностной самоидентификации, должно обратиться к их творчеству, выступающему неисчерпаемым источником идей, с помощью которых можно решить данную проблему.

Библиографические ссылки

1. Молчанов В.И. *Исследования по феноменологии сознания*. Москва: Территория будущего; 2007. 456 с.
2. Титаренко АИ, редактор. *Рациональное и эмоциональное в морали*. Москва: Издательство Московского университета; 1983. 156 с.
3. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Александрова АВ, переводчик. Москва: Издательский дом «АСТ»; 2004. 286 с.
4. Шелер М. Человек и история. В: Скворцов ЛВ, редактор. *Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты)*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 1991. с. 133–159.
5. Малинкин АН. Учение Макса Шелера о resentment и его значение для социологии. *Социологический журнал*. 1997;4:116–150.
6. Шушанашвили ГГ. И. Кант и М. Шелер. *Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта*. 1978;3:104–110.
7. Жукова СП. Проблема идеала в философской антропологии Э. Фромма. В: Легчилин АА, Румянцева ТГ, редакторы. *Философско-культурологические исследования. Выпуск 1*. Минск: БГУ; 2011. с. 160–174.
8. Анисимов СФ. *Введение в аксиологию*. Москва: Современные тетради; 2001. 128 с.
9. Фромм Э. Духовная сущность человека. Его способность к добру и злу. *Философские науки*. 1990;8:88–95.
10. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика. В: Шелер М. *Избранные произведения*. Денежкина АВ, переводчик, редактор. Москва: Гнозис; 1994. с. 259–337.
11. Земляной СН. Феноменология и этика. *Этическая мысль*. 2004;5:172–199.
12. Киссель МА. *Историческое сознание и нравственность*. Москва: Знание; 2005. 64 с.

References

1. Molchanov VI. *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Research on the phenomenology of consciousness]. Moscow: Territoriya budushchego; 2007. 456 p. Russian.
2. Titarenko AI, editor. *Racional'noe i emocional'noe v morali* [Rational and emotional in morality]. Moscow: Moscow University Press; 1983. 156 p. Russian.
3. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Aleksandrova AV, translator. Moscow: Publishing House «AST»; 2004. 286 p. Russian.
4. Scheler M. [Man and history]. In: Skvortsov LV, editor. *Chelovek: obraz i sushchnost' (gumanitarnye aspekty)* [Human being. Image and essence (humanitarian aspects)]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 1991. p. 133–159. Russian.
5. Malinkin AN. [Max Scheler's doctrine of resentment and its significance for sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1997; 4:116–150. Russian.
6. Shushanashvili GG. [I. Kant and M. Scheler]. *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta*. 1978;3:104–110. Russian.
7. Zhukova SP. [The problem of the ideal in the philosophical anthropology of E. Fromm]. In: Legchilin AA, Rumyantseva TG, editors. *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya* [Philosophical and cultural studies]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 160–174. Russian.
8. Anisimov SF. *Vvedenie v aksiologiyu* [Introduction to axiology]. Moscow: Sovremennye tetradi; 2001. 128 p. Russian.
9. Fromm E. [The spiritual essence of person. His ability to good and evil]. *Filosofskie nauki*. 1990;8:88–95. Russian.
10. Scheler M. [Formalism in ethics and material ethics of value]. In: Scheler M. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Denezhkina AV, translator, editor. Moscow: Gnosis; 1994. p. 259–337. Russian.
11. Zemlyanoy SN. Phenomenology and ethics. *Eticheskaya mysl'*. 2004;5:172–199. Russian.
12. Kissel MA. *Istoricheskoe soznanie i nravstvennost'* [Historical consciousness and morality]. Moscow: Znanie; 2005. 64 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 31.05.2019.
Received by editorial board 31.05.2019.

УДК 316.6

СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ И СРЕДА ОРГАНИЗАЦИИ: ФАКТОРЫ ВЗАИМНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

В. А. ТОЛОЧЕК¹⁾, В. В. ВИЛЬЧЕС-НОГЕРОЛ¹⁾, Л. А. СИЗОВА²⁾

¹⁾Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, 13, 129366, г. Москва, Россия

²⁾Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1 им. профессора С. В. Очаповского, ул. 4-я линия ПРК, 15, 350001, г. Краснодар, Россия

Изучаются связи между эффективностью деятельности и социальной успешностью субъектов в социальной среде современных организаций. Выдвигаются гипотезы: 1) стили делового общения субъектов подвержены влиянию условий социальной среды (микро- и мезосреды организации); 2) они сопряжены со стадиями эволюции организации. Предмет исследования – стили делового общения субъектов: успешных профессионалов-менеджеров и руководителей подразделений крупной коммерческой компании (85 человек), медицинских сестер и старших медицинских сестер (142 человека). В исследовании применялись опрос экспертов, психодиагностика, исследовательская методика «Стили делового общения» (СДО) В. А. Толочка, включенное наблюдение. Становление и закрепление типовых стилей делового общения сотрудников современных организаций сопряжены с условиями их труда (должностными обязанностями, отношениями в рабочих группах, руководством подразделений, декларируемыми и латентными особенностями корпоративной культуры организации, традициями и др.). СДО субъектов связаны со стадиями эволюции организации. Условия социальной среды (микро- и мезосреды организации) влияют на становление и закрепление отдельных СДО у отдельных субъектов, от совокупности СДО сотрудников зависит динамика эволюции организации. Более конструктивные СДО медицинских сестер сочетаются с такими жизненными циклами организации, как зрелость (стабильность), менее конструктивные стили менеджеров – со стадиями «упадок» и «смерть» организации. СДО представителей социономических профессий (менеджеров и руководителей подразделений крупной

Образец цитирования:

Толочек ВА, Вильчес-Ногерол ВВ, Сизова ЛА. Стили делового общения и среда организации: факторы взаимной детерминации. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1: 55–69.

For citation:

Tolochek VA, Vilches-Nogero VV, Sizova LA. Styles of business communication and environment of the organization: factors of mutual determination. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 1:55–69. Russian.

Авторы:

Владимир Алексеевич Толочек – доктор психологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник.

Вероника Валерьевна Вильчес-Ногерол – аспирантка лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии. Научный руководитель – В. А. Толочек.

Лариса Александровна Сизова – кандидат психологических наук; главная медицинская сестра.

Authors:

Vladimir A. Tolochek, doctor of science (psychology), full professor; leading researcher.

tolochekva@mail.ru

Veronika V. Vilches-Nogero, postgraduate student at the laboratory of labour psychology, ergonomics, engineering and organizational psychology.

Larisa A. Sizova, PhD (psychology); head nurse.

коммерческой компании) характеризуются высокой и умеренной выраженностью компонентов стиля, отражающих особенности коммуникаций субъектов и поддерживающих ее успешность. При факторном анализе выделяется шесть четко интерпретируемых факторов, характеризующих соответствующие стили делового общения сотрудников. В соответствии с составом переменных и их факторными весами выделенные факторы в качестве стилей получили названия: первый – *формализация взаимодействий, минимизация сотрудничества, поощрение активности партнера*; второй – *мягкость и уклончивость, дистанцирование от партнера*; третий – *твердость и дистанцирование, упорство, силовое противостояние*; четвертый – *высокая активность и непоследовательность, негибкость, невидение перспективы взаимодействий*; пятый – *либеральный стиль*; шестой – *жесткость, дистанцирование, ориентация на компромиссные решения*. С учетом требований, предъявляемых к деятельности менеджеров рекламной и консалтинговой компании, все шесть выделенных СДО следует признать неэффективными. СДО представителей второй социономической профессии (медицинских сестер и старших медицинских сестер) характеризуются высокой и умеренной выраженностью компонентов стиля, что отражает особенности коммуникации и поддерживает ее успешность. При факторном анализе выделяется шесть четко интерпретируемых факторов: первый фактор в соответствии с составом и весом его образующих переменных был назван *рациональность, конструктивность, твердость, соблюдение регламентов, поддержка партнера*; второй – *демократичность, гибкость, эмоциональность, близкая психологическая дистанция*; третий – *авторитарность, жесткость, твердость, краткость распоряжений и взаимодействий*; четвертый – *конфликтность, непоследовательность поведения*; пятый – *дистанцирование, склонность к формализации коммуникаций*; шестой – *стратегия компромисса*. С учетом требований, предъявляемых к деятельности медицинских сестер, первый, второй и третий стили делового общения можно считать эффективной психологической системой, один (шестой) – условно эффективной и два (четвертый и пятый) – малоэффективными психологическими системами.

Ключевые слова: стили делового общения; менеджеры; медицинские сестры; руководители низового звена; организационная культура; социальная среда; социальная успешность.

Благодарность. Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00550 «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъекта».

STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION AND ENVIRONMENT OF THE ORGANIZATION: FACTORS OF MUTUAL DETERMINATION

V. A. TOLOCHEK^a, V. V. VILCHES-NOGEROL^a, L. A. SIZOVA^b

^a*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya Street, Moscow 129366, Russia*

^b*Research Institute – Regional Clinical Hospital No. 1 named after professor S. V. Ochapovsky, 15 4th Liene PRK, Krasnodar 350001, Russia*

Corresponding author: V. A. Tolochek (tolochekva@mail.ru)

The purpose of the research: the study of relations of the effectiveness of activities and social success of subjects in the social environment of modern organizations. Hypotheses: 1) the business communication styles of the subjects are influenced by the conditions of the social environment (micro- and meso-media organizations); 2) business communication styles of subjects are associated with the stages of the evolution of the organization. The subject of the research is the business communication styles of subjects (successful professionals-managers and heads of departments of a large commercial company (85 people); nurses and senior nurses (142 people). Methods: expert survey; psychodiagnostics; research methodology «Business communication styles» by V. A. Tolochek, observation included. The formation and consolidation of typical business communication styles of modern organizations is associated with their working conditions (official duties, relationships in working groups, with the management of departments, declared and latent features of the organization's corporate culture, traditions, etc.). The styles of business communication of subjects are associated with the stages of the evolution of the organization. The conditions of the social environment (micro- and meso-environment of the organization) influence the formation and consolidation of individual styles of individual subjects; a set of styles of staff influences the dynamics of an organization's evolution. More constructive styles of nurses are combined with such «life cycles of the organization» as «maturity» («stability»); less constructive styles of managers – with the stages of «recession» and «death». The styles of representatives of socioeconomic professions (managers and heads of divisions of a large commercial company) are characterized by high and moderate severity of style components, reflecting the features of the subjects' communications and supporting its success. When factor analysis identifies six well-interpreted factors that characterize the relevant styles of business communication employees. Substantially, in accordance with the composition of the variables and their factor weights, the selected factors as styles received the name: first factor – *formalization of interactions, minimization of cooperation, promotion of partner's activity*; second – *softness and evasiveness, distancing from a partner*; third – *hardness and distancing, persistence, power opposition*; fourth – *high activity and inconsistency, inflexibility, non-vision of interaction prospects*; fifth – *liberal style*; sixth – *stiffness, distancing, orientation to compromise solutions*. Taking into account the requirements to the activities of managers of an advertising and consulting company, all six allocated styles should be considered ineffective. Styles of representatives of the second socioeconomic professions (nurses and senior nurses) are characterized by high and moderate severity of style components, reflecting the features of communications and supporting its success. In factor analysis, six

well-interpretable factors are distinguished: the first factor, according to the composition and weight of its forming variables, was named *rationality, constructiveness, hardness, compliance with regulations, partner support*; second – *democracy, flexibility, emotionality, close psychological distance*; third – *authoritarianism, rigidity, hardness, brevity of orders and interactions*; fourth – *conflict, inconsistency of behavior*; fifth – *distance, propensity to formalize communications*; sixth – *compromise strategy*. Taking into account the requirements of the activities of nurses, first, second and third styles can be considered effective, one (sixth) – conditionally effective, fourth and fifth styles – ineffective psychological systems.

Keywords: business communication styles; managers; nurses; low-level managers; organizational culture; social environment; social success.

Acknowledgements. The research has been supported by the grant issued by Russian Foundation for Basic Research No. 19-013-00550 «Business communication styles: space and strategies of communication, resources of a subject's success».

Введение

Проблема стилей – когнитивных, стилей деятельности, руководства, общения, поведения и др. – в отечественной и зарубежной психологии стала широко разрабатываться с 1950-х гг. [1–15], а к концу XX в. интерес специалистов к названной проблеме заметно упал. Чаще всего изучались состав, структура, разновидности стилей, их связи с индивидуально-психологическими особенностями людей и эффективностью их деятельности [2; 5; 8; 16–21]. Оценивая критически результаты более чем полувекового опыта изучения проблемы, можно резюмировать следующее: состав стилей часто определялся исследователями произвольно (в логике исходной научной концепции); структура стилей остается наименее изученной (эта тема чаще подменяется просто использованием стандартных методов многомерной статистики, чаще – факторного анализа) (ФА); разновидности стилей и их число остаются дискуссионными вопросами (их решение подменяется применением методов многомерной статистики, в основном ФА); связи стилей с эффективностью деятельности также продолжают обсуждаться [16; 17; 20–31].

Тема связи стилей с эффективностью деятельности до сих пор убедительно не аргументирована вследствие ряда причин. Имеются в виду, во-первых,

ограниченность выборки испытуемых и моделей деятельности (в качестве последних чаще выступают массовые виды деятельности, выборки остаются небольшими, испытуемыми являются специалисты среднего класса); во-вторых, ограниченность оцениваемых параметров эффективности деятельности и социальной успешности субъекта; в-третьих, ограниченность набора базовых переменных, привлекаемых к анализу; в-четвертых, преобладание срезовых обследований, не подкрепляемых мониторингами организованных процессов, отслеживанием эффективности деятельности и успешности субъекта на протяжении длительного времени и др. [19–21]. Среди вовлеченных в анализ базовых переменных (составляющих стилей, характеристик обследуемых, условий деятельности и др.) наименее изучены социально-демографические особенности субъектов и условия их социального окружения.

Цель исследования – изучение связей эффективности деятельности и социальной успешности субъектов в социальной среде современных организаций.

Гипотезы: 1) стили делового общения субъектов подвержены влиянию условий социальной среды (микро- и мезосреды организации); 2) стили делового общения субъектов сопряжены со стадиями эволюции организации.

Объект, предмет, методы и методики исследования

Объект исследования – деятельность и поведение сотрудников современной организации; *предмет* – стили делового общения субъектов (успешных профессионалов-менеджеров и руководителей подразделений крупной коммерческой компании, медицинских сестер и старших медицинских сестер). *Методы:* опрос экспертов, опросник корпоративной культуры Д. Денисона, опросник «Уровень субъективного контроля», 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла, опросник способов совладания и копинг-поведения в стрессовых ситуациях Т. Л. Ключевой, исследовательская методика «Стили делового общения» (СДО) В. А. Толочка, включенное наблюдение.

Исследовательская методика включала 35 пунктов: а) предпочтения субъективно удобных условий деятельности – первого иерархического уровня организации стили, определяющие выбор удобных для субъекта условий среды, режимов деятельности; б) предпочтения компонентов операциональной системы – второго иерархического уровня стили, т. е. конкретные когнитивные, эмоциональные и предметные действия (действия общения), опосредующие взаимодействия субъектов; в) идеальные регуляторы или тип организации деятельности, понимаемые как третий, высший уровень иерархического стили, представленный предпочтением разных функций общения и стратегий по-

ведения. Для оценки выраженности компонентов СДО респондентам предлагалась пятибалльная шкала – от 0 до 4 баллов [22; 28]. Важной составляющей нашего исследования нужно считать и то, что двое из авторов статьи в продолжение нескольких лет являлись (или являются) сотрудниками изуча-

емых нами организаций, что позволяет нам изучать и учитывать множество неформализованных аспектов деятельности и жизнедеятельности людей, их межличностных отношений, ценностных ориентаций, открывающихся лишь при включенном наблюдении и пр.

Дизайн исследования

Стили делового общения изучались на двух моделях деятельности: 1) менеджеров по работе с клиентами компании «Пронто Медиа Холдинг» (76 человек) и руководителей подразделений коммерческой компании (9 человек); 2) медицинских сестер (112 человек) и старших медицинских сестер (30 человек) краевой клинической больницы. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный и факторный анализы, *t*-сравнение для независимых групп (пакет статистических программ *SPSS 10*). Ввиду того что наиболее часто внимание исследователей ориентировано на корреляции психологических и деятельностных переменных (так как именно эти аспекты стиля наиболее изучены), в данной статье акцент был сделан на анализ состава, структур СДО и связей типовых СДО с эволюцией организаций (жизненными циклами организации (ЖЦО)). Авторы не затрагивают и специфические частные вопросы, касающиеся сходства/различия стилей руководителей (исполнителей), стилей продуктивных работников (социально успешных людей) и др. В соответствии с рабочими гипотезами и задачами исследования сопоставлялись эмпирические данные по обеим выборкам субъектов (специалистов и руководителей), содержанию их деятельности и особенностям среды их организаций.

В первой избранной модели – деятельности менеджеров – акцентированы важные для исследования аспекты работы и взаимодействий субъектов в ходе совместной деятельности: постоянное воздействие стрессогенных факторов; ненормированный рабочий день; высокие требования руководства, его обычная неудовлетворенность достигнутыми результатами и систематические требования увеличить продажи; постоянный контроль вышестоящих руководителей; работа в условиях открытого офиса (оупенспейс); взаимодействие с клиентами и коллегами часто на фоне негативных эмоциональных состояний с обеих сторон; ведение продажи в основном через интернет. Взаимодействия в этом виде бизнеса строятся сугубо вокруг рабочих вопросов, активность всех сотрудников компании нацелена на достижение поставленных целей. Неформальное общение ограничено комнатой отдыха или скайпом (даже между сидящими рядом людьми). Вне работы общение обычно не актуализируется. К функциональным обязанностям менеджеров по работе с клиентами относятся ежедневная переписка с за-

казчиками, размещение баннеров (т. е. рекламы) на сайтах, перезаключение договоров, анализ текущих продаж, подготовка отчетов для вышестоящих руководителей и т. д. Кроме того, организационная структура компании на момент обследования изменялась, что предполагало сокращение штата сотрудников. Кризисная экономико-политическая ситуация в стране также накладывает отрицательный отпечаток на общее психологическое состояние работников.

Итак, на деятельность менеджеров коммерческой компании оказывает влияние значительное число средовых факторов, детерминирующих не только работоспособность, эффективность и результативность труда, но и качество взаимодействия между сотрудниками. Жесткая дисциплина и организованность мотивируют последних к достижению поставленных целей, но цена подобных результатов бывает слишком высока. Перечисленные внесубъектные факторы служат весомыми причинами возникновения и эскалации конфликтных противоречий между субъектами совместной деятельности [21; 28].

Деятельность медицинских сестер крупной клинической больницы, представляющих вторую модель социномических профессий, протекает в более оптимальных, приемлемых для человека условиях. Их основные функции узкоспециализированы, строго регламентированы и состоят в сопровождении процесса лечения пациентов клиники (определяемых и управляемых врачами – специалистами более высокого профессионального и социального уровней). Все параметры сопровождения процесса лечения строго упорядочены, активного сопротивления и саботажа со стороны пациентов, как правило, нет, как и явных конфликтов с их родственниками. Рабочие группы структурно включают пять медицинских сестер и старшую сестру, они административно подчинены главной медицинской сестре, руководящей работой подчиненных. Важно выделить социальные и социально-психологические условия, отличающие деятельность менеджеров и медицинских сестер.

База данного исследования – краевая клиническая больница, ведущее научное и лечебное учреждение в регионе и стране. Главный врач больницы – профессионал высшей категории, академик Российской академии медицинских наук, орденноносец, Герой Социалистического Труда, лауреат премии Президента Российской Федерации.

Обобщая, можно признать, что это медицинское учреждение – организация со стабильной организационной структурой, высокой профессиональной культурой персонала всех категорий, получающего стабильно высокую зарплату, дорожающего своим членством в коллективе, придерживающегося высоких стандартов профессиональной этики. Вероятно, большая часть сотрудников с уважением относится к специалистам, занимающим более высокие иерархические позиции: в рабочих группах происходит полнокровное взаимодействие, поддерживаемое не только формальной структурой организации и административной

властью, но и адекватными межличностными отношениями.

Итак, исследование проводилось на двух моделях деятельности представителей социономических профессий, во многом противоположных по совокупности условий труда. В этих моделях активные и вынужденные коммуникации с другими людьми (коллегами, руководителями, пациентами, другими партнерами) во многом также были явно различными, контрастными. Все это не могло не найти отражение в типовых стилях общения, связях стилей с условиями внешней среды, что и составило цель и задачи нашего исследования.

Результаты исследования

Все анализируемые переменные имели нормальное распределение, асимметрия и эксцесс по большей части переменных не выходили за пределы 1,00. По большей части составляющих СДО средние статистики были выше 2,00 балла (при 0 – минимальном значении и 4 – максимальном), т. е. выше более 67 % диапазона шкалы. В обеих выборках первые шесть факторов (с собственным значением больше 1,00) объясняли 52,5 % дисперсии в выборке медсестер и 58,0 % в выборке менеджеров. При проведении корреляционного, факторного анализа и *t*-сравнения получены убедительные подтверждения в пользу рабочей гипотезы. По части переменных выявлены определенные различия, по некоторым – на уровне статистической значимости¹.

В обеих выборках, согласно описательным статистикам, по всем изучаемым параметрам имела место выраженная межиндивидуальная вариативность:

а) в выборке *менеджеров*: по возрасту (20–56 лет; $M^2 = 30,1$, $SD^3 = 5,9$); стажу работы (1–32 года; $M = 10,2$, $SD = 5,9$); стажу работы в компании (1–14 лет; $M = 3,0$, $SD = 2,9$); стажу в должности (1–11 лет; $M = 2,8$, $SD = 2,7$); стажу управленческой деятельности (1–11 лет; $M = 2,3$, $SD = 3,0$); семейному стажу (0–33 года; $M = 3,6$, $SD = 5,7$); числу детей в семье (0–3 ребенка; $M = 0,4$, $SD = 0,7$) – женщины составляли 66 %, в браке состояли 45 % сотрудников;

б) в выборке *медицинских сестер*: по возрасту (21–63 года; $M = 38,1$, $SD = 9,0$); стажу работы (1–42 года; $M = 17,0$, $SD = 9,3$); стажу работы в компании (1–29 лет; $M = 11,4$, $SD = 8,8$); стажу в должности (1–26 лет; $M = 11,9$, $SD = 8,6$); стажу управленческой деятельности (1–24 года; $M = 2,2$, $SD = 5,5$); семейному стажу (0–45 лет; $M = 9,5$, $SD = 9,6$); числу детей в семье (0–3 ребенка; $M = 1,0$, $SD = 0,9$) – женщины составляли 100 %, в браке состояли 79 % сотрудников. За исключением параметров «стаж управленческой деятельности» и «состояние в браке»,

различия по всем анализируемым социально-демографическим и профессионально-должностным характеристикам были статистически значимыми. По ключевым характеристикам различия отмечались в пользу медицинских сестер: они работали более стабильно и в организации, и в должности, полнее были реализованы в семейной сфере.

Согласно суждениям 9 экспертов, 4 базовые характеристики организационной культуры коммерческой компании [32] находились в равновесии: вовлеченность составила 31,7 балла; согласованность – 31,4; адаптивность – 33,3; миссия – 32,8 балла. По оценкам 12 экспертов, организационная культура клинической больницы характеризовалась следующими доминантами: вовлеченностью – 42,3 балла; согласованностью – 46,7; адаптивностью – 29,1; миссией – 44,5 балла.

Выраженной вариативностью характеризовались и составляющие СДО в обеих выборках: средние чаще находились в диапазоне 2,00–3,00 (при пятибалльной шкале оценок), стандартные отклонения – 0,70–1,00; асимметрия и эксцесс были меньше 1,00, что, согласно требованиям к эмпирическим данным, позволяет использовать параметрические методы математической статистики как для выдвижения, так и для проверки гипотез [33]. Ввиду того что профессиональная деятельность обследуемых обеих групп предполагала активные коммуникации (с коллегами, руководителями, пациентами и др.), в их стилях ожидаемо преобладали такие компоненты, как ориентация на коммуникативные функции, информирование, эмоциональная поддержка (в табл. 1–3 они обозначены как Ф – коммуникативная функция); стратегии сотрудничества, компромисса, соперничества (С – стратегии поведения в сложной конфликтной ситуации); среди психологических действий (по Леонтьеву) преобладала аргументация, постановка конкретных целей и за-

¹В статье рассматриваются только результаты *t*-сравнения и факторного анализа составляющих СДО представителей двух выборок.

²Здесь и далее M – среднее значение.

³Здесь и далее SD – стандартные отклонения.

дач, выделение критериев деятельности, содействие (Д – действия общения); особенности субъективно удобных условий (У – субъективно удобные условия деятельности) проявились лишь в предпочтении высокой активности при взаимодействиях.

Согласно рабочим гипотезам и задачам исследования, сопоставлялись эмпирические данные обеих выборок, содержание деятельности специалистов и особенностей среды организаций. При *t*-сравнении выявлены некоторые различия: по 16 из 35 составляющих СДО (или 45 % от общего числа всех опрошенных) – на уровне статистической

значимости. Из общего числа значимых различий 11 составляющих стилей (31 %) были больше выражены у менеджеров (что было ожидаемо у профессиональных коммуникаторов), 5 (14 %) – у медицинских сестер (см. табл. 1). При исследовании стилей их содержание и структуры эксплицируют в большинстве случаев как выделенные факторы с соответствующими факторными нагрузками, объясняя стили через содержание данных факторов. В соответствии с установившейся традицией на следующем этапе исследования использовался факторный анализ.

Таблица 1

Сравнительный анализ (*t*-сравнение для независимых групп) компонентов СДО менеджеров и медицинских сестер (фрагмент)

Table 1

The comparative analysis of components of typical styles of business communication (*t*-comparison for independent groups) (fragment)

Компоненты СДО	Группы	<i>M</i>	<i>SD</i>	2-sign***
Ф – коммуникативная функция	1*	3,36	0,574	0,037
	2**	3,13	0,909	0,020
С – компромисс	1	2,73	0,762	0,000
	2	2,20	0,903	0,000
У – спокойное развитие	1	2,19	0,981	0,000
	2	2,85	0,952	0,000
Д – демонстрация силы	1	1,46	1,368	0,000
	2	0,87	1,071	0,001
Д – аргументация	1	3,19	0,957	0,068
	2	2,94	0,980	0,067
Д – невербальные действия	1	2,63	0,954	0,000
	2	1,95	1,169	0,000
Д – угрозы	1	2,19	0,906	0,001
	2	1,76	0,982	0,001
Д – психологическая дистанция	1	1,93	0,910	0,000
	2	2,46	1,102	0,000
Д – четкие критерии решения задачи	1	3,08	0,517	0,023
	2	2,87	0,742	0,013
Д – письменные источники информации	1	2,34	0,880	0,060
	2	2,57	0,886	0,060
Ф – эмоциональная поддержка (сопричастность)	1	2,20	0,814	0,000
	2	2,85	0,991	0,000
С – соперничество	1	3,25	0,722	0,083
	2	3,05	0,886	0,069
Д – твердость позиции	1	2,74	0,804	0,001
	2	2,27	1,148	0,000
Д – фиксация времени встречи	1	2,40	0,902	0,000
	2	1,75	1,106	0,000

Окончание табл. 1
Ending table 1

Компоненты СДО	Группы	M	SD	2-sign ^{***}
Д – содействие	1	3,05	0,722	0,083
	2	2,86	0,822	0,073
С – сотрудничество	1	2,87	0,737	0,283
	2	2,99	0,879	0,262
Д – просьба	1	2,00	1,123	0,001
	2	2,49	0,995	0,001
Д – поощрение	1	2,66	0,780	0,008
	2	2,32	1,020	0,005
Ф – саморазвитие и развитие других	1	2,56	0,919	0,001
	2	2,98	0,863	0,001
С – приспособление	1	2,92	0,834	0,214
	2	2,77	0,904	0,205
У – высокая активность	1	2,96	0,698	0,019
	2	2,68	0,986	0,011
Д – привлечение других	1	1,34	1,268	0,001
	2	0,82	0,991	0,002
Д – переговоры по телефону	1	2,78	0,807	0,000
	2	2,04	0,963	0,000

Примечание. * – менеджеры; ** – медицинские сестры; *** – уровень значимости различий.

В выборке менеджеров первый фактор, согласно его образующим переменным, был назван *формализация взаимодействий, минимизация сотрудничества, поощрение активности партнера* (20,4 % объясняемой дисперсии); второй – *мягкость и уклончивость, дистанцирование от партнера* (11,8 %); третий – *твердость и дистанцирование, упорство, силовое противостояние* (7,7 %); четвертый – *высокая активность и непоследовательность, негибкость, невидение перспективы взаимодействий* (6,9 %); пятый – *либе-*

ральный стиль (5,8 %); шестой – *жесткость, дистанцирование, ориентация на компромиссные решения* (5,5 %). С учетом требований к деятельности менеджеров рекламной и консалтинговой компании все шесть выделенных СДО (см. табл. 2) следует признать неэффективными. Важные характеристики СДО заключаются в том, что в течение первого года после проведенного обследования из компании уволились 39 сотрудников из 85 (46 %), а через три года компания прекратила свое существование.

Таблица 2

Факторы, факторные нагрузки и объясняемая дисперсия, раскрывающие содержание типовых СДО менеджеров

Table 2

Factors, factor loadings and explained variance, revealing the content of typical styles of business communication of managers

Компоненты СДО	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Ф – коммуникативная функция	-0,209	-	0,225	0,584	-	-
С – компромисс	-	-	-	-	-	0,696
У – спокойное развитие	-	0,620	-	-0,262	-	0,439
Д – демонстрация силы	-	-0,746	0,236	-0,244	-0,237	-
Д – аргументация	0,737	-	-	-	-	-
Д – невербальные действия	0,574	-	-	-	-	0,369

Компоненты СДО	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Д – угрозы	-0,394	–	–	–	–	0,668
Ф – информационная функция	0,459	0,507	–	0,205	–	–
С – уклонение	-0,350	–	–	-0,639	-0,278	–
Д – психологическая дистанция	–	-0,672	–	–	–	0,378
Д – организация времени для встречи	0,234	–	–	0,211	0,644	–
Д – четкие критерии решения задачи	–	0,454	–	0,428	0,273	–
Д – постановка проблемы	–	–	0,313	-0,436	–	–
Д – письменные источники информации	–	0,764	–	–	–	–
Ф – эмоциональная поддержка (сопричастность)	–	–	–	–	–	0,488
С – соперничество	0,269	0,247	0,378	0,402	-0,389	0,265
У – максимально возможное время	0,266	–	0,736	-0,243	–	–
Д – использование документов	–	0,289	0,338	–	0,724	–
Д – твердость позиции	–	–	0,551	0,386	0,372	–
Д – фиксация времени встречи	–	–	–	–	–	0,417
Д – содействие	0,354	–	0,329	–	–	–
Ф – управление взаимодействиями	0,228	-0,303	–	–	0,325	0,539
С – сотрудничество	0,290	–	–	0,448	–	0,239
У – высокий темп общения	0,445	-0,253	–	0,425	-0,452	–
Д – просьба	0,426	0,473	-0,344	–	–	0,267
Д – поощрение	0,734	–	0,233	–	–	–
Д – предоставление времени партнеру	0,726	0,221	–	–	–	–
Д – выделение цели и критериев решения задачи	0,760	–	–	–	0,343	–
Ф – саморазвитие и развитие других	0,606	–	–	0,337	0,393	–
С – приспособление	0,213	–	0,681	–	–	–
У – высокая активность	0,376	–	0,202	0,534	–	-0,249
Д – привлечение других	–	-0,801	0,361	–	–	–
Д – беседа	0,674	0,260	0,239	–	–	–
Д – переговоры по телефону	–	-0,210	0,816	0,227	–	–
Д – постановка четких задач	0,539	–	–	–	0,575	–
Объясняемая дисперсия, %	20,4	11,8	7,7	6,9	5,8	5,5

В выборке *медицинских сестер* (142 человека) первый фактор, согласно составу и весу образующих его переменных, был назван *рациональность, конструктивность, твердость, соблюдение регламентов, поддержка партнера* (20,7 % объясняемой дисперсии); второй – *демократичность, гибкость, эмоциональность, близкая психологическая дистанция* (10,8 %); третий – *авторитарность, жесткость, твердость, краткость распоряжений и взаимодействий* (6,8 %);

четвертый – *конфликтность, непоследовательность поведения* (5,4 %); пятый – *дистанцирование, склонность к формализации коммуникаций* (4,5 %); шестой – *стратегия компромисса* (4,3 %). С учетом требований к деятельности *медицинских сестер* три СДО (первый, второй и третий) можно считать эффективными, один (шестой) – условно эффективной, два СДО (четвертый и пятый) – малоэффективными психологическими системами (см. табл. 3).

Таблица 3

**Факторы, факторные нагрузки и объясняемая дисперсия,
раскрывающие содержание типовых стилей делового общения медицинских сестер**

Table 3

**Factors, factor loadings, and explained variance,
revealing the content of typical styles of business communication of nurses**

Компоненты СДО	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
Ф – коммуникативная функция	0,399	0,493	–	–	–	–
С – компромисс	–	0,342	–	–	–	0,450
У – спокойное развитие	–	0,495	–	–	–	0,309
Д – демонстрация силы	–	–0,236	–	0,582	–	–
Д – аргументация	0,698	–	–	–	–	–
Д – невербальные действия	–	–	–	0,637	–	–
Д – угрозы	–0,268	–	0,327	0,292	–	–
Ф – информационная функция	0,364	–	0,305	–	–	0,249
С – уклонение	–0,433	–	–	0,351	0,329	–
Д – психологическая дистанция	–	–	–	–	0,656	0,226
Д – организация времени для встречи	–	–	–	–	0,682	0,222
Д – четкие критерии решения задачи	0,250	–	0,204	–	0,599	–
Д – постановка проблемы	–	–	–	–	–	0,762
Д – письменные источники информации	–	–	–	–	0,203	0,742
Ф – эмоциональная поддержка (сопричастность)	0,372	0,528	–	–	0,201	–
С – соперничество	0,630	–	–	0,342	–	–
У – максимально возможное время	0,669	–	–	–	–	–
Д – использование документов	–	–	0,828	–	–	–
Д – твердость позиции	–	–	0,840	–	–	–
Д – фиксация времени встречи	0,205	–	0,276	0,442	–	–
Д – содействие	0,395	0,447	0,207	–	–	–
Ф – управление взаимодействиями	0,222	–	0,327	–	0,432	–
С – сотрудничество	–	0,466	0,201	–0,298	–	0,379
У – высокий темп общения	0,371	0,312	0,574	–	–	–
Д – просьба	–	0,498	0,245	–	0,246	0,205
Д – поощрение	0,335	–	0,227	0,410	–	–0,400
Д – предоставление времени партнеру	–	0,646	0,308	–	–	–
Д – выделение цели и критериев решения задачи	0,434	0,364	0,224	–	0,393	–0,230
Ф – саморазвитие и развитие других	0,426	0,328	–	–	–	–
С – приспособление	–	0,285	–	–	0,634	–
У – высокая активность	0,574	–	–	–	–	–
Д – привлечение других	–	–0,385	–	0,573	–	–
Д – беседа	–	0,719	–	–	–	–
Д – переговоры по телефону	–	0,237	–	0,659	–	–
Д – постановка четких задач	0,231	0,288	0,349	0,256	–	–0,281
Объясняемая дисперсия, %	20,7	10,8	6,8	5,4	4,5	4,3

В ключевые рабочие функции медицинских сестер не входит поиск клиентов, установление контакта, заключение контракта и т. п., напротив, реальные условия их работы предполагают даже некоторое дистанцирование, например, от больных: т. е. роль их *стиля делового общения* умеренно значима для успешности их деятельности в целом. Это говорит и о проявлении настойчивости, требовательности в ходе выполнения должных процедур лечения, часто физически болезненных и эмоционально неприятных. Важно и то, что деятельность медицинских сестер является не индивидуальной, а совместной, реализуемой в тесной согласованности с врачами при руководящей роли последних. В структуре подобной деятельности всегда имеются эффекты перераспределения трудовых функций, социальных

ролей, что значительно расширяет возможность субъектов, допустимые диапазоны их индивидуального поведения, способствует эффективности деятельности в целом [19; 20]. Существенно и то, что основные функции медсестер узкоспециализированы, строго регламентированы и заключаются в сопровождении процесса лечения пациентов клиники. В течение трех лет после начала обследования уволились 8 медицинских сестер из 142 (т. е. 7 %, что находится в границах социологической нормы текучести персонала). Клиническая больница, на базе которой проводилось исследование, остается ведущим медицинским учреждением в регионе и стране; при периодических аттестациях персонал данного учреждения признается квалифицированным и профессионально состоятельным.

Обсуждение результатов

Выделенные шесть факторов объясняют сравнительно небольшую часть дисперсии. В цикле нескольких независимых научно-исследовательских работ при факторизации данных первые шесть факторов, как правило, объясняют от 50 до 78 %, что связано как с социально-психологической компетентностью респондентов, их социальным опытом, так и условиями проведения диагностики [21]. Таким образом, результаты нашего исследования вполне согласуются с аналогичными.

Показательно, что количественные характеристики СДО были более выражены у менеджеров, субъектов, у которых коммуникация как профессиональная функция занимает больший объем, что подтверждает содержательную и конструктивную валидность методики. Но структурно шесть выделенных СДО лучше представлены в выборке медицинских сестер (напомним, что, согласно устоявшейся в психологии традиции, выделяемые факторы интерпретируются как структуры стилей) [19; 20]. Здесь нет противоречий: 1) если СДО формируются спонтанно, в том числе под влиянием требований деятельности, то ожидаемо, что экстенсивные характеристики будут в большей степени представлены у тех субъектов, которые в процессе выполнения трудовых функций больше общаются с разными категориями партнеров; 2) если СДО формируются спонтанно, в том числе под влиянием организационной культуры, то структурные характеристики должны отражать ее особенности; 3) если формирование СДО сопряжено с индивидуальными особенностями субъектов, это проявится в особенностях межиндивидуальной вариации разных составляющих стилей. Малоосновательно, что спонтанно формируемые стили в своем большинстве будут непременно конструктивными и безупречными.

В целом результаты проведенного исследования соответствуют ожиданиям. Как уже упоминалось, количественные характеристики СДО были более

выражены у менеджеров, качественные (представленные структурами стилей) – у медицинских сестер, работающих в организации с более здоровым психологическим климатом, наиболее выраженными стабильностью деятельности, гарантией занятости, ролью профессиональных традиций и пр. Межиндивидуальные вариации составляющих СДО, отраженные в величинах стандартных отклонений, заметно меньше именно у медицинских сестер. Объясняется этот факт тем, что в стабильных организациях сотрудники всех социальных групп по преимуществу следуют устоявшимся правилам, их отношения более подчинены требованиям, правилам деятельности, диктуемым организационной культурой, и менее – произволу и капризам как вышестоящих руководителей, так и самих носителей стиля. Там, где люди работают вместе многие годы и дорожат межличностными отношениями, своей репутацией, проявления личности и субъектности проще достигаются и поддерживаются именно принятыми в организации нормами делового общения.

Меньшая вариативность составляющих СДО во второй выборке может также объясняться и эффектом центральной тенденции. В формальном плане величины стандартных отклонений снижаются по мере возрастания выборки. Выборка медсестер больше, чем выборка менеджеров. Но в выборке медсестер представлена большая доля старших медицинских сестер – руководителей низового звена (30 человек, или 21 % от общего числа), в выборке менеджеров доля руководителей низового звена несколько меньше (9 человек, или 11 %). Стили исполнителей и стили руководителей обычно заметно различаются. Гетерогенность выборки могла вносить большую дисперсию, чем ее понижение вследствие центральной тенденции. Считаем, что этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

К важным эмпирическим фактам отнесем и вероятные связи СДО с социально-демографи-

ческими и профессионально-должностными особенностями субъектов. У медицинских сестер эти характеристики отражают их большую социальную (в том числе трудовую) стабильность и реализованность в сфере труда и семьи, чем у *менеджеров*. Примечательно, что экстенсивный социальный опыт (семейной жизни, работы в организации) не отражается на экстенсивных характеристиках СДО, но, видимо, позитивно проявляется в оптимальности структур стилей (структуры стилей у медицинских сестер были более конструктивны, чем у менеджеров).

Если внимание ученых чаще сосредоточивается на связях стилей и успешности деятельности (когнитивной, профессиональной), то ключевая тема нашего исследования – социальная успешность человека. Она предполагает не только его состояние как работающего, не только его сравнительно продолжительную работу в организации (выше среднестатистической), не только сравнительно успешную карьеру, но и успешную самореализацию в разных сферах жизнедеятельности (семейной прежде всего). При сопоставлении представителей двух выборок очевидно, что социальная успешность более выражена у медицинских сестер.

Обобщая, можно констатировать: из результатов описательной статистики и факторного анализа следует, что отдельные составляющие стилей субъектов слабо связаны с их должностными и социально-демографическими особенностями, а также с параметрами их организационного поведения. Но множество частных отдельных связей все же проявляется в качестве целого – в большей или меньшей конструктивности структур их СДО⁴.

Сделаем еще несколько пояснений. В анализе результатов первой части исследования, проводимого в 2017 г., использовалась первая версия опросника СДО, включающая 72 пункта. В процедурах ФА использовалось большее число переменных: экспертные оценки организационного поведения менеджеров, их оценки характеристик корпоративной культуры, социально-демографические и служебно-должностные характеристики 41 менеджера компании [28]. В результате ФА также было выделено шесть факторов: первый из них отражал верные (правильные) представления сотрудников об идеальном (конструктивном, желательном) стиле делового общения (однако никак не связанного с индивидуальными особенностями самих обследуемых); пять других – действительно присущие менеджерам стили в соответствии с составом и весом образующих переменных, названные *избегание деловых взаимодействий*, *дистантность*, *авторитарность*, *агрессивность*, *требовательность*, *спонтанное, эмоционально неконтролируемое общение* (или *поверхностный, формаль-*

ный, эмоционально окрашенный стиль общения), *формальное, дистантное общение и эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий*. Все пять присущих менеджерам СДО были признаны неконструктивными, неэффективными психологическими системами. Особенности СДО, выделенные на обоих этапах исследования, в целом содержательно соотносимы. Другими словами, есть основания говорить именно о феномене стиля, а не тех или иных статистических эффектах.

Обратим внимание на высокую текучесть персонала компании, предположительно связанную и с типовыми стилями менеджеров, особенностями оргкультуры (стилями высших руководителей, взаимоотношений между ветеранами и новичками, темпоральными характеристиками карьеры работников всех категорий и др.). Для проверки рабочих гипотез были проведены еще два повторных обследования (охвативших 85 человек) с использованием нового варианта исследовательской методики СДО, включающей 35 пунктов. В процедуры ФА входили лишь 35 составляющих стилей, что отвечало более строгим формальным требованиям (соотношению $N : n$, где N – число обследуемых, n – число переменных) и позволяло соотносить данные, получаемые в разных профессиональных группах.

Отметим, что результаты анализа СДО менеджеров, полученные на первом этапе исследования ($n = 41$), и результаты второго этапа исследования ($n = 85$) оказались содержательно сходными. Эмпирические данные, полученные по второй оптимизированной версии методики, анализировались при более строгих формальных требованиях. Результаты двух вариантов ФА были сопоставимы. Это дает основания, оставив в стороне обсуждение формальных аспектов психодиагностики, перейти к анализу содержания *феномена стиля* (на примере стилей делового общения), т. е. к анализу параметров состава и структур стилей, их связи с условиями деятельности, социального окружения и пр.

Если базовые характеристики организационной культуры коммерческой компании, согласно оценкам экспертов, были невыраженными (или находились в равновесии, или просто не акцентировались, не проявлялись в их высокой выраженности в восприятии специалистов), то среди тех же оцениваемых признаков *организационной культуры клинической больницы (лечебного учреждения)* три были заметно выше, а два из них (согласованность и миссия) выступали доминантами. Более конструктивные СДО медицинских сестер сочетаются с такими ЖЦО, как зрелость (стабильность), а менее конструктивные стили менеджеров – со стадиями «упадок» и «смерть» компании.

⁴В данной статье не обсуждаются связи составляющих СДО с индивидуально-психологическими особенностями людей – эта тема традиционно представлена в научной литературе. Новые констатации не несут заметной научной новизны.

Обобщая все полученные факты, можно предположить наличие следующих цепочек причинно-следственных отношений: организационная культура компании поддерживает те или иные типовые СДО сотрудников; представители тех или иных типовых стилей быстрее продвигаются по должностным позициям, дольше работают в организации; ветераны компании, имея значительное влияние, поддерживают те или иные типичные СДО новых работников; формируемая критическая масса носителей тех или иных типовых стилей, в свою очередь, влияет на организационную культуру компании, смещая ее в желательных аспектах для доминирующего большинства сотрудников; динамика организационной культуры компании ускоряет или замедляет смену фаз эволюции – жизненных циклов организации; смена ЖЦО решающим образом определяет карьеру сотрудников компании и полноту их самореализации в разных сферах жизнедеятельности.

В соответствии с рабочими гипотезами и задачами исследования сопоставлялись эмпирические данные двух выборок специалистов, у которых разнятся содержание деятельности, организация труда и особенности корпоративной культуры. Если условия деятельности менеджеров коммерческой компании характеризуются очень короткими временными циклами (частыми сменами работы, ко-

ротким стажем работы в организации и в должности и др.), сдельной оплатой труда, нестабильной занятостью (соответственно, наличием не самых лучших условий для самореализации в семье, т. е. сравнительно поздним вступлением в брак, небольшим стажем семейной жизни, рождением чаще всего одного ребенка), то условия деятельности сотрудников медицинского учреждения были почти противоположными: люди долго работали в организации и в должности; лиц предпенсионного и пенсионного возраста из клиники не выдвигали; все получали достойную заработную плату и другие виды вознаграждения за труд.

К важным эмпирическим фактам отнесем и слабые связи СДО с социально-демографическими и профессионально-должностными особенностями субъектов. У медицинских сестер эти характеристики отражают их большую социальную, в том числе трудовую, стабильность и реализованность в сфере труда и семьи, чем у менеджеров. Если отдельные составляющие стилей субъектов слабо связаны с их должностными и социально-демографическими особенностями, параметрами их организационного поведения, то множество частных отдельных связей все же проявляются в качестве целого – в большей или меньшей конструктивности структур СДО субъектов.

Заключение

Становление и закрепление типовых стилей делового общения сотрудников современных организаций связаны с условиями их труда (должностными обязанностями, отношениями в рабочих группах, руководством подразделений, декларируемыми и латентными особенностями и традициями корпоративной культуры организации и др.).

Стили делового общения субъектов сопряжены со стадиями эволюции организации. Условия социальной среды (микро- и мезосреды организации) влияют на становление и закрепление отдельных СДО у отдельных субъектов, совокупность стилей делового общения сотрудников влияет на динамику эволюции организации. Более конструктивные СДО медицинских сестер сочетаются с такими жизненными циклами организации, как зрелость (стабильность), менее конструктивные стили менеджеров – со стадиями «упадок» и «смерть» организации.

СДО представителей первой из рассматриваемых социномических профессий (менеджеров и руководителей подразделений крупной коммерческой компании) характеризуются высокой и умеренной выраженностью компонентов стиля, отражающих особенности коммуникаций субъектов и поддерживающих успешность деятельности. При факторном анализе выделяются шесть хорошо интерпретируемых факторов, характеризующих соответствующие стили делового общения сотруд-

ников. Согласно составу переменных и их факторным весам, выделенные шесть факторов как стили получили название: *формализация взаимодействий, минимизация сотрудничества, поощрение активности партнера* (20,4 % объясняемой дисперсии); *мягкость и уклончивость, дистанцирование от партнера* (11,8 %); *твердость и дистанцирование, упорство, силовое противостояние* (7,7 %); *высокая активность и непоследовательность, негибкость, невидение перспективы взаимодействий* (6,9 %); *либеральный стиль* (5,8 %); *жесткость, дистанцирование, ориентация на компромиссные решения* (5,5 %). С учетом требований к деятельности менеджеров рекламной и консалтинговой компании все шесть выделенных стилей следует признать неэффективными. Важными характеристиками СДО можно признать и то, что в течение первого года после нашего исследования из компании уволились 39 человек из 85 (46 %), а через три года компания прекратила свое существование.

СДО представителей второй социномической профессии (медицинских сестер и старших медицинских сестер) характеризуются высокой и умеренной выраженностью компонентов стиля, отражающих особенности коммуникаций и поддерживающих ее успешность деятельности. При факторном анализе было выделено шесть четко интерпретируемых факторов: первый фактор, согласно соста-

ву и весу образующих его переменных, был назван рациональность, конструктивность, твердость, соблюдение регламентов, поддержка партнера (20,7 % объясняемой дисперсии); второй – демократичность, гибкость, эмоциональность, близкая психологическая дистанция (10,8 %); третий – авторитарность, жесткость, твердость, краткость распоряжений и взаимодействий (6,8 %); четвертый – конфликтность, непоследовательность поведения (5,4 %); пятый – дистанцирование, склонность к формализации коммуникаций (4,5 %); шестой – стратегия компро-

мисса (4,3 %). С учетом требований к деятельности медицинских сестер три СДО (первый, второй и третий) можно считать эффективными, один (шестой) – условно эффективным, два СДО (четвертый и пятый) – малоэффективными психологическими системами. В продолжение первых четырех лет после нашего исследования уволились 8 медицинских сестер из 142 (7 %). Клиническая больница, на базе которой проводилось исследование, продолжает оставаться ведущим медицинским учреждением в регионе и стране.

Библиографические ссылки

1. Вяткин БА. Роль темперамента в спортивной деятельности. Москва: Физкультура и спорт; 1978. 134 с.
2. Ильин ЕП. Дифференциальная психофизиология физического воспитания и спорта. Ленинград: ЛГПИ имени А. И. Герцена; 1979. 83 с.
3. Климов ЕА. Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов. *Вопросы психологии*. 1959;2:66–76.
4. Климов ЕА. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психологическим основам научной организации труда, учения, спорта. Казань: Издательство Казанского университета; 1969. 280 с.
5. Мерлин ВС. Очерки интегрального исследования индивидуальности. Москва: Педагогика; 1986. 256 с.
6. Gardner RW, Holzman PS, Klein GS, Linton HB, Spence DP. *Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior*. Madison: International Universities Press; 1959. 186 p. (Psychological issues; vol. 1, monograph 4). DOI: 10.1037/11216-000.
7. Kagan J, Moss HA, Sigel IE. Psychological significance of styles of conceptualization. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1963;28(2):73–112. DOI: 10.2307/1165673.
8. Klein GS, Gardner RW, Schlesinger HJ. Tolerance for unrealistic experience: a study of the generality of a cognitive control. *British Journal of Psychology*. 1962;53(1):41–55. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1962.tb00813.x.
9. Levin C, Lippitt R, White RK. Patterns of aggressive behavior in experimentally created «social climates». *Journal of Social Psychology*. 1939;10:269–299. DOI: 10.1080/00224545.1939.9713366.
10. Mayer JD, Caruso DR, Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence. *Intelligence*. 1999;27(4):267–298. DOI: 10.1016/s0160-2896(99)00016-1.
11. Stagner R. *Individual Style*. New York: McGraw-Hill; 1962. 342 p.
12. Stogdill RM. Personal factors associated with leadership: a survey of literature. *Journal of Psychology*. 1948;25(1):35–71. DOI: 10.1080/00223980.1948.9917362.
13. Vroom V, Yetton P. *Leadership and decision-making*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1973. 248 p. DOI: 10.2307/j.ctt6wrc8r.
14. Wardell DM, Royce JR. Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect. *Journal of Personality*. 1978;46(3):474–505. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1978.tb.01.013x.
15. Witkin HA, Godenough DR. Field dependence and interpersonal behavior. *Psychological Bulletin*. 1977;84(4):661–689. DOI: 10.1037/0033-2909.84.4.661.
16. Занковский АН. Психология организационного лидерства: в поисках корпоративной синергии. Москва: Литера; 2015. 360 с.
17. Ильин ЕП. Психология делового общения. Санкт-Петербург: Питер; 2017. 240 с.
18. Карпов АВ, Маркова ЕВ. Стилевые особенности процесса принятия управленческих решений. *Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2016;3:80–86.
19. Толочек ВА. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. Москва: Институт психологии РАН; 2013. 320 с.
20. Толочек ВА. *Стили деятельности: ресурсный подход*. Москва: Институт психологии РАН; 2015. 366 с.
21. Толочек ВА. *Профессиональная карьера как социально-психологический феномен*. Москва: Институт психологии РАН; 2017. 262 с.
22. Белик ВВ. Стили делового общения как индикатор корпоративной культуры компании. *Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2016;2:136–138.
23. Леонтьев ДА. Совместная деятельность, общение, взаимодействие. *Вестник высшей школы*. 1989;11:39–45.
24. Ломов БФ. *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука; 1984. 444 с.
25. Панферов ВН. Классификация функций человека как субъекта общения. *Психологический журнал*. 1987;8(4):51–60.
26. Парыгин БД. *Основы социально-психологической теории*. Москва: Мысль; 1971. 351 с.
27. Сизова ЛА. *Психологические детерминанты профессионально-личностной самореализации медицинской сестры многопрофильного лечебного учреждения* [автореферат диссертации]. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2015. 24 с.
28. Толочек ВА, Белик ВВ, Панов АЮ. Стили делового общения в контексте социальной микро- и мезосреды. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;1:74–83.

29. Johnson B, Eagly AH. Involvement and persuasion: types, traditions and the evidence. *Psychological Bulletin*. 1990; 107(3):375–384. DOI: 10.1037/0033-2909.107.3.375.
30. Hall ET. *The hidden dimension*. New York: Doubleday and Company, Inc.; 1966. 217 p.
31. Royce JR, Powell A. *Theory of personality and individual differences: factors, systems, and processes*. New York: Prentice-Hall; 1983. 290 p.
32. Denison DR, Mishra AK. Toward a theory of organizational culture and effectiveness. *Organization Science*. 1995;6(2):204–223. DOI: 10.1287/orsc.6.2.204.
33. Наследов АД. *SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках*. Санкт-Петербург: Питер; 2007. 416 с.

References

1. Vyatkin BA. *Rol' temperamenta v sportivnoi deyatel'nosti* [The role of temperament in sports activities]. Moscow: Fizkul'tura i sport; 1978. 134 p. Russian.
2. Ilyin EP. *Differentsial'naya psikhofiziologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Differential psychophysiology of physical education and sport]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University named after A. I. Gerzen; 1979. 83 p. Russian.
3. Klimov EA. [Individual features of labor activity of weavers-mnogostanochmits in connection with the mobility of nervous processes]. *Voprosy psikhologii*. 1959;2:66–76. Russian.
4. Klimov EA. *Individual'nyi stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoi sistemy: k psikhologicheskim osnovam nauchnoi organizatsii truda, ucheniya, sporta* [Individual style of activity depending on the typological properties of the nervous system: to the psychological foundations of the scientific organization of labor, teaching sports]. Kazan: Publishing House of the Kazan University; 1969. 280 p. Russian.
5. Merlin VS. *Ocherki integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essays of the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogica; 1986. 256 p. Russian.
6. Gardner RW, Holzman PS, Klein GS, Linton HB, Spence DP. *Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior*. Madison: International Universities Press; 1959. 186 p. (Psychological issues; vol. 1, monograph 4). DOI: 10.1037/11216-000.
7. Kagan J, Moss HA, Sigel IE. Psychological significance of styles of conceptualization. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1963;28(2):73–112. DOI: 10.2307/1165673.
8. Klein GS, Gardner RW, Schlesinger HJ. Tolerance for unrealistic experience: a study of the generality of a cognitive control. *British Journal of Psychology*. 1962;53(1):41–55. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1962.tb00813.x.
9. Levin C, Lippitt R, White RK. Patterns of aggressive behavior in experimentally created «social climates». *Journal of Social Psychology*. 1939;10:269–299. DOI: 10.1080/00224545.1939.9713366.
10. Mayer JD, Caruso DR, Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence. *Intelligence*. 1999;27(4):267–298. DOI: 10.1016/S0160-2896(99)00016-1.
11. Stagner R. *Individual Style*. New York: McGraw-Hill; 1962. 342 p.
12. Stogdill RM. Personal factors associated with leadership: a survey of literature. *Journal of Psychology*. 1948;25(1):35–71. DOI: 10.1080/00223980.1948.9917362.
13. Vroom V, Yetton P. *Leadership and decision-making*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1973. 248 p. DOI: 10.2307/j.ctt6wrc8r.
14. Wardell DM, Royce JR. Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect. *Journal of Personality*. 1978;46(3):474–505. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1978.tb.01.013x.
15. Witkin HA, Godenough DR. Field dependence and interpersonal behavior. *Psychological Bulletin*. 1977;84(4):661–689. DOI: 10.1037/0033-2909.84.4.661.
16. Zankovsky AN. *Psikhologiya organizatsionnogo liderstva: v poiskakh korporativnoi sinergii* [Psychology of organizational leadership: in search of corporate synergy]. Moscow: Litera; 2015. 360 p. Russian.
17. Ilyin EP. *Psikhologiya delovogo obshcheniya* [Psychology of business communication]. Saint Petersburg: Peter; 2017. 240 p. Russian.
18. Karpov AV, Markova EV. Stylistic characteristics of the decision-making process. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2016;3:80–86. Russian.
19. Tolochev VA. *Problema stilei v psikhologii: istoriko-teoreticheskii analiz* [The problem of styles in psychology: historical and theoretical analysis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2013. 320 p. Russian.
20. Tolochev VA. *Stili deyatel'nosti: resursnyi podkhod* [Activity styles: resource approach]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2015. 366 p. Russian.
21. Tolochev VA. *Professional'naya kar'era kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Professional career as a socio-psychological phenomenon]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2017. 262 p. Russian.
22. Belik VV. Style of business communication as an indicator of corporate culture. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2016;2:136–138. Russian.
23. Leontiev DA. [Joint activities, communication, interaction]. *Vestnik vysshei shkoly*. 1989;11:39–45. Russian.
24. Lomov BF. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka; 1984. 444 p. Russian.
25. Panferov VN. [Classification of human functions as a subject of communication]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1987;8(4): 51–60. Russian.
26. Parygin BD. *Osnovy sotsial'no-psikhologicheskoi teorii* [Fundamentals of socio-psychological theory]. Moscow: Mysl'; 1971. 351 p. Russian.
27. Sizova LA. *Psikhologicheskie determinanty professional'no-lichnostnoi samorealizatsii meditsinskoj sestry mnogoprofil'no-go lechnogo uchrezhdeniya* [Psychological determinants of professional and personal self-realization of a nurse of a multi-disciplinary medical institution] [dissertation abstract]. Krasnodar: Kuban State University; 2015. 24 p. Russian.

28. Tolochek VA, Belik VV, Panov AYu. Styles of business communication in the context of micro and macro social environment. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2017;1:74–83. Russian.
29. Johnson B, Eagly AH. Involvement and persuasion: types, traditions and the evidence. *Psychological Bulletin*. 1990; 107(3):375–384. DOI: 10.1037/0033-2909.107.3.375.
30. Hall ET. *The hidden dimension*. New York: Doubleday and Company, Inc.; 1966. 217 p.
31. Royce JR, Powell A. *Theory of personality and individual differences: factors, systems, and processes*. New York: Prentice-Hall; 1983. 290 p.
32. Denison DR, Mishra AK. Toward a theory of organizational culture and effectiveness. *Organization Science*. 1995;6(2):204–223. DOI: 10.1287/orsc.6.2.204.
33. Nasledov AD. *SPSS: Komp'yuternyi analiz dannykh v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [SPSS: computer analysis of data in the psychology and social sciences]. Saint Petersburg: Piter; 2007. 416 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.05.2019.
Received by editorial board 06.05.2019.

УДК 331.101.3

РАБОЧАЯ МОТИВАЦИЯ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, К. С. ХИХИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Мотивация персонала является одной из ведущих управленческих функций в организации вместе с планированием, контролем и координацией. Грамотное осуществление данной функции напрямую связано с показателями эффективности компании в целом. В связи с этим тема мотивации персонала на протяжении последних десятилетий продолжает оставаться одной из наиболее разрабатываемых в рамках организационной психологии и психологии управления. Рабочая мотивация тяжело поддается экспресс-диагностике, а самопрезентация, наоборот, наблюдаемый феномен, поэтому несколько менее контролируемой составляющей поведения являются используемые персоналом стратегии самопрезентации. Изучение того, какова специфика рабочей мотивации сотрудников с различными доминирующими стратегиями самопрезентации, позволит разработать рекомендации по выявлению особенностей рабочей мотивации как более скрытой по наблюдаемым параметрам.

Ключевые слова: рабочая мотивация; рабочие мотивы; самопрезентация; стратегии самопрезентации.

WORK MOTIVATION OF EMPLOYEES WITH DIFFERENT SELF-PRESENTATION STRATEGIES

G. A. FOFANOVA^a, K. S. KHIKHICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus
Corresponding author G. A. Fofanova (gfofanova@gmail.com)

Personnel motivation is one of the leading managerial functions in an organization, along with planning, control and coordination. Proper implementation of this function is directly related to the performance indicators of the company as a whole. In this regard, the topic of staff motivation over the past decades continues to be one of the most developed in the framework of organizational psychology and psychology of management. Since working motivation is difficult to express diagnostics, and self-presentation, on the contrary, is an observable phenomenon. Accordingly, a somewhat less controllable component of behavior is the self-presentation strategies used by personnel. A study of how different working motivation of employees with different dominant self-presentation strategies differs will make it possible to develop recommendations for identifying features of work motivation as being more hidden by the observed parameters.

Keywords: work motivation; labor motives; self-presentation; strategies of self-presentation.

В области управления персоналом формирование и поддержание рабочей мотивации – одна из важнейших задач. Рабочая мотивация являлась

и продолжает быть предметом большого числа теоретических и эмпирических исследований в зарубежной организационной психологии, психологии

Образец цитирования:

Фофанова ГА, Хихич КС. Рабочая мотивация сотрудников с различными стратегиями самопрезентации. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;1:70–76.

For citation:

Fofanova GA, Khikhich KS. Work motivation of employees with different self-presentation strategies. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 1:70–76. Russian.

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Кристина Сергеевна Хихич – магистрант кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.

Authors:

Galina A. Fofanova, PhD (psychology); associate professor of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

gfofanova@gmail.com

Kristina S. Khikhich, master's degree student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences. *khikhich.kristina@mail.ru*

управления, социологии и менеджменте (С. Адамс, В. Врум, Ф. Герцберг, Э. Лок, Э. Лоулер, Д. Мак-Грегор, Г. Р. Олдхэм, Л. Портер, Дж. Р. Хэкман и др.). Результаты зарубежных исследований приводятся в многочисленных переводных и отечественных учебниках по психологии управления, организационной психологии, психологии труда и трудовой мотивации, менеджменту (Дж. Адаир, Д. Шульц, С. Шульц, А. Н. Занковский, Н. С. Пряжников, Б. Г. Ребзуев, С. Б. Каверин и т. д.). Однако конкретные эмпирические исследования рабочей мотивации в современных условиях на постсоветском пространстве представлены преимущественно не психологами, а социологами, экономистами и менеджерами (В. А. Ядов, В. П. Кокорев, В. И. Герчиков и др.).

Традиционный подход к рабочей мотивации основывается на убежденности в том, что сотрудники всего лишь ресурсы, активы, которые необходимо заставить эффективно работать [1]. Поэтому эффективность использования человеческих ресурсов в компании во многом зависит не только от профессиональных качеств персонала, но и от желания выполнять свои обязанности, что, в свою очередь, зависит от уровня рабочей мотивации. Упрощенная модель мотивации поведения через потребление предполагает следующую цепочку: потребности – побуждения (или мотивы) – поведение (действие) – результат удовлетворения потребностей (удовлетворение, частичное удовлетворение или отсутствие удовлетворения) [2].

Одним из наиболее эвристичных подходов к составлению рабочего мотивационного профиля является подход, предложенный Дж. Р. Хэкманом и Г. Р. Олдхэмом. Данная модель позволяет учитывать восприятие характеристик профессиональных заданий, интринсивную рабочую мотивацию, различные аспекты удовлетворенности трудовой деятельностью и потребность в профессиональном росте [3]. Рабочая мотивация определяется как совокупность основных рабочих мотивов (потребностей, ценностей, интересов) работника, придающих целенаправленный характер его деятельности по овладению профессией, а также как процесс побуждения себя и других людей к работе для достижения личных целей или целей организации. Под интринсивной рабочей мотивацией авторы подхода понимают мотивацию вовлеченности в работу прежде всего ради нее самой, поскольку она интересна, привлекательна и приносит удовлетворение [3].

Для специалистов по работе с персоналом и руководителей очень важно знать точное содержание и структуру потребностей и мотивов конкретных работников в целях эффективного осуществления функции управления. Большинство форм социального взаимодействия, в том числе реализуемого в контексте рабочей среды, может быть рассмотрено с точки зрения самопрезентации его субъектов. Оказываясь в ситуации межличностной интерак-

ции, человек становится субъектом самопрезентации независимо от степени осознанности своих поведенческих действий. Стремление к получению социального одобрения и достижению социального успеха – один из ведущих мотивов самопрезентации. При этом, как отмечают многие авторы, не все формы самопрезентационного поведения предназначены для предъявления социально одобряемой идентичности [4; 5]. Люди могут часто проявлять в общении слабость или агрессивность для достижения определенных целей и т. п. Таким образом, производимая специалистами оценка рабочей мотивации сталкивается с необходимостью учета специфики самопрезентационного поведения персонала.

Под самопрезентацией понимается в различной мере осознаваемый субъектом самопрезентации процесс предъявления *я*-информации, осуществляемый в социальной ситуации и выражающийся в вербальном и невербальном поведении [6]. При рассмотрении самопрезентации в профессиональной деятельности стоит особое внимание обратить на стратегии и тактики самопрезентации, так как от самопрезентационного поведения сотрудников зависит эффективность деятельности компании в целом. Тактика самопрезентации – это краткосрочный поведенческий акт, включающий в себя совокупность приемов вербального и невербального поведения, направленный на создание желаемого впечатления о субъекте самопрезентации, необходимого для определенных краткосрочных целей. Стратегия самопрезентации является в различной мере осознаваемым и планируемым поведением субъекта самопрезентации, направленным на создание желаемого впечатления с учетом долгосрочных идентичностей и использующим для своей реализации определенные тактики самопрезентации [6].

Наиболее подробной и позволяющей именовать все виды самопрезентационного поведения человека является классификация, разработанная южнокорейским исследователем Сук-Дже Ли и его американскими коллегами. Авторы выделяют двенадцать тактик самопрезентации. Семь из них относятся к ассертивному типу: желание понравиться, запугивание, просьба/мольба, приписывание достижений на свой счет, преувеличение собственных достижений, негативная оценка других, пример для подражания. Защитный тип самопрезентации включает в себя пять тактик: оправдание с отрицанием ответственности, оправдание с принятием ответственности, отречение, препятствование самому себе и извинение. На основании данных тактик выделяют следующие стратегии самопрезентации: уклонение, аттрактивное поведение, самовозвышение, самопринижение, силовое влияние [7].

1. Стратегия *уклонение* выделена по признаку «уход от ответственности и избегание решительных

действий». В нее входят следующие тактики: а) оправдание с отрицанием ответственности – вербальные заявления, отрицающие ответственность за негативные поступки или события; б) отречение – вербализация причин до возникновения неприятных ситуаций; в) препятствование самому себе – ссыла на внешние препятствия как причины неудач для предотвращения формирования негативного впечатления о субъекте у объекта самопрезентации.

2. Стратегия *аттрактивное поведение* выделена по признаку «поведение, вызывающее благоприятное впечатление о субъекте самопрезентации». В нее входят следующие тактики: а) желание понравиться – действия, направленные на получение симпатии от объекта самопрезентации (часто в целях получения определенной выгоды); б) извинение – признание ответственности за нанесенную обиду, вред, выражение раскаяния; в) пример для подражания – поведение, предъявляемое субъектом как морально ценное и имеющее привлекательность в целях получения от окружающих признания, восхищения.

3. Стратегия *самовозвышение* выделена по признаку «демонстрация высокой самооценки и доминирования». В нее входят следующие тактики: а) сообщение о своих достижениях – заявления субъекта о собственных достоинствах, успехах, прошлых достижениях; б) преувеличение своих достижений – убеждение субъектом самопрезентации других в том, что результаты его деятельности и поведения более позитивны, чем на самом деле; в) оправдание с принятием ответственности – приведение оправдывающих и одобряемых другими причин для объяснения своего негативного поведения и принятие ответственности за него.

4. Стратегия *самопринижение* – это демонстрация слабости. В нее входят тактики просьбы/мольбы, т. е. демонстрация субъектом собственной беспомощности, зависимости для получения помощи.

5. Стратегия *силовое влияние* выделена по признаку «демонстрация силы и статуса». В нее входят следующие тактики: а) запугивание – высказывание угроз в целях возбуждения страха у объекта самопрезентации; б) негативная оценка других – высказывание субъектом негативных оценок в адрес других людей [7].

О. А. Пикулёва адаптировала содержательные характеристики каждой из стратегий применительно к постсоветской культуре [6].

Таким образом, поскольку рабочая мотивация тяжело поддается экспресс-диагностике, а самопрезентация, наоборот, наблюдаемый феномен, то несколько менее контролируемой составляющей поведения являются используемые персоналом стратегии самопрезентации. Изучение специфики рабочей мотивации сотрудников с различными доминирующими стратегиями самопрезентации по-

зволит разработать рекомендации по выявлению особенностей рабочей мотивации как более скрытой по наблюдаемым параметрам.

Теоретико-методологическими основаниями эмпирического исследования являются: 1) модель рабочей мотивации, предложенная Дж. Р. Хэкмэном и Г. Р. Олдхэмом, в рамках которой данный феномен определяется как совокупность основных рабочих мотивов (потребностей, ценностей, интересов) работника, придающих целенаправленный характер деятельности индивида по овладению профессией, а также как процесс побуждения себя и других людей к работе для достижения личных целей или целей организации [3]; 2) концепция самопрезентации, разработанная Сук-Дже Ли и его коллегами, в рамках которой рассматриваемый феномен определяется как процесс представления человеком собственного образа в социальном мире, характеризующийся намерением создать у окружающих то или иное впечатление о себе [7].

Прокомментируем избранные нами методики исследования.

1. Опросник «Диагностика рабочей мотивации» Дж. Р. Хэкмэна и Г. Р. Олдхэма (в адаптации И. Н. Бондаренко) [8]. Методика включает 18 шкал, которые объединены в разделы описывающие рабочие мотивы.

Раздел 1. Ядерные характеристики профессиональных заданий (7 шкал: *разнообразие профессиональных навыков, значимость профессионального задания, завершенность профессионального задания, автономия, обратная связь от работы, обратная связь от других, взаимодействие*).

Раздел 2. Когнитивная оценка качественных результатов своей работы (3 шкалы: *осознаваемый смысл работы, осознаваемая ответственность за результаты работы, знание реальных результатов работы*).

Раздел 3. Эмоциональные оценки результатов своей профессиональной деятельности (3 шкалы: *общая удовлетворенность, интринсивная рабочая мотивация, удовлетворенность потребности в профессиональном росте*).

Раздел 4. Различные аспекты удовлетворенности (4 шкалы: *удовлетворенность отсутствием опасности потерять работу, удовлетворенность оплатой, социальная удовлетворенность, удовлетворенность руководством*).

Раздел 5. Личностная характеристика (1 шкала: *потребность в профессиональном росте*).

В качестве интегрирующего показателя может быть определен индекс мотивационного потенциала профессиональной деятельности, который вычисляется по специальной формуле.

В каждом из разделов опросника испытуемому предъявляется отдельная инструкция по начислению баллов тому или иному ответу, выражающему ту или иную степень согласия с утверждениями,

приведенными в шкале. В соответствии с тем, какое количество баллов присвоил испытуемый каждому из утверждений, подсчет итоговых показателей ведется путем усреднения баллов по вопросам. Часть вопросов подразумевает использование процедуры инвертирования баллов при их подсчете.

2. Шкала измерения тактик самопрезентации Сук-Дже Ли и др. (в русскоязычной адаптации О. А. Пикuléвой) [6]. Опросник состоит из 64 утверждений, которые связаны с тем, как воспринимает себя человек. Респонденту предлагается при ответе на вопросы определять для себя верность каждого утверждения по 9-балльной шкале: от «очень редко» (=1 балл) до «очень часто» (=9 баллов). Ключ к данному опроснику – распределение всех 64 утверждений по 12 группам, каждая из которых представляет определенную тактику самопрезентации: оправдание с отрицанием ответственности, оправдание с принятием на себя ответственности,

отречение, препятствование самому себе, извинение, желание/старание понравиться, запугивание, просьба/мольба, приписывание себе достижений, преувеличение своих достижений, негативная оценка других, пример для подражания. Также описанные тактики распределяются по 5 стратегиям: уклонение и аттрактивное поведение, самовозвышение и самопринижение, силовое влияние. Таким образом, опросник содержит 12 шкал в соответствии с количеством тактик, а также 5 шкал по числу стратегий.

В исследовании приняли участие 150 респондентов, являющихся сотрудниками различных частных и государственных компаний г. Минска и Минской области. Среди них – 78 женщин и 72 мужчины в возрасте от 18 до 60 лет. Средний возраст респондентов составил 38 лет. Трудовой стаж менее 5 лет был отмечен у 45 испытуемых, от 5 до 10 лет – у 63, от 10 до 15 лет и более – у 42.

Результаты исследования и их обсуждение

Рабочая мотивация сотрудников с различными стратегиями самопрезентации. Поскольку насчитывается пять стратегий самопрезентации в рамках избранного нами методологического основания, то выявить особенности рабочей мотивации сотрудников с различными доминирующими стратегиями самопрезентации позволит попарное сравнение указанных подгрупп с помощью критерия Манна – Уитни. В то же время применение на предварительном этапе *H*-критерия Краскела – Уоллиса для установления наличия статистически значимых различий минимум между двумя сравниваемыми группами позволит снизить уровень громоздкости процедуры и избежать затруднений в понимании данных исследования. Выбор в пользу указанных непараметрических критериев обусловлен тем, что ряд переменных (рабочие мотивы, стратегии самопрезентации) представлен порядковыми шкалами.

При сравнении показателей, зафиксированных у сотрудников с преобладающими стратегиями самопрезентации *уклонение* и *аттрактивное поведение*, статистически значимые различия были выявлены в отношении рабочего мотива *взаимодействие*: он оказался значимо менее характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *уклонение*, по сравнению с сотрудниками, демонстрирующими *аттрактивное поведение* ($U_{\text{эмп}} = 121,50$, $p \leq 0,05$). Таким образом, сотрудникам, создающим препятствия для достижения результатов, прибегающим к оправданиям своих возможных неудач, будет менее свойственно демонстрировать нацеленность на общий результат, нежели старающимся понравиться и вызвать симпатию других коллег. Слабая тенденция к взаимодействию может проявляться в непринятии сотрудником ответственно-

сти за свои негативные поступки или события, что может приводить к поиску других виноватых в рабочем коллективе, так как связь с последним этому индивиду не очень важна вследствие слабо выраженного рассматриваемого мотива.

При сравнении сотрудников с преобладающими рабочими стратегиями самопрезентации *уклонение* и *аттрактивное поведение* статистически значимые различия выявлены в отношении рабочего мотива *социальная удовлетворенность*. Названный мотив оказался значимо менее характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *уклонение* по сравнению с сотрудниками, демонстрирующими *аттрактивное поведение* ($U_{\text{эмп}} = 101,50$, $p \leq 0,05$). Таким образом, высока вероятность, что для сотрудника со стратегией *аттрактивного поведения* в большей степени важна удовлетворенность коллегиальными отношениями, чем для сотрудника со стратегией самопрезентации *самоуклонение*. Персонал, который ценит благоприятный социально-психологический климат, будет в меньшей степени использовать стратегию *уклонения*, которая подобную атмосферу дестабилизирует [4].

При сравнении сотрудников с преобладающими стратегиями самопрезентации *силовое влияние* и *аттрактивное поведение* статистически значимые различия были выявлены в отношении мотива *завершенность профессионального задания*. Он оказался значимо более характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *аттрактивное поведение*, в отличие от сотрудников, прибегающих к силовому влиянию ($U_{\text{эмп}} = 111,00$, $p \leq 0,05$). Для сотрудников, демонстрирующих *аттрактивное поведение*, более важно завершить порученное им задание, чтобы поддержать свой образ профессионала в глазах коллег и руководства. Персонал же, обращающийся

к стратегии самопрезентации *силовое влияние*, может добиваться аналогичной цели, выбирая самые тяжелые задачи либо не испытывая потребности подтверждать свое превосходство путем только решения рабочих вопросов.

При сравнении сотрудников с преобладающими стратегиями самопрезентации *самовозвышение* и *аттрактивное поведение* статистически значимые различия были выявлены в отношении рабочего мотива *автономия*. Он оказался значимо менее характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *аттрактивное поведение*, чем для сотрудников, демонстрирующих *самовозвышение* ($U_{\text{эмп}} = 107,50, p \leq 0,05$). Обнаруженная особенность может быть обусловлена тем, что индивиду, которому более свойственна тенденция коммуницировать и обсуждать происходящее с коллегами, меньше важна автономия на рабочем месте. Желание понравиться другим, быть для них примером, склонность признавать ответственность и выражать раскаяние, вину подразумевают большую степень вовлеченности во взаимодействие с другими, нежели при выборе стратегии самовозвышения. Последняя часто может означать, что при наличии определенной неуверенности в своем превосходстве сотрудник будет стремиться к автономности на рабочем месте, отдаляясь от тех объектов, с которыми его потенциально могут сравнивать не в его пользу.

При сравнении сотрудников с преобладающими стратегиями самопрезентации *самовозвышение* и *самопринижение* статистически значимые различия выявлены в отношении рабочего мотива *значимость профессионального задания*. Он оказался значимо более характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *самовозвышение* по сравнению с теми, кто прибегал к стратегии самопринижения ($U_{\text{эмп}} = 121,00, p \leq 0,05$). Склонный к стратегии самовозвышения сотрудник, для которого уже на начальном этапе распределения рабочих заданий важно получить одно из наиболее важных (даже если он не обладает необходимым ресурсом для его качественного выполнения), будет с большей вероятностью демонстрировать высокую выраженность мотива значимости профессионального задания по сравнению с тем сотрудником, который при выполнении и менее значимых поручений склонен вызывать к помощи других и уменьшать свои силы.

Также при сравнении сотрудников с преобладающими стратегиями самопрезентации *самовозвышение* и *самопринижение* статистически значимые различия были выявлены в отношении рабочего мотива *удовлетворенность защищенностью от потери работы*. Он оказался значимо более характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *самовозвышение*, в отличие от тех, кто выбирает стратегию самопринижения ($U_{\text{эмп}} = 146,00, p \leq 0,01$). Самопринижение более свойственно репертуару

поведения того индивида, у которого большим мотивационным потенциалом обладает удовлетворенность защищенностью от потери работы. Если рассматривать данную стратегию как частично манипулятивную, то подобный результат вполне закономерен: тот, кто не боится потерять работу, с большей вероятностью будет просить о помощи других (даже когда может выполнить работу самостоятельно), так как это, по его мнению, не приведет к репутационным потерям и занесению его в список кандидатов на увольнение (сокращение).

Взаимосвязь рабочей мотивации сотрудников и стратегий самопрезентации. В ходе корреляционного анализа была выявлена значимая слабая отрицательная взаимосвязь стратегии уклонения с рабочим мотивом *осознаваемая ответственность за результаты работы* ($r = -0,28, p \leq 0,05$). При высоком уровне осознания ответственности за результаты выполняемой работы стратегия уклонения в поведении сотрудника, как правило, представлена слабо.

Помимо этого, стратегия аттрактивного поведения образует значимую положительную взаимосвязь умеренной силы с мотивом общей удовлетворенности работой ($r = 0,33, p \leq 0,05$). Стратегия аттрактивного поведения также образует значимую положительную взаимосвязь умеренной силы с социальной удовлетворенностью ($r = 0,31, p \leq 0,01$). Желание сотрудника быть примером и понравиться другим будет тем более выражено, если большой побудительной силой обладают для него мотивы общей и социальной удовлетворенности работой. Это может объясняться тем, что общее благополучное состояние сотрудника, которого в организации все устраивает, с большей вероятностью будет стимулировать продуктивное трудовое поведение, нежели контрпродуктивное.

Также выявлена значимая слабая отрицательная взаимосвязь стратегии аттрактивного поведения со знанием реальных результатов работы ($r = -0,28, p \leq 0,01$). Сотрудник, который движим знанием реальных результатов работы, в меньшей степени будет прибегать к аттрактивному поведению, так как он сконцентрирован на качестве работы, а не на том впечатлении, которое он производит на окружающих.

В отношении стратегии самопрезентации *самовозвышение* была выявлена значимая положительная взаимосвязь умеренной силы с мотивом взаимодействия ($r = 0,35, p \leq 0,05$). Сотрудники, которые мотивированы взаимодействием с другими на рабочем месте, чаще обращаются к стратегии самовозвышения, которая образует значимую положительную взаимосвязь умеренной силы с потребностью в профессиональном росте и развитии ($r = 0,31, p \leq 0,05$). Таким образом, те, кто мотивированы карьерным ростом и развитием, в большей степени демонстрируют самовозвышающее поведение. Это

может объясняться, во-первых, их уверенностью в себе и своих силах, во-вторых, неадекватным ростом самооценки и формированием установки о необходимости двигаться вверх по карьерной лестнице вследствие выработанной линии поведения на оповещение других о своих достижениях и их преувеличение. Выявлена значимая слабая положительная взаимосвязь стратегии самовозвышения с удовлетворенностью заработной платой и другими выплатами ($r = 0,29, p \leq 0,05$). Усиление значимости среди сотрудников этого мотива сопровождается ростом тенденции к самовозвышающему поведению. Помимо этого, зафиксирована слабая отрицательная взаимосвязь стратегии самовозвышения с удовлетворенностью руководством ($r = -0,27, p \leq 0,01$). Тем сотрудникам, для которых большой побудительной силой является удовлетворенность руководством, менее свойственно преувеличивать свои достижения, постоянно сообщать о них или искать причины для аргументированного объяснения собственного негативного поведения как оправданного. Подобную линию поведения можно охарактеризовать как направленную на формирование и поддержание собственного позитивного образа в сознании руководителя.

В отношении стратегии самопрезентации *самопринижение* была выявлена значимая положительная взаимосвязь умеренной силы с рабочим мотивом *взаимодействие* ($r = 0,37, p \leq 0,05$). С ростом его важности для сотрудника может усиливаться тенденция обращения к стратегии самопрезентации *самопринижение*. Вероятно, сотрудник с данной ведущей стратегией самопрезентации будет призывать коллег к помощи не заискивающе, а искренне и тогда, когда этого действительно требует ситуация, т. е. с целью сохранить благоприятные отношения с коллективом. Кроме того, стратегия самопринижения образует значимую положительную взаимосвязь умеренной силы с осознаваемым смыслом работы ($r = 0,35, p \leq 0,05$): вероятно, потому что такую категорию сотрудников может отличать особая тщательность в выполняемой работе, скрупулезность. В этой связи даже тогда, когда иной сотрудник был бы удовлетворен результатом, сотруднику с выраженным мотивом осознаваемого смысла работы будет недостаточно результата: удовлетворенность может не наступить вовсе или ее может нивелировать неудовлетворенность рабочим процессом. В таком случае стратегия самопринижения может быть закономерной, осознанно избранной сотрудником названной категории. Также выявлена умеренная отрицательная взаимосвязь стратегии самопринижения и обратной связи, получаемой от других ($r = -0,34, p \leq 0,05$). Для сотрудников, у которых выражен мотив получения обратной связи, менее характерна стратегия самопринижения: возможно, потому что данная стратегия, отражающаяся в том числе и при выполнении

рабочих функций, может способствовать негативной обратной связи. Поэтому для тех, кто обращается к самопринижению, менее показателен мотив получения обратной связи.

В отношении стратегии самопрезентации *силовое влияние* была установлена значимая сильная положительная взаимосвязь с рабочим мотивом *автономия* ($r = 0,61, p \leq 0,05$). Сотрудники, для которых он обладает весомым мотивационным потенциалом, в большей степени прибегают к высказыванию негативных оценок, угроз в адрес коллег. С одной стороны, таким способом они отстаивают свою автономию, независимость, с другой стороны, данный выраженный мотив подавляет важность всех остальных, в силу чего сотрудник готов идти на подобное конфронтационное поведение, так как его продуктивность может не зависеть от внешних факторов (социально-психологического климата, отношениями с коллегами, руководством и т. д.). Наконец, в ходе корреляционного анализа была выявлена значимая слабая отрицательная взаимосвязь стратегии силового влияния с мотивом социальной удовлетворенности ($r = -0,28, p \leq 0,01$).

Таким образом, мотивы взаимодействия и социальной удовлетворенности оказались значимо менее характерными для сотрудников со стратегией самопрезентации *уклонение* по сравнению с мотивами тех индивидов, кто демонстрирует аттрактивное поведение. Мотив завершенности профессионального задания оказался значимо более характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *аттрактивное поведение*, чем для тех, кто прибегает к силовому влиянию, мотив автономии – значимо менее характерным для сотрудников со стратегией самопрезентации *аттрактивное поведение*, чем для демонстрирующих самовозвышение. Мотивы значимости профессионального задания и удовлетворенности защищенностью от потери работы оказались значимо более характерными для сотрудников со стратегией самопрезентации *самовозвышение* в отличие от сотрудников, практикующих стратегию самопринижения.

Сотрудников с выраженной стратегией самопрезентации *уклонение* будет отличать слабо проявляющийся себя мотив *осознаваемая ответственность за результаты работы*. Персоналу со стратегией аттрактивного поведения в большей степени присущ мотив *общая удовлетворенность работой*, а меньшим мотивационным потенциалом будет обладать для них *автономия*. У сотрудников, которые часто прибегают к самовозвышению, отмечаются высокие показатели по рабочим мотивам *потребность в профессиональном росте и развитии*, *удовлетворенность заработной платой* и другими выплатами, низкие показатели – по рабочему мотиву *удовлетворенность руководством*. Стратегия самопринижения будет отличать сотрудников с весьма выраженными мотивами *взаимодействие*, *осозна-*

ваемый смысл работы и слабо представленным – обратная связь от других. Наконец, персоналу с выраженной стратегией силового влияния будут более свойственны мотивы автономия и обратная связь от работы и менее характерен мотив социальная удовлетворенность.

Таким образом, описанные теоретические основания и эмпирические результаты могут быть использованы для составления рекомендаций по разработке программ мотивации сотрудников с учетом не только их ведущих рабочих мотивов, но

и их стратегий самопрезентации. Это позволит подбирать для сотрудников, демонстрирующих, например, стратегию самовозвышения, определенные технологии стимулирования, а для сотрудников, использующих стратегию самопринижения, – другие. Описанные результаты также могут стать базой для составления методических рекомендаций по созданию специалистами программ экспресс-оценки рабочих мотивов на различных этапах HR-процесса: подбора и адаптации, обучения и развития, мотивации и увольнения.

Библиографические ссылки

1. Pinder CC. *Work motivation in organizational behavior*. New York: Psychology Press; 2014. 600 p. DOI: 10.4324/978/31573606.
2. Герчиков ВИ. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление. В: Щербина ВВ, редактор. *Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование*. Москва: Независимый институт гражданского общества; 2004. с. 212–231.
3. Hackman JR, Oldham GR. Development of the job diagnostic survey. *Journal of Applied psychology*. 1975;60(2):159–167. DOI: 10.1037/h0076546.
4. He J, van de Vijver FJR. Self-presentation styles in self-reports: linking the general factors of response styles, personality traits, and values in a longitudinal study. *Personality and Individual Differences*. 2015;81(6):129–134. DOI: 10.1016/j.paid.2014.09.009.
5. Arkin RM. Self-presentation. In: Vallacher RR, Wegner DM, editors. *The self in social psychology*. New York: Oxford University Press; 1986. p. 356–365.
6. Пикульова ОА. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты. *Психологическая наука и образование*. 2013;18(4):37–44.
7. Lee S-J, Quigley BM, Nester MS, Corbett AB, Tedeschi JT. Development of self-presentation tactics scale. *Personality and Individual Differences*. 1999;26:701–722.
8. Бондаренко ИН. Адаптация опросника «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхэма на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*. 2010;31(3):109–124.

References

1. Pinder CC. *Work motivation in organizational behavior*. New York: Psychology Press; 2014. 600 p. DOI: 10.4324/978/31573606.
2. Gerchikov VI. Labor motivation: content, diagnosis, management. In: Scherbina VV, editor. *Human resource management: management and consulting*. Moscow: Independent Institute civil society; 2004. p. 212–231. Russian.
3. Hackman JR, Oldham GR. Development of the job diagnostic survey. *Journal of Applied psychology*. 1975;60(2):159–167. DOI: 10.1037/h0076546.
4. He J, van de Vijver FJR. Self-presentation styles in self-reports: linking the general factors of response styles, personality traits, and values in a longitudinal study. *Personality and Individual Differences*. 2015;81(6):129–134. DOI: 10.1016/j.paid.2014.09.009.
5. Arkin RM. Self-presentation. In: Vallacher RR, Wegner DM, editors. *The self in social psychology*. New York: Oxford University Press; 1986. p. 356–365.
6. Pikulyova OA. Psychology of personality self-presentation: gender and age aspects. *Psychological Science and Education*. 2013;18(4):37–44. Russian.
7. Lee S-J, Quigley BM, Nester MS, Corbett AB, Tedeschi JT. Development of self-presentation tactics scale. *Personality and Individual Differences*. 1999;26:701–722.
8. Bondarenko IN. Adaptation of R. Hackman's and G. Oldham's «Job diagnostic survey» on Russian-speaking sample. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2010;31(3):109–124. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2019.
Received by editorial board 02.06.2019.

УДК 159.923.2

ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ПОТЕРЯ КАК КРИЗИСНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Л. А. ПЕРГАМЕНЩИК¹⁾, Е. А. ПЕТРАЖИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Беларусь

Рассматривается актуальная проблема перинатальной потери как уникального вида психологической травмы в жизни женщины. Подробно описываются психологические и социальные последствия перинатальной утраты, ее специфические особенности, влияющие на процесс совладания с горем. Представлены результаты эмпирического исследования состояния психологического благополучия и отношения к образу субъективной картины жизненного пути во временном аспекте у женщин с опытом перинатальной потери. Перинатальная утрата несет в себе угрозу развития состояния депрессии и посттравматического стрессового расстройства, после нее у женщины изменяются представления о себе, базовые убеждения относительно собственной жизни, а также субъективная картина жизненного пути. Сделанные выводы имеют определяющее значение для выработки основных стратегий психологического сопровождения женщин в ситуации перинатальной потери.

Ключевые слова: перинатальная потеря; кризисное событие; субъективная картина жизненного пути; отношение ко времени; образ будущего; психологическое благополучие; депрессия; посттравматическое стрессовое расстройство; социальная сеть поддержки.

Образец цитирования:

Пергаменщик ЛА, Петражицкая ЕА. Перинатальная потеря как кризисное событие в жизни женщины. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:77–84.

For citation:

Pergamenschchik LA, Petrazhitskaya EA. Perinatal loss as a crisis event in a woman's life. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:77–84. Russian.

Авторы:

Леонид Абрамович Пергаменщик – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры социальной и семейной психологии Института психологии.

Елена Александровна Петражицкая – аспирантка кафедры социальной и семейной психологии Института психологии. Научный руководитель – Л. А. Пергаменщик.

Authors:

Leonid A. Pergamenschchik, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of social and family psychology, Institute of Psychology.

leonpergam@gmail.com

Elena A. Petrazhitskaya, postgraduate student at the department of social and family psychology, Institute of Psychology.

rok-sunna@yandex.ru

PERINATAL LOSS AS A CRISIS EVENT IN A WOMAN'S LIFE

L. A. PERGAMENSHCHIK^a, E. A. PETRAZHITSKAYA^a

^aBelarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Savieckaja Street, Minsk 220050, Belarus

Corresponding author: E. A. Petrazhitskaya (rok-sunna@yandex.ru)

The actual problem of perinatal loss as a unique type of psychological trauma in a woman's life is considered in the article. Psychological and social consequences of perinatal loss, its specific features affecting the process of coping with grief are described in detail. The results of empirical research of the state of psychological well-being and attitude to the concept of subjective dimension of the path of life in temporal aspect of women with experience of perinatal loss are presented. Perinatal loss is a threat to the development of depression and post-traumatic stress disorder. Self-image, basic beliefs about own life change after perinatal loss, as well as the subjective picture of a woman's life path is changing. The findings are crucial for the development of basic strategies of psychological support of women in the situation of perinatal loss.

Keywords: perinatal loss; crisis event; subjective picture of life path; attitude to the time; image of the future; psychological well-being; depression; posttraumatic stress disorder; social support network.

Беременность, как уникальное состояние в жизни женщины, связана с большими надеждами и ожиданиями счастья в будущем. Однако не каждая беременность заканчивается благополучно. Так, согласно статистике, приведенной во многочисленных зарубежных изданиях, во всем мире примерно одна из пяти беременностей заканчивается перинатальной потерей [1–8]. В Республике Беларусь частота невынашивания беременности составляет от 10 до 25 % всех беременностей, более 85 % спонтанных аборт происходят в ранние сроки беременности, а в последние годы повышается частота осложнений беременности и родов, различных нарушений репродуктивного здоровья [9]. При этом весьма актуальны вопросы улучшения демографической ситуации, усиления системы защиты и охраны репродуктивного здоровья, роста ответственности за психическую и физическую полноценность будущего поколения, что, на наш взгляд, тесно связано с повышением значимости и эффективности своевременного психологического сопровождения женщины в ситуации перинатальной потери. В то же время можно говорить о практическом отсутствии в нашей стране теоретических и прикладных исследований в данной области.

Перинатальная потеря представляет собой кризисное событие в жизни женщины: имеет вид гибели плода во время беременности, в процессе рождения или в первые 28 суток после рождения [10]; внематочная беременность, неудача экстракорпорального оплодотворения, некурабельное бесплодие [11; 12]; выявление грубой патологии при обследовании и рождение ребенка-инвалида [12]. Потеря является внезапной, возникает кризис беременности, что делает невозможным переход к ожидаемой стадии родительства.

В ситуации утраты неродившегося ребенка женщина сталкивается с нарушением собственной идентичности, сомнением в своей женственности и нормальности, теряет образ себя в качестве матери [11; 13; 14]. Долгосрочные последствия свя-

заны с нарушением самооценки, потерей самоуважения и уверенности в себе [4; 6; 11; 13–15]. После перинатальной утраты появляется огромное чувство собственной беспомощности, женщина не может контролировать ни собственную жизнь, ни свое тело. Разрушаются представления о мире как о предсказуемом, справедливом и доброжелательном [11; 14; 16; 17]. Также происходит столкновение с суровой окончательностью смерти в тот момент, когда она меньше всего ожидается: в момент возникновения новой жизни. При этом бессознательное желание личного бессмертия, которое может быть реализовано путем проецирования собственного биологического наследия на последующие поколения, фрустрировано, появляется фундаментальная угроза непрерывности жизни, добавляющая идее собственной конечности новое пугающее значение [4; 11; 15; 17]. Женщина сталкивается с непосредственной опасностью для собственного существования, связанной с болезненными хирургическими вмешательствами [3; 15; 16]. Все это с особой силой актуализирует страхи по поводу личной смерти.

В ситуации перинатальной утраты женщина не только оказывается в сложном биологическом и психологическом положении, но и теряет себя, в том числе и во временном аспекте, когда оплакиваются и ушедший, уже любимый ребенок, и прогнозируемое желанное будущее, вместе с которым исчезает представление о смысле собственной жизни [4; 6; 11; 14; 15]. Смерть ребенка, в том числе еще не родившегося, не является частью естественного порядка жизни. Когда человек теряет родителя, он теряет свое прошлое, а при потере своего ребенка человек утрачивает будущее [4]. Новость о перинатальной утрате парализует, воспоминания о счастливом прошлом постепенно становятся тусклыми и неразличимыми, а надежды на будущее разрушены и не восстанавливаются. Родители скорбят и об умершем ребенке, и о той будущей жизни, в которой они в своих мечтах уже жили с ним. В ситуа-

ции перинатальной потери нарушается направленность и непрерывность жизненного пути личности. Неопределенность будущего искажает ощущение безопасности и вызывает дополнительное беспокойство. Появляются специфические страхи в отношении будущего деторождения [8].

Опыт предыдущей перинатальной потери влияет на будущие беременности, а также на взаимоотношения с родившимися впоследствии детьми. После переживания травмы в связи с перинатальной утратой при дальнейших беременностях развиваются сильная тревожность (иногда – состояние депрессии), идея сверхценности беременности, своеобразная социальная изоляция женщины, повышается внимание к своим телесным ощущениям [6; 14; 15; 17]. Опыт перинатальной потери и страх ее повторения приводят к стремлению не выстраивать прочных эмоциональных связей с новым ребенком как в процессе беременности, так и после его рождения. В результате незавершенного процесса горевания происходит нарушение привязанности к ребенку, что в целом негативно сказывается на его психосоциальном развитии. Впрочем, некоторые исследователи отмечают, наоборот, чрезмерно сильную привязанность к родившемуся после потери, когда женщина проявляет сверхзаботу и сверхбеспокойство [14; 18]. С другой стороны, после перинатальной утраты может появляться желание скорейшей новой беременности, происходит своеобразное замещение умершего ребенка живым [14; 18].

Также наблюдается и влияние перинатальной потери на уже имеющихся у женщины детей, которые также сталкиваются с утратой и могут испытывать тревожность и сильное чувство вины [16; 18]. Переживание женщиной горя влияет на качество ее заботы о других и в целом ее функционирования в межличностных отношениях [16]. Последствия перинатальной утраты могут стать тяжелой психологической ношей для всех членов семьи, опыт данной травмы может передаваться последующим поколениям. Стремление родителей не говорить о случившемся, не признавать утрату и не переживать горе становится эмоциональным бременем для детей: они переносят его в свою взрослую жизнь [14].

Материалы и методы исследования

Цель исследования – изучение перинатальной потери как кризисного события в жизни женщины. В исследовании, проводившемся в 2015–2018 гг., приняли участие 47 женщин в возрасте от 23 до 45 лет. Они имели следующую историю перинатальной утраты: 34 женщины с гестационным сроком потери до 22-й недели; 12 женщин со сроком потери после 22-й недели, во время или сразу после родов. Срок переживания перинатальной потери со-

Протекание горя в ситуации перинатальной утраты во многом похоже на тяжелое горе в случае утраты значимого другого. Сразу после потери семья будет находиться в шоковом состоянии, ощущении нереальности происходящего, появится эмоциональная отрешенность, женщина будет испытывать трудности с концентрацией внимания, ей будет сложно поверить в происходящее [1; 2; 5; 6; 12; 17]. Затем появятся гнев и раздражительность по отношению к себе, супругу, друзьям и родственникам, медицинскому персоналу, а также раздражение, зависть, возмущение как результат постепенного понимания реальности потери [1; 2; 5; 6; 12; 13; 17; 18]. Особенно острым в случае перинатальной утраты будет чувство вины, поскольку в поисках ответа о причине потери женщина часто приходит к пониманию собственной ответственности за случившееся, что может усиливаться комментариями посторонних людей [1; 3–5; 7; 8]. Осознав суть потери, женщина печалится и тоскует по ребенку, ее поглощает его образ, она ищет причины перинатальной потери; у нее может появиться разочарование в жизни и чувства пустоты, отчаяния, стыда и бессилия [1; 2; 4–8; 12; 17; 18]. В случае перинатальной потери горе может осложняться специфическими обстоятельствами: например, скорбящая женщина в своем переживании не имеет возможности обратиться к совместному с ребенком прошлому, не может публично оплакивать потерю, совершить траурный ритуал [1; 11; 13].

Что касается длительности периода горевания после перинатальной утраты, то многие авторы называют разные сроки: наиболее интенсивные реакции отмечаются в течение первых 4–6 недель после потери [11; 14], нормальные реакции могут длиться от 6 месяцев до года [3; 11] или до 2 лет [14]. Тем не менее симптомы горя проявляются у каждой женщины индивидуально, поэтому установить точные сроки продолжительности горевания не представляется возможным. И даже когда эти симптомы исчезают, некоторые женщины отмечают присутствие болезненных воспоминаний и переживаний, которые обостряются при виде других беременных женщин или матерей с детьми, а также в определенные памятные даты и во время последующих после потери беременностей.

ставлял от 2 месяцев до 6 лет. Контрольную выборку составили 40 женщин без опыта указанного события: они были пользователями сайта *rebenok.by*, где было размещено объявление о приглашении участвовать в нашем исследовании.

Для изучения субъективной картины жизненного пути была использована методика «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука, Е. Ю. Коржовой – это экспрессивная проективная методика исследования

переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни. В целях исследования интуитивного представления об образе субъективной картины жизненного пути во временном аспекте была использована методика «Семантический дифференциал времени» Л. И. Вассермана. Для исследования психологического благополучия, понимаемого нами в рамках эвдемонистического подхода как полнота

самореализации человека в конкретных жизненных обстоятельствах (Н. Н. Лепешинский), мы обратились к следующим методикам: шкале психологического благополучия, разработанной К. Рифф (в адаптации Н. Н. Лепешинского), опроснику САН В. Доскина, шкале депрессии А. Бека, шкале оценки влияния травматического события М. Горовица, Н. Вилнера и В. Альвареса (в адаптации Н. В. Тарабриной).

Результаты исследования и их обсуждение

В результате анализа полученных данных можно говорить о том, что среди женщин с историей перинатальной потери преобладает низкий уровень самочувствия (45 %), низкий уровень активности (45 %), а также сниженное настроение (49 %). В большей степени женщины названной категории сообщают о слабости (62 %), вялости (40 %), рассеянности (47 %), изнурении (52 %), сонливости (46 %), усталости (51 %) и желании отдохнуть (71 %). Также они описывают свое состояние как напряженное (54 %), озабоченное (42 %), но ощущают себя работоспособными (56 %) и выносливыми (49 %). Женщины с историей перинатальной потери испытывают грусть (37 %), уныние (39 %), печаль (39 %).

У 30 % опрошенных женщин наблюдается высокий и повышенный уровни депрессии. У 28 % женщин депрессии не выявлено. В своем большинстве они озадачены собственным будущим (86 %), чувствуют себя расстроенными (64 %), не получают удовлетворения от жизни (61 %), стали более раздражительными и более плаксивыми (соответственно по 57 %). При этом они часто говорят о переживании сильного чувства вины (71 %), ожидая при этом наказания (38 %); чувствуют себя уже наказанными (46 %), критикуют и обвиняют себя во всем (61 %); сообщают о своей тревоге по поводу изменившегося состояния физического здоровья (63 %), быстрой усталости (63 %), проблемах со сном (64 %). Стоит также отметить, что большинство женщин, принявших участие в исследовании, не думают о самоубийстве (60 %), однако некоторым все-таки приходят мысли о суициде, но без желания его реального осуществления (39 %). Подобные результаты согласуются с результатами других исследований, когда у 20–55 % женщин, переживших перинатальную утрату, отмечаются высокий уровень депрессии, связанной с постоянными мыслями о потере, чувством отчаяния, тоски, апатии, потеря аппетита и сна, ощущение физической разбитости, невозможность выполнять ежедневные обязанности [2; 6; 11; 15; 16; 18]. В то же время депрессия включает повторно переживаемые чувства собственной бесполезности и беспомощности, огромное чувство вины [11; 13].

У женщин с историей перинатальной потери особенно заметно выражен высокий уровень посттравматического стрессового расстройства (ПТСР)

(72 %). Отсутствие его симптомов наблюдалось только у 4 % женщин. Отмечается преобладание симптомов вторжения (у 55 % – на высоком уровне). Менее выражены симптомы физиологического возбуждения (отсутствуют у 19 %). Чаще всего женщины сообщают, что постоянно думают о ситуации перинатальной потери (60 %); их захлестывают непеносимо тяжелые переживания (39 %) как при любом напоминании об утрате (64 %), так и совершенно внезапно (42 %), против их воли (39 %); сознательно избегают мыслей об утрате 32 %. Также фиксируется нежелание с кем-либо говорить о случившемся (45 %).

Результаты зарубежных исследований демонстрируют, что практически каждая пятая женщина страдает ПТСР после перинатальной потери [11; 16; 18]. Когда симптомы тревожности и депрессии со временем уменьшаются, посттравматический уровень стресса все равно может оставаться умеренно высоким. ПТСР в этом случае также было связано с преобладанием таких симптомов вторжения, как повторное переживание травмы через навязчивые мысли, воспоминания, сновидения. В то же время женщины стремятся избегать мыслей, предметов, мест, которые напоминают о потере и вызывают повышенную напряженность, настороженность и беспокойство [2]. У женщин, желавших беременности и уже придумавших имя будущему ребенку, покупавших для него вещи, обнаруживаются более высокие показатели посттравматического расстройства [3].

Что касается психологического благополучия женщин с историей перинатальной потери, то можно сделать вывод о преобладании у них среднего уровня данного показателя. Низкие уровни встречаются у 19 % женщин, высокие – у 15 %. Низкие уровни отмечаются по таким шкалам, как положительные отношения с другими (23 %), управление окружением (23 %), личностный рост (21 %), цели в жизни (21 %). Высокие уровни чаще фиксируются по шкале «управление окружением» (15 %). Наиболее выражена автономия.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что женщины, пережив перинатальную потерю, в построении взаимоотношений с другими людьми занимают в большей степени позицию помощника: с одной стороны, они стремятся со-

переживать другим, уделяя им время, бывают заботливыми и хорошими слушателями, но, с другой стороны, чувствуют себя одинокими, непонятыми, им трудно открываться, делиться с близкими своими переживаниями, касающимися ситуации перинатальной утраты. Женщины с подобной историей часто сообщают о своем желании избежать этой темы, но одновременно отмечают, что для них благотворной становится помощь другим, особенно женщинам, которые испытывали такую же утрату.

Приведенные результаты согласуются с результатами зарубежных исследований, где отмечается, что в ситуации перинатальной потери родители пребывают в своеобразной социальной изоляции [15]. Часто информация о подобном событии не разглашается, особенно если оно произошло на начальных стадиях беременности [7; 14; 15]. Когда другие люди узнают об утрате, то они не всегда в состоянии оценить ее значимость, допускают неприятные для родителей комментарии. Потерявшие ребенка родители часто отмечают, что даже близкие родственники и друзья становятся менее отзывчивыми и избегают разговоров о произошедшем [7; 11; 13; 14]. Недостаток социальной поддержки, внимания и сочувствия наблюдается и со стороны медицинского персонала [7; 11; 14; 16].

Практически все женщины с историей перинатальной потери возлагают ответственность за свою жизнь на себя (89 %): они хорошо справляются со своими ежедневными обязанностями, но находят их чрезмерными, испытывают стресс из-за того, что не могут эффективно и в полной мере решать все свои дела. Осознают, что недостаточно соответствуют обществу и людям, которые их окружают, 41 % женщин. В частности, подобное состояние могут испытывать те, кто имели на момент утраты старших детей, за которыми необходимо ухаживать, несмотря на горе, а также те женщины, которые вынуждены сразу после смерти ребенка вернуться к привычной работе.

Что касается личностного роста, то 73 % опрошенных женщин стремятся расширять свой кругозор, но в ходе познания себя, а 61 % респондентов, наоборот, желают отстраниться от получения нового опыта, не оказываться в незнакомых ситуациях, требующих изменения старого образа жизни, при этом 59 % респондентов полагают, что пока еще не достигли должного уровня в своем личностном развитии. Таким образом, женщины с историей перинатальной утраты оценивают себя, свой прежний уровень саморазвития и накопленный жизненный опыт более позитивно, а самосовершенствование в будущем в их представлении в большей степени связано с привычными для них образом действий и картиной мира.

Большинство женщин предпочитают всерьез думать о собственном будущем (80 %), распланировать свою жизнь наперед (61 %), а не жить только

настоящим моментом. Однако половина опрошенных признают постановку привычных целей пустой тратой времени (61 %), подчеркивает свою пассивную позицию в воплощении намеченных планов. О том, что они точно знают свое направление в жизни, сообщают только 41 % женщин. Подобные результаты могут указывать именно на переживание чувства неподконтрольности течения собственной жизни: женщины хотели бы ставить перед собой желанные цели, но испытывают тревогу по поводу возможности их реального достижения.

Также опрошенные признают, что быть довольным самим собой важнее, чем получать одобрение от окружающих людей; судят о себе согласно собственным ценностям и критериям; в решениях предпочитают руководствоваться своим личным мнением и принципами, не поддаются чужим убеждениям, остаются уверенными в своих взглядах даже под давлением близких и авторитетных людей (61 %).

При описании субъективной картины жизненного пути женщины с историей перинатальной потери отдают предпочтение скорее событиям прошлого (66 %), чем будущего (34 %): именно в прошлом преобладают радостные события (на это указывают 43 % опрошенных). Для 32 % респондентов такие события связаны с будущим. Грустные события, характерные для прошлой жизни, отмечаются в 23 % случаев, а для будущего лишь в 2 %.

Что касается сфер событий, названных женщинами, то во всех периодах и на всех эмоциональных полюсах преобладают ситуации, связанные с беременностью, рождением и воспитанием детей. Так, радостное прошлое, связанное с детьми, отмечается у 22 % респондентов, грустные события в прошлом – 48 %. В последнем случае все случившееся отражает ситуацию перинатальной потери. Радостные события будущего связаны с детьми для 47 % женщин, на это время планируется удачная беременность и рождение здорового долгожданного ребенка. В этой же модальности иногда описываются моменты воспитания и развития детей, желание взять приемного ребенка, если беременность по многим причинам невозможна. Среди грустных событий будущего также преобладают те, что касаются детей (54 %), но в данном случае женщины подчеркивают, что ребенок мог бы родиться в назначенную дату, сообщают о своем страхе перед новой беременностью, говорят о своем желании иметь ребенка, при этом понимая, что это никогда не случится.

Среди радостных событий из прошлой жизни женщинами с опытом перинатальной потери также часто выделяются те, что связаны с браком и учебой (в обоих случаях по 18 %). Среди грустных преобладает смерть близких родственников (16 %); физиологические неблагоприятные последствия медицинских вмешательств после перинатальной

утраты (12 %); брак, изменение взаимоотношений с супругом, развод (10 %). Радостными будущими событиями чаще всего называются те, что соотносятся с материальным положением (11 %), местом жительства, приобретением загородного дома и переездом в него, браком, саморазвитием и отдыхом (по 8 %). Среди грустных будущих событий преобладают события, касающиеся брака и здоровья (оба по 15 %).

Восприятие времени собственной жизни.

У женщин с опытом перинатальной потери период до нее в большей степени ассоциируется с яркостью, энергичностью, активностью (51 %), насыщенностью множеством событий, лично значимых (81 %), а также в большинстве своем эмоционально приятных (59 %). Это время воспринимается как относительно упорядоченный и контролируемый (62 %), но и относительно неактуальный далекий период, в котором опрошенные не переживают себя как активно вовлеченного в происходящее участника (68 %). Настоящее же, несмотря на свой субъективный объем и насыщенность событиями (66 %), преобладающие переживания структурированности и прогнозируемости (62 %), переживается как статичное, пассивное время (77 %), как мало значимый, внутренне отстраненный от восприятия женщин период (70 %), в котором доминируют пессимистичные переживания и негативные эмоции (51 %). Женщины с опытом перинатальной потери воспринимают свое будущее в большей степени как большой, продуктивный (74 %), хорошо прогнозируемый (81 %), лично значимый (58 %), эмоционально приятный (79 %) период, для которого будут характерны переживание ими собственной инертности и пассивность (58 %).

С помощью критерия Манна – Уитни нами было также проведено сравнение психологического благополучия и восприятия времени собственной жизни женщин с историей перинатальной потери и женщин, не сталкивающихся с подобной психологической травмой.

Полученные данные демонстрируют, что у женщин, переживших перинатальную потерю, настроение ($U = 251, p = 0,0001$), самочувствие ($U = 456, p = 0,001$) более снижены, а состояние депрессии ($U = 426, p = 0,0001$) и симптомы посттравматического стрессового расстройства ($U = 527, p = 0,013$), наоборот, встречаются чаще. В частности, значительно чаще встречаются симптомы вторжения ($U = 450, p = 0,001$), избегания ($U = 579, p = 0,048$), физиологического возбуждения ($U = 557, p = 0,03$).

Отношение ко времени собственной жизни, зафиксированное в двух группах женщин, также имеет различия. Так, у женщин с опытом перинатальной потери преобладает количество и вес грустных событий в прошлом ($U = 386, p = 0,0001$; $U = 326, p = 0,0001$). В ситуации перинатальной потери настоящее ($U = 407, p = 0,0001$) воспринимается более

пессимистичным, тревожным ($U = 342, p = 0,0001$), статичным, пассивным ($U = 483, p = 0,003$), нереальным, оно переживается со внутренней безучастностью к происходящему ($U = 456, p = 0,001$). И будущее ($U = 414, p = 0,000$) также кажется менее радостным и ярким ($U = 446, p = 0,001$), менее структурированным, прогнозируемым и контролируемым ($U = 483, p = 0,003$), менее значительным и объемным ($U = 425, p = 0,000$), далеким, нереальным ($U = 460, p = 0,001$) периодом жизни; значимость и величина радостных событий в будущем снижены ($U = 522, p = 0,011$).

Можно отметить, что опрошенные при оценке своего жизненного пути чаще выделяют жизненные события биологического типа ($U = 305, p = 0,0001$). По видам событий у них доминируют события, касающиеся детей ($U = 319, p = 0,0001$) и собственного здоровья ($U = 327, p = 0,000$).

Таким образом, у женщин, имеющих опыт перинатальной потери, более выражено состояние психологического неблагополучия. У них отмечаются следующие особенности в восприятии времени собственной жизни: они переживают актуальный момент, в том числе связанный с пониженным настроением, депрессией, посттравматическим стрессовым расстройством, как наполненный неприятными эмоциональными переживаниями, ощущениями безысходности, тревожности, собственной инертности, отстраненности и проживаемый ими с позиции наблюдателя за собственной жизнью. У женщин указанной категории прошлое в большей степени связано с негативными жизненными событиями, ситуацией самой утраты; будущее воспринимается ими также в более пессимистичном свете. При этом образ будущей жизни наполнен меньшим количеством значимых и легко прогнозируемых событий: она воспринимается преимущественно как неподконтрольный и нереальный, слабо ощущаемый период жизни. Можно говорить о том, что у женщин, находящихся в ситуации перинатальной потери, происходит замирание духовной жизни, их чувства связаны переживанием пустоты и бессмысленности, о которых говорят В. Франкл, Р. Мэй и др.

Безусловно, требуется дальнейшее изучение возможных различий в психологическом благополучии и особенностях отношения женщин с различным гестационным сроком перинатальной потери, имеющим и не имеющим детей на момент утраты, к образу субъективной картины мира своего жизненного пути во временном аспекте.

Результаты ряда исследований показывают, что перинатальная потеря будет переживаться легче, если у женщины еще есть дети [2; 3]. Однако другие специалисты подчеркивают, что такое представление неправомерно, поскольку одного умершего ребенка другой живой заменить не в состоянии, при этом забота о ребенке, вынужденные бытовые процессы могут приводить к непродуктивному проживанию горя

перинатальной потери [5; 7; 8; 16]. В то же время женщины, имеющие детей на момент утраты, могут получать меньше эмоциональной и информационной поддержки, поскольку преобладает мнение, будто их потеря не является достаточно значимой в связи с их имеющимся статусом матери [16].

Также можно говорить и о неоднозначных результатах, связанных с гестационным сроком перинатальной потери [2; 8]. С одной стороны, не существует никаких различий в процессе переживания горя у женщин, потерявших беременность на ранних или поздних сроках [13; 15]. С другой стороны, отмечается, что с увеличением гестационного возраста появляются риски возникновения более глубокой депрессии [2]. При этом срок потери

может повлиять на уровень поддержки этих женщин со стороны людей, воспринимающих более позднюю утрату ребенка как более реальную [14]. При потере ребенка на раннем сроке беременности практически отсутствует переживание совместных событий с будущим ребенком: нет шевеления, нет фотографий с УЗИ. В этом случае признать реальность потери ребенка намного труднее, что может осложнить процесс горевания [14]. Предварительные результаты нашего исследования демонстрируют, что у женщин с более поздним сроком перинатальной потери значительно повышены уровни депрессии и ПТСР, а также преобладает более негативное восприятие времени собственной жизни.

Заключение

Перинатальная потеря представляет собой кризисное событие в жизни женщины и семьи в целом, оно связано со специфическими обстоятельствами самой потери и приводит к многочисленным психологическим и социальным последствиям. Травма перинатальной утраты несет в себе угрозу развития тяжелых психических состояний, таких как депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство, сказывается на общем переживании психологического неблагополучия. После перинатальной потери изменяются представления о себе, базовые убеждения относительно собственной жизни, а также субъективная картина всего своего жизненного пути.

После утраты беременности и смерти нерожденного ребенка женщины чаще всего испытывают физическую усталость, изнурение, бессонницу, уныние, печаль, повышенную раздражительность и пессимизм. Особенно сильно выражены чувства вины и самокритики. При этом отмечается нарушение доверительных отношений с другими, снижена возможность получения социальной и практической помощи. После перинатальной потери прошлое начинает восприниматься как более значимый объемный период, но наполненный неприятными событиями, касающимися самой потери, а будущее размыто и неопределенно, тесно связано с идеями новой беременности, рождением детей и полным погружением в заботу о них. Можно говорить о преобладании переживания беспомощности и тревожности по поводу возможностей достижения значимых жизненных целей, а также о том, что происходящие в жизни события неподконтрольны женщине.

Таким образом, травма перинатальной потери, на наш взгляд, требует своевременного психологического вмешательства. С одной стороны, необходимо помочь горюющей женщине осознать реальность утраты, воссоздать совместную с неродившимся ребенком историю, интегрировать ее в образ жизненного пути, помочь прожить актуальные неприятные и тяжелые переживания. Также стоит обратить внимание на возможность сделать неродившегося ребенка реальным представителем семьи, сохранив воспоминания и впечатления, его место в семье [11; 14]. Существенной становится и информация медицинского характера, проливающая свет на причину и последствия перинатальной потери, что в некоторой степени помогает справиться с переживанием беспомощности, самообвинением, беспокойством о будущем деторождении. Стоит обратить внимание на выстраивание социальной сети поддержки горюющей женщины, поскольку это один из основных факторов, влияющих на возможность совладания с утратой, в частности на выстраивание горюющими женщинами двунаправленной социальной поддержки друг друга. Особенно важно, по нашему мнению, сосредоточиться на реконструкции адекватного, оптимистичного и четкого образа будущей жизни, создании новых жизненных смыслов, которые становятся результатом продуктивного проживания горя перинатальной потери. Отдельно стоит отметить, что последующие за перинатальной потерей беременности также требуют грамотного психологического сопровождения.

Библиографические ссылки

1. Adolfsson A. *Miscarriage: women's experience and its cumulative incidence*. Linköping: Linköping University; 2006. 72 p.
2. Athey J, Spielvogel AM. Risk factors and interventions for psychological sequelae in women after miscarriage. *Primary Care Update for Ob/Gyns*. 2000;7(2):64–69. DOI: 10.1016/S1068-607X(00)00023-8.
3. Brier N. Grief following miscarriage: a comprehensive review of the literature. *Journal of Women's Health*. 2008;17(3):451–464. DOI: 10.1089/jwh.2007.0505.
4. Callister LC. Perinatal Loss: a family perspective. *Journal of Perinat & Neonatal Nursing*. 2006;20(3):227–234. DOI: 10.1097/00005237-200607000-00009.

5. Clauss DK. *Psychological distress following miscarriage and stillbirth: An examination of grief, depression and anxiety in relation to gestational length, women's attributions, perception of care and provision of information* [dissertation]. Philadelphia: Drexel University; 2009. 134 p.
6. Murlikiewicz M, Sieroszewski P. Acute stress disorder and posttraumatic stress disorder following miscarriage. *Archives of Perinatal Medicine*. 2012;18(3):157–162.
7. Scher J, Dix C. *Preventing miscarriage: the good news*. New York: Harper Perrenial; 2005. 304 p.
8. Swanson KM, Connor S, Jolley SN. Contexts and evolution of women's responses to miscarriage during the first year after loss. *Research in Nursing & Health*. 2007;30(1):2–16. DOI: 10.1002/nur.20175.
9. Кухарчик ЮВ, Гутикова ЛВ, Кухарчик ИВ. Рациональные методы терапии угрозы самопроизвольного прерывания беременности. В: Вильчук КУ, редактор. *Современные перинатальные медицинские технологии в решении проблем демографической безопасности. Выпуск 8*. Минск: Медисонт; 2015. с. 80–84.
10. Костерина ЕМ. Психологическое сопровождение перинатальных потерь. *Перинатальная психология и психология родительства*. 2004;2:94–107.
11. Leon IG. Helping families cope with perinatal loss [Internet]. *The Global Library of Women's Medicine*. 2009 January [cited 2019 June 12]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/244944608_Helping_Families_Cope_with_Perinatal_Loss. DOI: 10.3843/GLOWM10418.
12. Добряков ИВ, Блох МЕ, Фаерберг ЛМ. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горявания, формы психологической помощи. *Журнал акушерства и женских болезней*. 2015;64(3):4–10.
13. Kersting A, Wagner B. Complicated grief after perinatal loss. *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2012;14(2):187–194. DOI: PMC3384447.
14. O'Leary J. Grief and its impact on prenatal attachment in the subsequent pregnancy. *Archives of Women's Mental Health*. 2004;7(1):7–18. DOI: 10.1007/s00737-003-0037-1.
15. Mander R. *Loss and bereavement in childbearing*. New York: Routledge; 2006. 252 p.
16. Clossick E. The impact of perinatal loss on parents and the family. *Journal of Family Health Care*. 2016;26(3):11–15.
17. Завгородняя ИВ. Невынашивание беременности как переживание перинатальной утраты. *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика* [Интернет]. 2017;2 [процитировано 16 февраля 2019 г.]. Доступно по: http://medpsy.ru/climp/2017_2_16/article09.php.
18. Hughes P, Riches S. Psychosocial aspects of perinatal loss. *Current Opinion in Obstetrics and Gynecology*. 2003;15(2):107–111. DOI: 10.1097/01.gco.0000063548.93768.17.

References

1. Adolfsson A. *Miscarriage: women's experience and its cumulative incidence*. Linköping: Linköping University; 2006. 72 p.
2. Athey J, Spielvogel AM. Risk factors and interventions for psychological sequelae in women after miscarriage. *Primary Care Update for Ob/Gyns*. 2000;7(2):64–69. DOI: 10.1016/S1068-607X(00)00023-8.
3. Brier N. Grief following miscarriage: a comprehensive review of the literature. *Journal of Women's Health*. 2008;17(3):451–464. DOI: 10.1089/jwh.2007.0505.
4. Callister LC. Perinatal Loss: a family perspective. *Journal of Perinat & Neonatal Nursing*. 2006;20(3):227–234. DOI: 10.1097/00005237-200607000-00009.
5. Clauss DK. *Psychological distress following miscarriage and stillbirth: An examination of grief, depression and anxiety in relation to gestational length, women's attributions, perception of care and provision of information* [dissertation]. Philadelphia: Drexel University; 2009. 134 p.
6. Murlikiewicz M, Sieroszewski P. Acute stress disorder and posttraumatic stress disorder following miscarriage. *Archives of Perinatal Medicine*. 2012;18(3):157–162.
7. Scher J, Dix C. *Preventing miscarriage: the good news*. New York: Harper Perrenial; 2005. 304 p.
8. Swanson KM, Connor S, Jolley SN. Contexts and evolution of women's responses to miscarriage during the first year after loss. *Research in Nursing & Health*. 2007;30(1):2–16. DOI: 10.1002/nur.20175.
9. Кухарчик ЮВ, Гутикова ЛВ, Кухарчик ИВ. Rational therapies threats spontaneous abortion. In: Vilchuk KU, editor. *Sovremennye perinatal'nye meditsinskie tekhnologii v reshenii problem demograficheskoi bezopasnosti. Vypusk 8* [Modern perinatal medical technologies in solving the problems of demographic security. Issue 8.]. Minsk: Medisont; 2015. p. 80–84. Russian.
10. Kosterina EM. [Psychological support of perinatal losses]. *Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva*. 2004;2:94–107. Russian.
11. Leon IG. Helping families cope with perinatal loss [Internet]. *The Global Library of Women's Medicine*. 2009 January [cited 2019 June 12]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/244944608_Helping_Families_Cope_with_Perinatal_Loss. DOI: 10.3843/GLOWM10418.
12. Dobryakov IV, Blokh ME, Faerberg LM. Perinatal loss: psychological aspects, the specificity of mourning, forms of psychological help. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*. 2015;64(3):4–10. Russian.
13. Kersting A, Wagner B. Complicated grief after perinatal loss. *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2012;14(2):187–194. DOI: PMC3384447.
14. O'Leary J. Grief and its impact on prenatal attachment in the subsequent pregnancy. *Archives of women's Mental Health*. 2004;7(1):7–18. DOI: 10.1007/s00737-003-0037-1.
15. Mander R. *Loss and bereavement in childbearing*. New York: Routledge; 2006. 252 p.
16. Clossick E. The impact of perinatal loss on parents and the family. *Journal of Family Health Care*. 2016;26(3):11–15.
17. Zavgornodnyaya IV. [Miscarriage as an experience of perinatal loss]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika* [Internet]. 2017;5(2) [cited 2019 February 16]. Available from: http://medpsy.ru/climp/2017_2_16/article09.php. Russian.
18. Hughes P, Riches S. Psychosocial aspects of perinatal loss. *Current Opinion in Obstetrics and Gynecology*. 2003;15(2):107–111. DOI: 10.1097/01.gco.0000063548.93768.17.

Статья поступила в редакцию 01.07.2019.
Received by editorial board 01.07.2019.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСПОЛНЕННОСТЬ ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ САМООТНОШЕНИЕМ

Д. Е. ЦАГЕЛЬСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обсуждаются результаты эмпирического исследования, посвященного определению различий экзистенциальной исполненности индивидов с различным самоотношением. Экзистенциальная исполненность является значимым предиктором профессиональной эффективности и качества жизни населения. Самоотношение ввиду интегративности обладает регуляционным потенциалом и может рассматриваться в качестве косвенного фактора экзистенциальной исполненности. В исследовании были выявлены параметры самоотношения, в большей степени выраженные у индивидов с высоким уровнем экзистенциальной исполненности. Результаты исследования могут быть использованы в индивидуальном консультировании и социально-психологических тренингах.

Ключевые слова: экзистенциальная исполненность; самодистанцирование; самотрансценденция; самоотношение; самоинтерес; самоуважение; аутосимпатия.

EXISTENTIAL PERFORMANCE OF INDIVIDUALS WITH DIFFERENT SELF-RELATIONSHIP

D. E. TSAHELSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses results of an empirical study dedicated to the revealing differences in the existential fulfillment of individuals with different self-attitude. Existential fulfillment is a significant predictor of professional efficiency and quality of life of the population. Self-attitude as integrative characteristic has a regulatory potential, and can be considered as an indirect factor of existential fulfillment. The study revealed parameters of self-attitude more manifested in individuals with a high level of existential fulfillment. The results of the study can be used in individual counseling and socio-psychological training.

Keywords: existential fulfillment; self-distancing; self-transcendence; self-attitude; self-interest; self-esteem; autosympathy.

В ценностно-смысловом измерении психологическое благополучие конкретизируется в категории экзистенциальной исполненности (далее используем также понятие «исполнение» как синоним). Развитие экзистенциальной исполненности отвечает приоритетной задаче повышения профессиональной эффективности и качества жизни населения. Самоотношение как интегративное эмоциональ-

но-оценочное отношение индивида к собственной самости опосредует психические процессы и явления, что позволяет обозначить его прогностический и регуляционный потенциал. На наш взгляд, самоотношение в достаточной мере определяет процессы поиска, принятия и исполнения значимой деятельности, так как выражает отношение субъекта не только к собственной личности, но и к своим интересам.

Образец цитирования:

Цагельская Д.Е. Экзистенциальная исполненность индивидов с различным самоотношением. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:85–94.

For citation:

Tsahelskaya DE. Existential performance of individuals with different self-relationship. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:85–94. Russian.

Автор:

Дарья Евгеньевна Цагельская – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О. Г. Ксенда.

Author:

Darya E. Tsahelskaya, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
darya.tsagel@gmail.com

В данном эмпирическом исследовании проверяется гипотеза о различии экзистенциальной исполненности у индивидов с различным самоотношением. Определенные результаты были получены в ходе магистерского исследования, посвященного изучению взаимосвязи дезадаптивной вины и экзистенциальной исполненности индивидов с различным самоотношением, которое рассматривалось как значимый опосредующий фактор, компенсирующий деструктивные эффекты дезадаптивной вины для ценностно-смысловой реализации индивида. Изучение экзистенциальной исполненности индивидов с различными параметрами самоотношения позволило предварительно оценить характер взаимосвязи отобранных переменных. По мнению автора, локальные результаты этого исследования имеют практический потенциал и могут представлять интерес для научного сообщества вне контекста магистерской диссертации.

Концепт экзистенциальной исполненности обосновывается в теории смысла В. Франкла [1] и экзистенциально-аналитической теории А. Лэнгле [2]. Экзистенциальная исполненность рассматривается в контексте эвдемонического подхода к проблеме психологического благополучия, что предполагает связь удовлетворенности жизнью со смыслом и ценностью реализуемых индивидом видов деятельности. По сравнению с гедонистическим подходом эвдемоническое психологическое благополучие обеспечивается субъективным значением деятельности. Экзистенциальное исполнение включает четыре этапа: самодистанцирование, само-трансценденцию, свободу и ответственность. Первоначально осуществляется самоанализ, сравнение поведенческих альтернатив наиболее соответствующих значимым ценностям (1), затем происходит их эмоциональная проверка (2), далее принимается наиболее релевантный выбор (3), и, наконец, он реализуется при отказе от прочих поведенческих альтернатив (4). Экзистенциальная исполненность представлена на когнитивном, эмоциональном, мотивационном и поведенческом уровнях. Субъективная степень экзистенциальной исполненности основана на восприятии выраженности перечисленных компонентов. Экзистенциальное исполнение можно охарактеризовать как деятельность, направленную на ценность (В. Франкл). Субъективное переживание экзистенциальной исполненности базируется на идентификации завершенной и осуществляемой активности как релевантной наиболее значимым ценностям. Таким образом, в данном контексте жизнь воспринимается как наполненная

смыслом, значимым содержанием, что смягчает экзистенциальные конфликты, связанные, например, с невозможностью полной реализации потенциала личности или конечностью ее существования. Выполнение деятельности, в большей степени отвечающей значимым ценностям, повышает уровень профессиональной эффективности. Открытыми остаются вопросы о методах ценностно-смысловой профорientации и способах эффективной косвенной коррекции уровня экзистенциальной исполненности. Согласно экзистенциальному подходу, повышению уровня психологического благополучия способствуют не только кардинальная смена профессиональной деятельности, но и технологии нахождения смысла в ситуациях, мало отвечающих значимым ценностям, а также косвенные факторы.

Самоотношение в данной статье рассматривается как значимый фактор экзистенциальной исполненности, оно представляет собой совокупную характеристику эмоционально-оценочных отношений индивида к собственной самости [3]. Самоотношение опосредует поведение индивида [4], отношение к другим людям, личностно-средовые копинг-стратегии [5], мотивационную сферу личности [6], ввиду чего есть основания предполагать его регулятивный потенциал относительно экзистенциальной исполненности. Согласно концепции иерархической модели самоотношения [7], структура этого феномена включает самоуважение (оценочный компонент), аутосимпатию (безоценочная эмоция) и самоинтерес (переживание внутренней межличностной дистанции). Самоотношение проявляется на трех уровнях: как глобальное самоотношение, как компоненты самоотношения (самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес и ожидания отношения к себе) и как уровень конкретных действий / готовность к действиям по отношению к своему Я. Ввиду многомерности феномена самоотношения возможно регулирование его различных параметров в целях повышения экзистенциальной исполненности. Следовательно, **цель** исследования – определить специфику экзистенциальной исполненности индивидов с различным самоотношением. Будут выявлены параметры самоотношения, в большей степени связанные с уровнем экзистенциальной исполненности, что, в свою очередь, позволит определить структуру и содержание социально-психологических тренингов, индивидуального консультирования и прочих мероприятий, направленных на повышение экзистенциальной исполненности посредством регулирования самоотношения.

Методология и методы исследования

Рассмотрим методологическую основу исследования.

В соответствии с концепцией иерархической модели самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пан-

тилеева самоотношение является многомерным иерархическим феноменом [3; 7]. Иерархия самоотношения носит динамический характер, базирующийся на смысловой интеграции, которая опре-

деляет доминирующие формы самоотношения конкретного индивида.

Согласно парадигме социального конструктивизма К. Гегена, социальная категоризация на основе культурного, исторического и социального контекстов детерминирует оценки и реакции индивида [8]. Экзистенциальная исполненность рассматривается здесь как социальный конструкт, опосредуемый индивидуальным опытом и самоотношением индивида.

В концепции Франкла смысл понимается как «направленность на ценность» и является основным условием исполнения экзистенции [1; 2]. Исполненная экзистенция соответствует осмысленной (осознанной) жизни, так как принятые и осуществляемые решения отвечают личным ценностям индивида.

В исследовании использовался опросный метод, а для сбора эмпирических данных в рамках выбранной методологии – следующие методики: шкала экзистенции *C. Orgler* (адаптация И. Н. Майниной) [2] и тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантилеева, приведенный Н. С. Глуханюк [9]. В исследовании приняли участие 203 испытуемых (103 женщины и 100 мужчин) в возрасте от 17 до 64 лет: студенты БГУ различных факультетов и специальностей (51 девушка и 50 юношей); сотрудники различных организаций г. Минска (52 женщины и 50 мужчин). Для статистической обработки данных был применен пакет *IBM SPSS Statistics v. 21*, для определения различий между группами – критерий Манна – Уитни. Проведено сравнение самоотношения групп с низким/высоким уровнями экзистенциальной исполненности.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате обработки данных был выявлен ряд статистически значимых различий в показателях самоотношения между группами с низким и высоким уровнями экзистенциальной исполненности. В табл. 1 представлено самоотношение индивидов

с низким и высоким уровнями самодистанцирования, под которым следует понимать способность к рефлексии и самопознанию, выделению и аналитическому сравнению жизненных поведенческих перспектив различной степени субъективной ценности.

Таблица 1

Самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями самодистанцирования

Table 1

Self-attitude of individuals with low and high levels of self-distance

Показатели самоотношения	Средний ранг показателя самоотношения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости, p
	Самодистанцирование			
	Низкий уровень	Высокий уровень		
Глобальное самоотношение	90,61	113,50	3989,5	≤ 0,01
Самоуважение	92,63	111,47	4195,0	≤ 0,05
Аутосимпатия	95,00	109,07	4437,0	–
Ожидаемое отношение других	93,12	110,97	4245,0	≤ 0,05
Самоинтерес (форма самоотношения)	89,36	114,76	3862,0	≤ 0,01
Самоуверенность	92,74	111,35	4206,5	≤ 0,05
Отношение других	93,63	110,45	4297,5	≤ 0,05
Самопринятие	92,22	111,88	4153,5	≤ 0,05
Самопоследовательность (саморуководство)	96,11	107,95	4550,5	–
Самообвинение	104,62	99,36	4884,0	–
Самоинтерес	88,84	115,29	3808,5	≤ 0,001
Самопонимание	99,35	104,68	4880,5	–

У индивидов с высокими и низкими показателями самодистанцирования статистически различаются глобальное самоотношение ($p \leq 0,01$), самоуважение ($p \leq 0,05$), ожидание отношения со стороны других ($p \leq 0,05$), самоинтерес как форма самоотношения ($p \leq 0,01$), самоуверенность ($p \leq 0,05$), отношение других ($p \leq 0,05$), самопринятие ($p \leq 0,05$), самоинтерес ($p \leq 0,001$). Испытуемые с более высоким уровнем самодистанцирования имеют более высокие показатели глобального самоотношения по сравнению с индивидами с более низким уровнем самодистанцирования ($p \leq 0,01$). Респонденты, умеющие дистанцироваться от ситуации, рационально оценивать альтернативные ценностно-приемлемые варианты поведения, характеризуются позитивным глобальным самоотношением, недифференцированным чувством «за себя». Интегральная позитивная эмоциональная оценка собственной личности способствует эмоциональному комфорту при анализе собственных возможностей, а также равной вероятности их осознания.

Испытуемые с более высокими показателями самодистанцирования, уверенные в своей ценности, своих планах и действиях, критически оценивающие свои достоинства и недостатки, умеют осмысливать ситуацию с различных точек зрения и учитывать свое эмоциональное отношение к ней. Испытуемые, которые оценивают себя как неценных, сомневаются в своих планах и решениях, противоречивы в своих действиях, а также испытывают трудности при объяснении причин своего поведения, чаще концентрируются на одной позиции или поведенческой альтернативе и не способны эмоционально дистанцироваться от ситуаций. Исследователями было также подтверждено, что контроль поведения и планирование являются существенными факторами самодистанцирования [10].

Респонденты с более высокими показателями самодистанцирования характеризуются более выраженным ожидаемым отношением к себе других по сравнению с испытуемыми с более низкими показателями самодистанцирования ($p \leq 0,05$). Индивиды, склонные к конструированию положительного отношения к себе со стороны окружающих и ожиданию их одобрения, могут дистанцироваться от конкретных ситуаций и сравнить поведенческие альтернативы по значимым характеристикам и ценностным параметрам. В исследованиях О. И. Даниленко и О. И. Юревич отмечается отсутствие статистически значимой корреляционной связи между уровнем самоотрансценденции и показателями антиципационной состоятельности [11]. Полученные в нашем исследовании результаты могут быть объяснены антиципацией нормативной социальной желательности и дифференцированными представлениями о самости с учетом самооценностных характеристик.

Испытуемые с более высокими показателями самодистанцирования имеют более высокий уровень самоинтереса как формы самоотношения ($p \leq 0,001$) в отличие от испытуемых с более низкими показателями самодистанцирования. Респонденты, склонные больше интересоваться собственными психическими процессами и уверенные в том, что они вызывают интерес у других, способны эмоционально дистанцироваться от ситуации и анализировать ее фактические характеристики. Самодистанцирование, вероятно, является следствием интенсивно выраженного самоинтереса, который предполагает изучение особенностей собственной личности в различных условиях и ситуациях, дистинкцию объективированных и субъективно воспринимаемых личностных черт, реконструирование позиций других людей. Выраженный самоинтерес также предполагает рефлексивную позицию к собственным психическим процессам, что способствует самодистанцированию.

У индивидов с более высоким уровнем самодистанцирования выявлены более высокие показатели самоуверенности ($p \leq 0,05$) и отношения других ($p \leq 0,05$). Респонденты, уверенные в своих планах и целях, положительном отношении к себе окружающих и их поддержке, способны эмоционально дистанцироваться от ситуации, критически сравнивать поведенческие альтернативы. Испытуемые с более высокими показателями самодистанцирования характеризуются также более высоким уровнем самопринятия ($p \leq 0,05$) и самоинтереса ($p \leq 0,001$), т. е. индивиды, принимающие собственные личностные особенности и недостатки, интересующиеся своими психическими процессами и собственной личностью, чаще изучают текущие и возможные социальные ситуации, а также критически их оценивают. Подобные различия самоотношения на уровне действий и готовности к действиям у индивидов с низким и высоким уровнями самодистанцирования могут быть обоснованы рефлексивной принимающей позицией, свойственной испытуемым, у которых выражен данный компонент экзистенциальной исполненности.

В табл. 2 представлено самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями самоотрансценденции. Под самоотрансценденцией в данном контексте понимается умение быть эмоционально сензитивным, различать степени субъективной ценности каких-либо действий или видов активности.

Индивиды с различной самоотрансценденцией имеют статистические различия по следующим шкалам: глобальное самоотношение ($p \leq 0,001$), самоуважение ($p \leq 0,001$), ожидание отношения других ($p \leq 0,001$), самоинтерес как форма самоотношения ($p \leq 0,001$), самоуверенность ($p \leq 0,001$), отношение других ($p \leq 0,001$), самопринятие ($p \leq 0,001$), саморуководство ($p \leq 0,05$), самоинтерес ($p \leq 0,001$). Индивиды с высоким уровнем самоотрансценденции

имеют позитивное глобальное самоотношение в отличие от тех, у кого отмечен низкий уровень самоотрансценденции. Индивиды, имеющие позитивное глобальное самоотношение, недифференцированное чувство «за себя», распознают специфичность эмоций, направленных на ценность, и склонны к со-

переживанию. Позитивное глобальное самоотношение предполагает наличие видов деятельности, вызывающих переживание ценности и рефлексия этой эмоциональной реакции, что связано с реализацией мотива стремления к удовольствию с учетом интересов личности.

Таблица 2

Самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями самоотрансценденции

Table 2

Self-attitude of individuals with low and high levels of self-transcendence

Показатели самоотношения	Средний ранг показателей самоотношения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости, <i>p</i>
	Самотрансценденция			
	Низкий уровень	Высокий уровень		
Глобальное самоотношение	85,83	118,66	3484,0	≤ 0,001
Самоуважение	88,31	116,10	3740,0	≤ 0,001
Аутосимпатия	95,69	108,50	4500,0	–
Ожидаемое отношение других	80,32	124,34	2916,5	≤ 0,001
Самоинтерес (форма само- отношения)	78,98	125,71	2779,0	≤ 0,001
Самоуверенность	88,33	116,08	3742,5	≤ 0,001
Отношение других	82,23	122,36	3114,0	≤ 0,001
Самопринятие	88,97	115,42	3808,0	≤ 0,001
Самопоследовательность (саморуководство)	93,02	111,25	4225,5	≤ 0,05
Самообвинение	100,54	103,5	5000,0	–
Самоинтерес	76,66	128,11	2539,5	≤ 0,001
Самопонимание	98,71	105,39	4811,0	–

Респонденты с более высокими показателями самоотрансценденции имеют также более высокие показатели по шкале самоуважения по сравнению с респондентами с более низкими показателями самоотрансценденции. Так, индивиды, критически оценивающие свои достоинства и недостатки, уверенные в своей ценности и контроле ситуации, составляющие реалистичные планы с учетом своих способностей и возможностей, распознают специфику эмоций, релевантных значимым ценностям. Высокий уровень категоризации эмоциональных реакций, направленных на ценность (т. е. реакций, реализующих специфические потребности, релевантные интересам индивида), вероятно, способствует повышению самоуважения. Низкая оценка своих возможностей и способностей, акцентирование собственных недостатков затрудняют распознавание специфических эмоций, направленных на значимые действия, и осознание сложных амбивалентных эмоциональных реакций. По данным качественного исследования Д. Ковард, при достижении высокого уровня самоотрансценденции повышает-

ся также ценность себя (англ. *valuing of self*), что способствует реализации действий, направленных на потребности индивида, а не на потребности, индуцированные другими людьми [12].

У респондентов с высоким уровнем самоотрансценденции более высокие показатели ожидаемого отношения к себе других ($p \leq 0,001$), чем у тех, у кого низкий уровень самоотрансценденции, т. е. индивид, склонный к конструированию и ожиданию положительного эмоционального отношения к себе других людей, акцентированию окружающими его достоинств, более способен распознавать специфику эмоциональных реакций, направленных на ценность.

У испытуемых с высокими показателями самоотрансценденции выявлен более высокий уровень самоинтереса на уровне формы самоотношения ($p \leq 0,001$) по сравнению с теми, у кого низкие показатели самоотрансценденции. Повышенный интерес к собственной личности и уверенность индивидов в том, что они интересны для других, также сочетаются с высоким уровнем способностей к распознаванию специфических эмоциональных реак-

ций, направленных на ценность, и эмоциональной включенностью. Самоинтерес, вероятно, является следствием расширенной категоризации феноменов эмоциональной сферы, с другой стороны, детализация и дистинкция специфики эмоций способствуют появлению конструктивного самоинтереса.

На уровне действий / готовности к действиям у индивидов с различной самотрансценденцией были выявлены различия по шкалам самоуверенности ($p \leq 0,001$), отношения других ($p \leq 0,001$), самопринятия ($p \leq 0,001$), самоинтереса ($p \leq 0,001$), саморукводства ($p \leq 0,05$). Респонденты, которые уверены в своих планах и решениях, положительном отношении к себе окружающих, демонстрируют последовательное и рациональное поведение, принимают

свои недостатки и проявляют интерес к собственным мыслям и чувствам, обладают более развитыми способностями к эмоциональному включению и распознаванию степени значимости эмоциональных реакций. Индивиды, которые характеризуются неуверенностью в своих планах, нуждаются в поддержке своих решений со стороны окружающих, часто противоречат себе и не могут объяснить причины своих поступков, считают себя неинтересными, с трудом различают значимые эмоции.

В табл. 3 представлено самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями свободы. Свободу можно охарактеризовать как способность делать выбор (решаться на него), отвечающий наиболее значимым ценностям.

Таблица 3

Самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями свободы

Table 3

Self-attitude of individuals with low and high levels of freedom

Показатели самоотношения	Средний ранг показателей самоотношения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости, p
	Свобода			
	Низкий уровень	Высокий уровень		
Глобальное самоотношение	89,07	114,80	3845,5	$\leq 0,01$
Самоуважение	88,79	115,08	3817,0	$\leq 0,001$
Аутосимпатия	91,35	112,54	4075,5	$\leq 0,01$
Ожидаемое отношение других	97,55	106,41	4701,5	–
Самоинтерес (форма самоотношения)	95,30	108,64	4474,0	–
Самоуверенность	87,73	116,13	3710,0	$\leq 0,001$
Отношение других	101,58	102,41	5109,0	–
Самопринятие	92,72	111,19	4214,0	$\leq 0,05$
Самопоследовательность (саморукводство)	97,97	106,00	4743,5	–
Самообвинение	108,20	95,86	4525,0	–
Самоинтерес	93,93	110,00	4335,5	$\leq 0,05$
Самопонимание	98,18	105,78	4765,0	–

Индивиды с низкими и высокими показателями свободы имеют статистически значимые различия по шкалам глобального самоотношения ($p \leq 0,01$), самоуважения ($p \leq 0,001$), аутосимпатии ($p \leq 0,01$), самоуверенности ($p \leq 0,001$), самопринятия ($p \leq 0,05$) и самоинтереса ($p \leq 0,05$). Респонденты с высоким уровнем свободы имеют более высокие показатели глобального самоотношения, в отличие от респондентов с низким уровнем свободы. Испытуемые, склонные к позитивному глобальному самоотношению, недифференцированному чувству «за себя», имеют высокую степень принятия выбора, отвечающего наиболее значимым ценностям (при исключе-

нии других поведенческих альтернатив). Конгруэнтность свидетельствует о стремлении осуществлять поведенческие выборы согласно ценностям. У индивидов с низкими показателями свободы выявлен более низкий уровень самоуважения, чем у индивидов с высокими показателями свободы, индивиды, концентрирующиеся на собственных недостатках, неуверенные в своей ценности и низко оценивающие свои возможности, имеют низкую степень принятия выбора, соответствующего значимым ценностям, что согласуется с данными О. И. Даниленко об низких показателях антиципационной состоятельности у индивидов с низким уровнем свободы

(в понимании В. Франкла) [11]. Низкая оценка своей личности и неуверенность являются причинами отказа от действий, соответствующих приоритетным ценностям. Подобное самоуважение, сформированное первоначально через отношение значимых других / референтной группы, может сочетаться с индуцированными целями и потребностями, противоречащими реальным интересам индивида, что также затрудняет развитие высокого уровня свободы.

Респонденты с высокой степенью выраженности свободы имеют также более высокий уровень аутосимпатии ($p \leq 0,01$) по сравнению с индивидами с низкой степенью выраженности свободы. Испытуемые, проявляющие положительное эмоциональное отношение к себе и осознающие свои недостатки, склонны принимать решения в пользу действий, направленных на значимые ценности. Если неудачи или личностные особенности не связаны с негативной эмоциональной оценкой личности и самообвинением, возможно принятие решений, противоречащих мнению значимых других, не получающих социально-психологической поддержки. По результатам исследования Н. В. Панковой, аутосимпатия способствует повышению адаптационного потенциала, что позволяет предположить, что принятие вариативного решения о совершении действий, направленных на ценность, также является адаптивным паттерном поведения [13]. Согласно

данным М. Т. Таллибулиной, свобода (в понимании В. Франкла) и аутосимпатия имеют прямые положительные связи с общим показателем счастья [14], т. е. данные параметры соотносятся прямо пропорционально.

Индивиды с более высоким уровнем свободы имеют более высокие показатели по шкалам самоуверенности ($p \leq 0,001$), самопринятия ($p \leq 0,05$) и самоинтереса ($p \leq 0,05$) на уровне действий и готовности к ним. Респонденты, которые уверены в своих планах и способностях, последовательны в действиях, учитывают свои личностные особенности, принимают свои недостатки, проявляют значительный интерес к своим чувствам, мыслям и позициям, имеют более высокую степень принятия выбора, отвечающего значимым ценностям. Испытуемые, которые сомневаются в собственных решениях и возможностях, часто меняют планы, склонны к самообвинению, чаще выбирают действия, не соответствующие значимым ценностям. Возможно, эти действия и готовность к ним не позволяют критически осмыслить ситуацию и стремиться к поиску решений, соответствующих приоритетным ценностям.

В табл. 4 представлено самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями ответственности, под которой понимается опыт или умение осуществлять деятельность, направленную на значимые ценности.

Таблица 4

Самоотношение индивидов с низким и высоким уровнями ответственности

Table 4

Self-attitude of individuals with low and high levels of responsibility

Показатели самоотношения	Средний ранг показателей самоотношения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости, p
	Ответственность			
	Низкий уровень	Высокий уровень		
Глобальное самоотношение	89,41	113,75	3911,5	$\leq 0,01$
Самоуважение	91,47	111,83	4113,0	$\leq 0,05$
Аутосимпатия	95,01	108,52	4460,0	–
Ожидаемое отношение других	96,90	106,76	4645,0	–
Самоинтерес (форма самоотношения)	98,82	104,97	4833,5	–
Самоуверенность	91,92	111,41	4157,0	$\leq 0,05$
Отношение других	99,57	104,27	4906,5	–
Самопринятие	92,59	110,79	4222,5	$\leq 0,05$
Самопоследовательность (саморуководство)	101,04	102,90	5051,0	–
Самообвинение	110,63	93,95	4299,5	$\leq 0,05$
Самоинтерес	96,14	107,47	4571,0	–
Самопонимание	95,80	107,79	4537,0	–

У респондентов с низкими и высокими показателями ответственности имеются статистически значимые различия по таким шкалам, как глобальное самоотношение ($p \leq 0,01$), самоуважение ($p \leq 0,05$), самоуверенность ($p \leq 0,05$), самопринятие ($p \leq 0,05$), самообвинение ($p \leq 0,05$). У испытуемых с более высоким уровнем ответственности более высокие показатели глобального самоотношения ($p \leq 0,01$) по сравнению с испытуемыми с более низким уровнем ответственности, а имеющие позитивное глобальное самоотношение, недифференцированное чувство «за себя» осуществляют действия, направленные на ценность, принимают ответственность за их последствия как в своей жизни, так и в жизни окружающих. Индивиды с более низкой ответственностью имеют более низкий показатель самоуважения ($p \leq 0,05$) по сравнению с теми, кто обладает более высокой ответственностью. Сомневающиеся в своих планах и решениях оценивают себя как неценных или малоспособных, не реализуют действия, направленные на ценность. Индивидам, неуверенным в своих целях и возможностях, для осуществления действий, направленных на ценность, требуется критическая рефлексия собственных достоинств и недостатков и поддержка со стороны окружающих. Систематический неуспех в определенном виде активности, соответствующей значимым ценностям, снижает самоуважение и может приводить к ориентации на деятельность, выполняемую более эффективно, однако не отвечающую приоритетным ценностям.

Индивиды с высокой степенью ответственности имеют более высокие показатели самоуверенности ($p \leq 0,05$) и самопринятия ($p \leq 0,05$), но более низкие показатели самообвинения ($p \leq 0,05$) на уровне действий / готовности к действиям. Индивиды, которые уверены в своих планах и целях, принимают свои достоинства, недостатки и личностные особенности, чаще совершают действия, направленные на ценность. Высокий показатель самопринятия на уровне действий также предполагает эмоциональный комфорт при преследовании собственных целей и интересов, что повышает возможность осуществления действий, направленных на ценность.

Различия в показателях самоотношения у групп с низкой и высокой самоотрансценденцией имели самые высокие уровни значимости, что позволяет констатировать наиболее высокую экстраполируемость результатов для данных различий. Так, признание собственной ценности, положительное ожидаемое отношение окружающих, высокий самоинтерес и самопринятие способствуют распознаванию специфических эмоций, релевантных ценностям индивида.

Показатель самоинтереса является более существенным для таких этапов экзистенциального исполнения, как самодистанцирование и самоотранс-

ценденция, т. е. процессов, связанных с рефлексией, самоисследованием и самопониманием. Самоинтерес способствует определению собственных личностных особенностей, достоинств и недостатков, жизненных целей и принципов. Также было выявлено, что на данных этапах существенным фактором экзистенциальной исполненности является ожидаемое отношение других и отношение других на уровне действий / готовности к действиям: данные параметры в большей степени проявлены у индивидов с высоким уровнем самодистанцирования и самоотрансценденцией, т. е. ожидаемое положительное отношение окружающих, реконструирующее самооценный образ индивида и его достоинства, значимо на начальных этапах экзистенциального исполнения при сравнении поведенческих альтернатив и их эмоциональной проверке на соответствие ценностям. Выраженный самоинтерес и положительное ожидаемое отношение окружающих несущественны для принятия выбора, конгруэнтного ценностям, и его поведенческой реализации.

Параметр аутосимпатии в структуре самоотношения является значимым для проявления свободы. Положительное эмоциональное отношение индивида к самому себе в большей степени важно для принятия поведенческого выбора, отвечающего личным ценностям, и отказа от прочих поведенческих альтернатив. Показатель самообвинения важен для последнего этапа экзистенциальной исполненности – поведенческого осуществления выбора, в наибольшей мере согласующегося со значимыми ценностями. Индивиды с более низким уровнем самообвинения и реалистическим оптимизмом чаще реализуют деятельность в соответствии со значимыми ценностями, чем индивиды с высоким уровнем самообвинения и пессимистичным атрибутивным стилем. Сходные данные о связи атрибуции и общего показателя счастья были выявлены в исследовании М. Т. Таллибулиной [14].

По шкалам глобального самоотношения, самоуважения, самоуверенности и самопринятия выявлены статистически значимые различия между индивидами с низким и высоким уровнями всех компонентов экзистенциальной исполненности, что свидетельствует о значительности указанных параметров самоотношения для ценностно-смыслового измерения психологического благополучия. Недифференцированное чувство «за себя», признание собственной ценности и достоинств, акцентирование положительных черт и самопринятие выявлены у индивидов с более высоким уровнем четырех компонентов экзистенциальной исполненности. Проведенный статистический анализ не позволяет установить причинно-следственную связь между параметрами, и в целом, судя по полученным данным, можно констатировать взаимообусловленность данных феноменов. Следовательно, можно

предположить, что коррекция самооотношения может быть косвенным фактором повышения экзистенциальной исполненности.

Итак, в результате эмпирического исследования были выявлены различия экзистенциальной исполненности индивидов с различным самооотношением, выдвинутая гипотеза была подтверждена. Ограничения исследования состоят в характеристиках выборки, специфике инструментария, отсутствии дополнительной экспериментальной проверки влияния социально-психологических мероприятий по повышению самооотношения на уровень экзистенциальной исполненности. Полученные данные могут быть использованы в индивидуальном консультировании и социально-психологических тренингах. Основные выводы исследования отражены в следующих авторских рекомендациях.

На первых этапах экзистенциального исполнения основной задачей является самоисследование, связанное с пониманием индивидом своих личностных особенностей и мотивационной сферы, дистинкцией эмоциональных реакций. Повышение самоинтереса и самопознания путем изучения реконструированного мнения окружающих значи-

мо для осуществления самодистанцирования и самотрансценденции.

Принятие индивидом выбора осуществлять деятельность, в большей степени отвечающую значимым ценностям, может быть обеспечено коррекцией таких параметров самооотношения, как самоинтерес и аутосимпатия. Данные формы самооотношения представляют внутренний ресурс фасилитации и самоподдержки.

Для поведенческой реализации индивидом самоценной деятельности существенным фактором является выраженность самообвинения. Обучение корректной атрибуции происходящих событий или, например, реалистическому оптимизму будет способствовать продолжению деятельности, направленной на значимые ценности.

Для всех компонентов экзистенциальной исполненности является существенным уровень глобального самооотношения, самоуважения, самоуверенности и самопринятия индивида. Для экзистенциального исполнения наиболее значимо в структуре самооотношения признание собственной ценности, принятие достоинств, недостатков и личностных особенностей.

Библиографические ссылки

1. Лэнгле А. Концепция смысла В. Франкла – вклад в психотерапию. *Экзистенциальный анализ*. 2009;1:47–78.
2. Кривцова СВ, Лэнгле А, Орглер К. Шкала экзистенции (*Existenzskala*) А. Лэнгле и К. Орглер. *Экзистенциальный анализ*. 2009;1:141–170.
3. Столин ВВ. *Самосознание личности*. Москва: МГУ; 1983. 284 с.
4. Любимова ОМ. Самоотношение в контекстах эмпирики современных социально-психологических исследований девиантного поведения. *Известия Алтайского государственного университета*. 2011;2(1):48–52.
5. Олейник АО. Особенности взаимосвязи самооотношения с механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями в подростковом возрасте. В: Берлов АВ, Чупров ЛФ, редакторы. *Международна научна школа «Парадигма». Лято-2015; 20–23 августа 2015 г.; Варна, Болгария. Том 4. Психология*. Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма»; 2015. с. 261–267.
6. Сапожникова РБ. *Психологические факторы формирования самооотношения личности* [автореферат диссертации]. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 1998. 19 с.
7. Пантйлеев СР. *Самоотношение как эмоционально-оценочная система*. Москва: Издательство Московского университета; 1991. 100 с.
8. Gergen K. Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973;26(2):309–320. DOI: 10.1037/p0034436.
9. Глуханюк НС. *Практикум по психодиагностике*. Москва: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК; 2003. 192 с.
10. Kundi M, Wurst E, Längle A. Existential analytical aspects of mental health. *European Psychotherapy*. 2003;4(1):87–96.
11. Даниленко ОИ, Юревич ОИ. Взаимосвязь уровня антиципационной состоятельности с характеристиками экзистенциальной исполненности человека. В: Попов ЛМ, редактор. *Бехтерев и современная психология человечности. Материалы V международной научно-практической конференции; 10–12 сентября 2015 г.; Казань, Россия*. Казань: Отечество; 2015. с. 171–178.
12. Coward D. The lived experience of self-transcendence in women with advanced breast cancer. *Nursing Science Quarterly*. 1990;3(4):162–169. DOI: 10.1177/089431849000300408.
13. Панкова НВ. Субъективное благополучие как условие сохранения психологической безопасности личности. В: Богдан АИ, редактор. *Традиции и инновации в учебно-воспитательном процессе современного университета. Сборник материалов 12-й региональной научно-практической конференции; 20 мая 2011 г.; Владивосток, Россия*. Владивосток: Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского; 2013. с. 12–15.
14. Таллибулина МТ. Личностный портрет счастливого человека. В: Краскова НА, Плесканюк ТН, редакторы. *Современная психология: методология, парадигмы, теории. Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции; 25 марта 2016 г.; Нижний Новгород, Россия*. Нижний Новгород: Профессиональная наука; 2016. с. 16–26.

References

1. Längle A. [Concept of the sense by V. Frankl is a contribution to psychotherapy]. *Ekzistentsial'nyi analiz*. 2009;1:47–78. Russian.
2. Krivtsova SV, Längle A, Orgler C. [Existenzskala by A. Längle and C. Orgler]. *Ekzistentsial'nyi analiz*. 2009;1:141–170. Russian.
3. Stolin VV. *Samosoznanie lichnosti* [Self-consciousness]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University; 1983. 284 p. Russian.
4. Lyubimova OM. Self-attitude in contexts of modern social-psychological empirical studies of deviational behavior. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;2(1):48–52. Russian.
5. Oleinik AO. Features of the relationship of self-attitude with the mechanisms of psychological protection and coping strategies in adolescence. In: Berlov AV, Chuprov LF, editors. *Mezhdunarodna nauchna shkola «Paradigma». Lyato-2015; 20–23 avgusta 2015 g.; Varna, Bolgariya. Tom 4. Psikhologiya* [International scientific school «Paradigm». Summer-2015; 2015 August 20–23; Varna, Bulgaria]. Varna: Tsentra za nauchni izsledovaniya i informatsiya «Paradigma»; 2015. p. 261–267. Russian.
6. Sapozhnikova RB. *Psikhologicheskie faktory formirovaniya samootnosheniya lichnosti* [Psychological factors in the formation of self-relationship of personality] [dissertation abstract]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 1998. 19 p. Russian.
7. Pantileev SR. *Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenochnaya sistema* [Self-attitude as an emotional-evaluative system]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University; 1991. 100 p. Russian.
8. Gergen K. Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973;26(2):309–320. DOI: 10.1037/n0034436.
9. Glukhanyuk NS. *Praktikum po psikhodiagnostike* [Practical work on psychodiagnostics]. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute. Voronezh: MODEK; 2005. 192 p. Russian.
10. Kundi M, Wurst E, Längle A. Existential analytical aspects of mental health. *European Psychotherapy*. 2003;4(1):87–96.
11. Danilenko OI, Yurevich OI. [Interrelation of the level of anticipatory solvency with the characteristics of existential person's fulfillment]. In: Popov LM, editor. *Bekhterev i sovremennaya psikhologiya chelovechnosti. Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 10–12 sentyabrya 2015; Kazan', Rossiya* [Bekhterev and modern psychology of humanity. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference; 2015 September 10–12; Kazan, Russia]. Kazan: Otechestvo; 2015. p. 171–178. Russian.
12. Coward D. The lived experience of self-transcendence in women with advanced breast cancer. *Nursing Science Quarterly*. 1990;3(4):162–169. DOI: 10.1177/089431849000300408.
13. Pankova NV. [Subjective well-being as a condition for the preservation of the psychological security of the individual]. In: Bogdan AI, editor. *Traditsii i innovatsii v uchebno-vospitatel'nom protsesse sovremennogo universiteta. Sbornik materialov 12-i regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20 maya 2011 g.; Vladivostok, Rossiya* [Traditions and innovations in the educational process of the modern university. Proceedings of the 12th regional scientific and practical conference; 2011 May 20; Vladivostok, Russia]. Vladivostok: Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy; 2013. p. 12–15. Russian.
14. Tallibulina MT. [Personal portrait of a happy person]. In: Krasnova NA, Pleskanuk TN, editors. *Sovremennaya psikhologiya: metodologiya, paradigmy, teorii. Sbornik nauchnykh trudov po materialam I mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 25 marta 2016 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Modern psychology: methodology, paradigms, theories. Collection of scientific papers on the proceedings of the 1st international scientific and practical conference; 2016 March 25; Nizhny Novgorod, Russia]. Nizhnii Novgorod: Professional'naya nauka; 2016. p. 16–26. Russian.

Статья поступила в редакцию 01.08.2019.
Received by editorial board 01.08.2019.

ПРОДУКТИВНЫЕ И НЕПРОДУКТИВНЫЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ПАРАЛИМПИЙЦЕВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ НАРУШЕНИЙ

Н. А. ШЕСТИЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Интенсификация внимания к паралимпийскому движению и привлечение людей с ограниченными возможностями к профессиональному спорту делают актуальным изучение психологических особенностей паралимпийцев, в частности проблемы преодоления ими стресса. Проведен анализ различий между спортсменами с нарушениями зрения, слуха и опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: спорт; адаптивный спорт; стресс; копинг-стратегии; паралимпийцы.

PRODUCTIVE AND NON-PRODUCTIVE COPING STRATEGIES OF PARALYMPIANS WITH DIFFERENT TYPES OF DISORDERS

N. A. SHESTILOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Increasing of attention to the Paralympic movement and involvement of people with disabilities in professional sports makes actual studying the psychological characteristics of Paralympians, and in particular, the problem of overcoming stress especially for athlete with disabilities – the Paralympians. The article analyzes the differences between athletes with different disorders (with visual impairment, hearing impairment and wheelchair users).

Keywords: sport; adaptive sport; stress; coping strategies; Paralympians.

Введение

Паралимпийский спорт – важная составная часть международных спортивных соревнований. В последние годы увеличилось число видов спорта, включенных в Паралимпийские игры, сместились приоритеты (с реабилитационных на спортивно-результативные) в системе физических занятий лиц с ограниченными возможностями, количество участников Паралимпийских игр регулируется путем использования механизмов гандикапной классификации спортсменов-паралимпийцев, снизились требования к ограничению функциональных возможностей спортсменов в различных дисциплинах паралимпийского спорта (охват большего числа нозологических групп) и др. [1].

Первые официальные Паралимпийские игры (летние) состоялись в 1960 г. в Италии. После их проведения началось стремительное развитие паралимпийского движения во всем мире, а в 1976 г. прошли первые зимние Паралимпийские игры в Швеции. В 2001 г. Международным олимпийским комитетом и Международным паралимпийским комитетом было подписано соглашение, согласно которому с 2008 г. Паралимпийские игры должны проходить в тот же год, что и Олимпийские, и на них должны использоваться те же объекты, что и на Олимпийских играх. Все больше видов спорта включаются в программы Паралимпийских игр (в зимние виды спорта в 2006 г. – керлинг, в 2018 г. –

Образец цитирования:

Шестиловская НА. Продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии паралимпийцев с различными типами нарушений. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:95–101.

For citation:

Shetilovskaya NA. Productive and non-productive coping strategies of Paralympians with different types of disorders. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:95–101. Russian.

Автор:

Наталья Александровна Шестиловская – старший преподаватель кафедры экологии человека факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia A. Shetilovskaya, senior lecturer at the department of human ecology, faculty of social and cultural communications.
flower27@mail.ru

парасноуборд; в летние виды в 2004 г. – футбол (5×5), волейбол сидя, теннис на инвалидных колясках; в 2016 г. – триатлон, гребля на байдарках и каноэ; в 2020 г. добавлено 12 дисциплин в уже включенные виды спорта) [2, с. 1209–1212; 3]. Советом Международного паралимпийского комитета в январе 2019 г. рассмотрено 23 вида спорта, уже вошедших в программу Олимпиады-2020, после чего была принята программа XVII летних Паралимпийских игр 2024 г., которые пройдут в Париже¹. Все это свидетельствует об усилении внимания к паралимпийскому движению, которое стало неотъемлемой частью спортивного процесса. В связи с этим становится актуальным изучение проблем, касающихся спортсменов из спорта высших достижений, в частности проблемы преодоления стресса. Исследование стратегий совладания со стрессом (копинг-стратегий) приобретает особый смысл при изучении паралимпийцев – людей с ограниченными возможностями, занимающихся профессиональным спортом.

В Единой всероссийской спортивной классификации, созданной в середине 1990-х гг., были разработаны нормативы, ограниченные пространственно-временными показателями по большинству видов спорта. При этом данные нормы в дисциплинах паралимпийских видов спорта установлены для каждого спортивно-функционального класса, что обеспечивает учет функциональных особенностей инвалидности у лиц с ограниченными возможностями [4; 5].

Анализ научной литературы и данных прикладных исследований свидетельствует о том, что психологические особенности спортсменов-паралимпийцев существенно отличаются от инвалидов, имеющих такие же функциональные нарушения зрения, слуха или опорно-двигательного аппарата (ОДА), в том числе инвалидов, непрофессионально занимающихся спортом. Эти различия существуют

и в процессах саморегуляции и активизации копинг-стратегий. Профессиональный спорт, спорт высших достижений положительно влияют на физическое и психологическое состояние спортсмена-инвалида, в частности повышают уверенность в себе, способствуют процессу ресоциализации и социальной адаптации, а для тех паралимпийцев, которые завоевывают медали, обеспечивают выход на более высокий социальный уровень [6]. В исследовании Л. Р. Макиной показано, что развитие волевых качеств содействует развитию физических способностей у спортсменов с нарушением зрения [7]. В ходе занятий легкой атлетикой формируются такие волевые качества, как целеустремленность, настойчивость и упорство, самостоятельность и инициативность, решительность и смелость, выдержка и самообладание [7].

Можно предположить специфичность предпочтений при использовании копинг-стратегий людьми с ограниченными возможностями в силу характеристик психофизиологического статуса, который определяет их психологические особенности. Например, выделяют следующие психологические особенности: у лиц с нарушением зрения – ограничение социальных контактов, что снижает способность устанавливать и поддерживать дружеские отношения с другими людьми, чувство одиночества, страх и зависимость, часто возникающие из-за чрезмерной опеки; у лиц с нарушением слуха – язык жестов, который особенно важен для социализации, нарушение способности поддерживать равновесие (легкие нарушения работы вестибулярного аппарата); у лиц с церебральным параличом – недостаток уверенности в себе, низкий уровень мотивации и нарушенное представление о собственном теле [8].

На основании ранее проведенных исследований [9] было выдвинуто предположение о различии между паралимпийцами по гендерному признаку.

Материалы и методы исследования

Для диагностики копинг-стратегий был применен опросник COPE (в адаптации Т. О. Гордевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой) [9–11]. Выбор данной методики обусловлен несколькими причинами: опросник имеет высокую диагностическую валидность и многомерность, включает три основных группы копинг-стратегий (когнитивные, поведенческие и эмоциональные), однако при этом пока не зафиксированы примеры ее использования в спортивной деятельности; содержание шкал соответствует основным процессам саморегуляции спортсменов, обеспечивающих эффективность спортивной деятельности [9; 10].

Методика COPE включает продуктивные (позитивное переформулирование и личностный рост,

активное совладание, принятие, подавление конкурирующей деятельности, планирование) и непродуктивные копинг-стратегии (мысленный уход от проблемы, концентрация на эмоциях и их активное выражение, использование инструментальной социальной поддержки, отрицание, обращение к религии, юмор, поведенческий уход от проблемы, сдерживание, использование эмоциональной социальной поддержки, использование успокоительных) [12]. Разграничение продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий связано с отношением той или иной стратегии к мотивации успеха или избегания неудачи, причем стратегия может быть оценена как полезная или менее полезная [9]. Максимальное количество баллов по

¹23 вида спорта претендуют на включение в программу Паралимпиады-2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sport.rambler.ru/other/40798398-23-vida-sporta-pretenduyut-na-vklyuchenie-v-programmu-paralimpiady-2024/> (дата обращения: 25.09.2019).

каждой шкале составляет 16 баллов, минимальное – 4 балла.

В исследовании приняли участие 99 паралимпийцев. Выборку составили 65 мужчин и 34 женщины, из них 6 паралимпийцев 1-го разряда, 15 паралимпийцев – кандидаты в мастера спорта (КМС), 47 паралимпийцев – мастера спорта (МС), 25 паралимпийцев – мастера спорта международного класса (МСМК), 6 паралимпийцев – заслуженные мастера спорта. В соответствии с типами нарушений опрошенные разделены на три группы:

1) паралимпийцы с нарушениями зрения – 39 человек (из них к функциональным классам *B2-B3, S7-*

S13, T12 относятся 29 респондентов и функциональный класс *B1* (тотально слепые) – 10 респондентов;

2) инвалиды-колясочники с нарушениями опорно-двигательного аппарата – 25 респондентов (функциональные классы *A, B, F46, F54*)

3) паралимпийцы с нарушениями слуха – 35 респондентов (функциональные классы *LW4, LW10-LW12*). Все паралимпийцы на момент исследования являлись действующими спортсменами, постоянно участвующими в соревнованиях международного уровня. Для сравнения была взята выборка здоровых спортсменов (90 человек – КМС, МС, МСМК).

Результаты исследования и их обсуждение

В результате диагностики были выявлены следующие особенности в использовании копинг-стратегий паралимпийцами.

Паралимпийцы имеют высокие показатели по шкалам с продуктивными копинг-стратегиями, среди которых незначительно преобладают копинг-стратегии *позитивное переформулирование и личностный рост* ($13,32 \pm 2,08$), *планирование* ($13,15 \pm 2,37$), *активное совладание* ($12,90 \pm 2,80$), что означает выбор эффективного поведения при решении проблемной ситуации.

По шкалам с непродуктивными копинг-стратегиями доминирующими оказались *использование инструментальной социальной поддержки* ($10,90 \pm 2,64$), *юмор* ($11,42 \pm 2,66$), *сдерживание* ($10,41 \pm 2,15$), *использование эмоциональной социальной поддержки* ($10,65 \pm 2,83$), однако видно, что эти показатели ниже данных по продуктивным копинг-стратегиям.

По шкале «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($9,99 \pm 2,29$) диагностированы пока-

затели выше среднего уровня, что свидетельствует об избытке эмоциональной реакции на стрессовое событие, которое будет препятствовать рациональному и адекватному совладанию с проблемной ситуацией. Также по шкалам *мысленный уход от проблемы* ($9,82 \pm 2,15$) и *отрицание* ($9,28 \pm 2,60$) установлены показатели выше среднего уровня, что может означать нежелание принимать реально возникающую проблему или даже ее игнорировать.

Наименее предпочитаемыми оказались копинг-стратегии *обращение к религии* ($9,35 \pm 3,62$), *поведенческий уход от проблемы* ($7,56 \pm 2,20$), *использование успокоительных* ($5,59 \pm 2,12$).

Также было проведено сравнение показателей копинг-стратегий по гендерному признаку в ситуации использования продуктивных (рис. 1) и непродуктивных копинг-стратегий (рис. 2).

Статистический анализ с использованием критерия Манна – Уитни не выявил достоверных различий по продуктивным копинг-стратегиям.

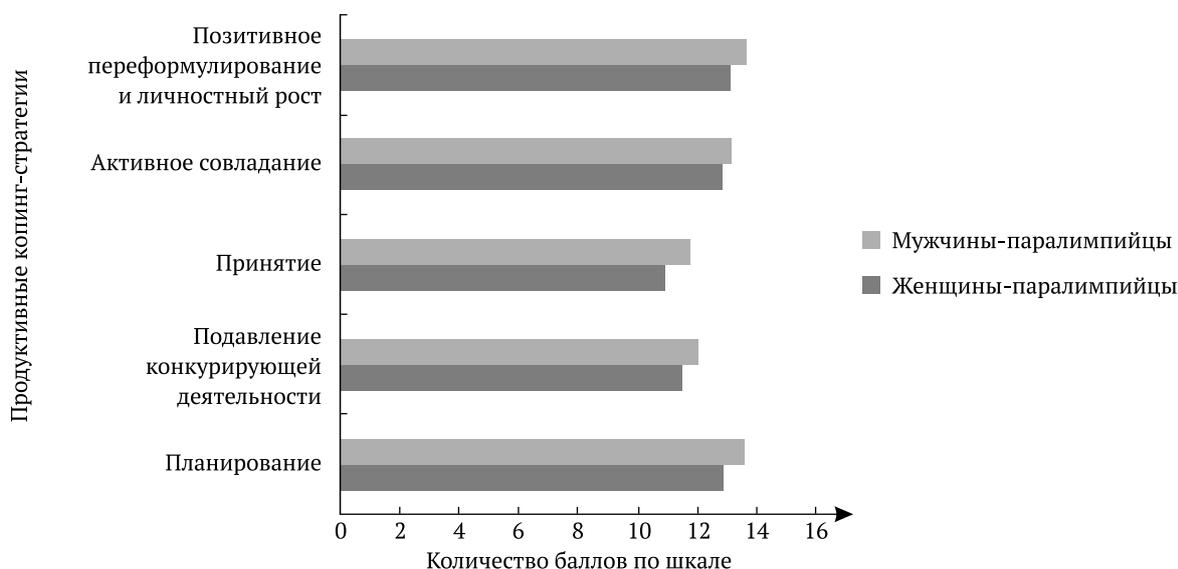

Рис. 1. Сравнение предпочтений в использовании продуктивных копинг-стратегий у женщин-паралимпийцев и мужчин-паралимпийцев

Fig. 1. Comparison of preferences in the use of productive coping strategies in Paralympic women and Paralympic men

По непродуктивным копинг-стратегиям были выявлены различия по следующим шкалам: мысленный уход от проблемы ($U_{\text{эмп}} = 237,0, p \leq 0,01$); концентрация на эмоциях и их активное выражение ($U_{\text{эмп}} = 276,0, p \leq 0,05$); использование эмоциональной социальной поддержки ($U_{\text{эмп}} = 269,5, p \leq 0,05$). Таким образом, женщинам более свойственно отстраняться от про-

блемы, при этом больше выражать эмоции, больше переживать, чем действовать, и чаще обращаться к окружающим за эмоциональной поддержкой.

Ниже в таблице представлены средние значения использования продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий у паралимпийцев с различными типами нарушений.

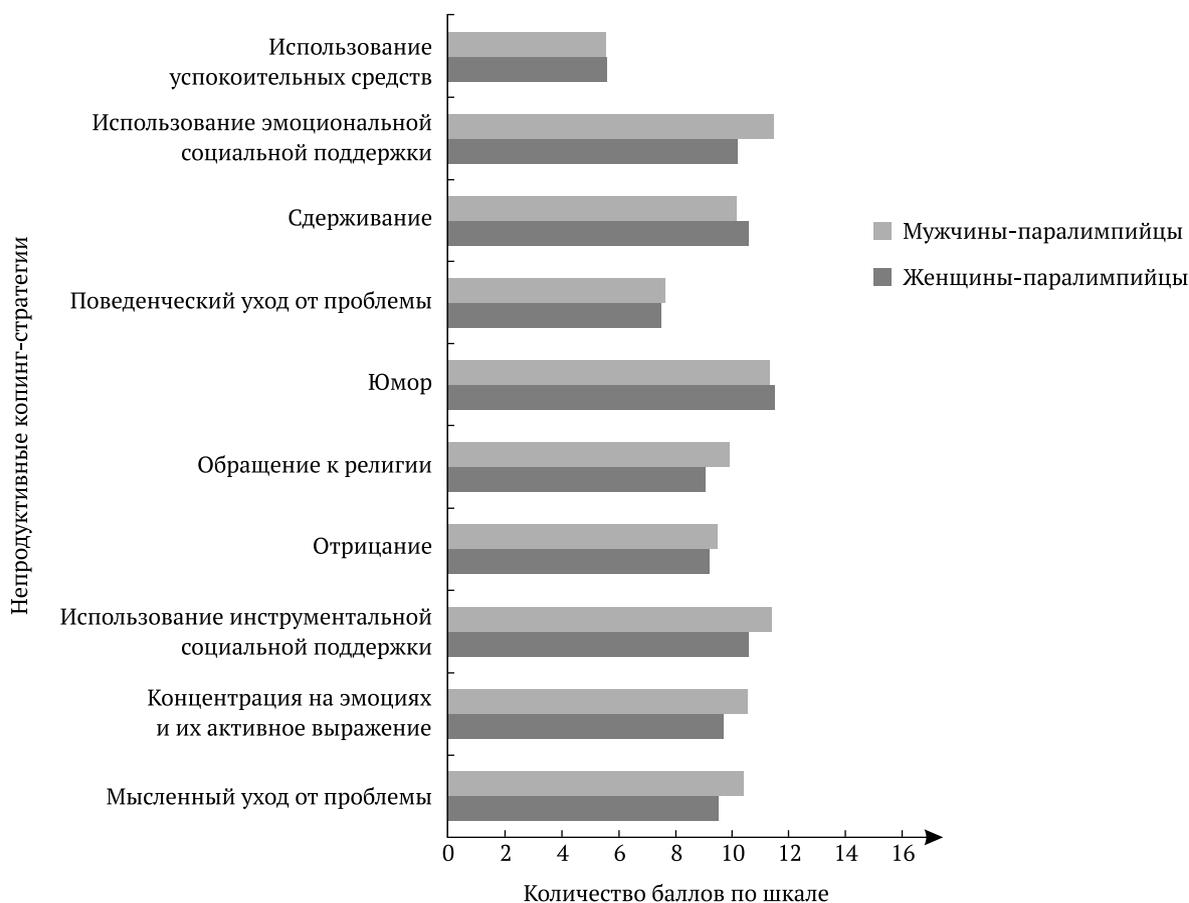

Рис. 2. Сравнение предпочтений в использовании непродуктивных копинг-стратегий у женщин-паралимпийцев и мужчин-паралимпийцев

Fig. 2. Comparison of preferences in the use of non-productive coping strategies in Paralympic women and Paralympic men

Сравнение предпочтений в использовании продуктивных копинг-стратегий у паралимпийцев с нарушениями зрения, слуха, ОДА и здоровых спортсменов

Comparison of preferences in the use of productive coping strategies in Paralympians with visual, hearing and musculoskeletal disorders and healthy athletes

Копинг-стратегии	Паралимпийцы с нарушением зрения, 39 чел.	Паралимпийцы с нарушением ОДА, 25 чел.	Паралимпийцы с нарушением слуха, 35 чел.	Здоровые спортсмены, 90 чел.
Продуктивные копинг-стратегии				
Позитивное переформулирование и личностный рост	13,90 ± 2,10	12,96 ± 2,05	12,91 ± 1,99	13,47 ± 2,51
Активное совладание	13,67 ± 3,15	13,79 ± 2,11	11,43 ± 2,20	13,42 ± 1,88
Принятие	10,92 ± 2,72	11,29 ± 2,51	11,43 ± 2,20	10,76 ± 3,02
Подавление конкурирующей деятельности	12,15 ± 3,07	12,08 ± 2,52	10,83 ± 2,36	11,58 ± 2,57

Окончание таблицы
Ending table

Копинг-стратегии	Паралимпийцы с нарушением зрения, 39 чел.	Паралимпийцы с нарушением ОДА, 25 чел.	Паралимпийцы с нарушением слуха, 35 чел.	Здоровые спортсмены, 90 чел.
Планирование	13,92 ± 2,24	13,71 ± 1,99	11,91 ± 2,31	13,33 ± 2,07
Непродуктивные копинг-стратегии				
Мысленный уход от проблемы	8,64 ± 1,84	10,08 ± 1,79	10,94 ± 2,07	10,22 ± 2,44
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	9,87 ± 2,76	9,79 ± 1,91	10,26 ± 1,95	10,98 ± 2,94
Использование инструментальной социальной поддержки	11,15 ± 2,85	10,63 ± 2,60	10,80 ± 2,47	11,67 ± 3,04
Отрицание	8,59 ± 2,41	8,67 ± 2,16	10,46 ± 2,70	8,64 ± 2,54
Обращение к религии	8,87 ± 4,13	8,63 ± 3,17	10,37 ± 3,12	8,53 ± 3,62
Юмор	11,64 ± 2,82	11,58 ± 2,92	11,06 ± 2,30	11,22 ± 3,19
Поведенческий уход от проблемы	7,26 ± 2,11	7,58 ± 2,38	7,89 ± 2,19	6,84 ± 1,83
Сдерживание	10,38 ± 2,07	10,58 ± 1,64	10,31 ± 2,55	10,44 ± 1,99
Использование эмоциональной социальной поддержки	9,79 ± 3,29	10,25 ± 2,17	11,89 ± 2,25	11,24 ± 3,57
Использование успокоительных	5,31 ± 2,10	5,54 ± 2,38	5,94 ± 1,97	5,71 ± 2,79

По показателям *продуктивных копинг-стратегий* выявлены следующие достоверные отличия:

1) между паралимпийцами с нарушениями зрения и с нарушением ОДА по шкале *позитивное переформулирование и личностный рост* ($U_{\text{эмп}} = 339,0, p \leq 0,05$);

2) между паралимпийцами с нарушением зрения и с нарушением слуха по шкалам *позитивное переформулирование и личностный рост* ($U_{\text{эмп}} = 483,0, p \leq 0,05$), *активное совладание* ($U_{\text{эмп}} = 271,0, p \leq 0,01$), *принятие* ($U_{\text{эмп}} = 161,0, p \leq 0,05$), *подавление конкурирующей деятельности* ($U_{\text{эмп}} = 436,0, p \leq 0,01$), *планирование* ($U_{\text{эмп}} = 348,0, p \leq 0,01$), т. е. между паралимпийцами с нарушением зрения и с нарушением слуха выявлены достоверные различия по всем продуктивным копинг-стратегиям;

3) между паралимпийцами с нарушением слуха и паралимпийцами с нарушением ОДА выявлены различия только по шкале *активное совладание* ($U_{\text{эмп}} = 188,0, p \leq 0,01$), что свидетельствует о сходности в предпочтении использования данными группами паралимпийцев продуктивных копинг-стратегий.

По показателям *непродуктивных копинг-стратегий* выявлены следующие достоверные различия.

1) между паралимпийцами с нарушениями зрения и с нарушением ОДА по шкале *мысленный уход от проблемы* ($U_{\text{эмп}} = 285,0, p \leq 0,01$). Поскольку достоверных различий в использовании копинг-стратегий паралимпийцами с нарушениями зрения и ОДА практически выявлено не было, можно предположить, что названные функциональные классы относительно близки по отношению к проблемным ситуациям и способам совладания со стрессами.

2) между паралимпийцами с нарушением зрения и с нарушением слуха по шкалам *мысленный уход от проблемы* ($U_{\text{эмп}} = 291,0, p \leq 0,01$), *отрицание* ($U_{\text{эмп}} = 411,0, p \leq 0,01$), *обращение к религии* ($U_{\text{эмп}} = 511,0, p \leq 0,05$); *использование успокоительных* ($U_{\text{эмп}} = 165,0, p \leq 0,05$); *использование эмоциональной социальной поддержки* ($U_{\text{эмп}} = 412,5, p \leq 0,01$). Так, можно утверждать, что паралимпийцы с нарушениями слуха труднее преодолевают проблемные ситуации, склонны избегать мыслей о возникшей проблеме, более религиозны или чаще полагаются на высшие силы, везение, лекарственные средства или алкоголь для снятия стресса.

3) между паралимпийцами с нарушением слуха и с нарушением ОДА по шкалам *мысленный уход от проблемы* ($U_{\text{эмп}} = 319,0, p \leq 0,05$); *концентрация на эмоциях и их выражение* ($U_{\text{эмп}} = 303,0, p \leq 0,05$); *отрицание* ($U_{\text{эмп}} = 253,5, p \leq 0,01$); *обращение к религии* ($U_{\text{эмп}} = 300,0, p \leq 0,05$). Следовательно, к возможным характеристикам паралимпийцев с нарушением слуха можно добавить фокусировку на негативных эмоциях в ответ на стресс, а паралимпийцев с нарушениями ОДА вышеназванных функциональных классов – обращение к религии, упование на высшие силы или полагание на везение и в большей степени – склонность предпринимать активные действия для преодоления стрессовой ситуации.

Итак, паралимпийцы с нарушением зрения преимущественно используют продуктивные копинг-стратегии *позитивное переформулирование* и *личностный рост*, *активное совладание* по сравнению с паралимпийцами с нарушениями ОДА и слуха; уровень использования данных стратегий паралимпийцами с нарушениями ОДА практически

равен уровню, свойственному здоровым спортсменам (т. е. статистические различия отсутствуют). Однако по шкале активное совладание диапазон различий у паралимпийцев с нарушением зрения весьма широк ($\sigma = 3,15$) в отличие от здоровых спортсменов. Наблюдается также сходство по шкале *принятие* у паралимпийцев с нарушением зрения и здоровых спортсменов, при этом у паралимпийцев с нарушениями ОДА и слуха показатели по этой шкале статистически ниже.

У паралимпийцев с нарушениями слуха по продуктивным копинг-стратегиям зафиксированы низкие показатели с достоверными различиями, а бо-

лее высокие – по непродуктивным копинг-стратегиям, что можно объяснить большей потребностью этой группы респондентов в эмоциональной поддержке окружающих. Однако просьбы о конкретной помощи у них отсутствуют. Ни у паралимпийцев с нарушениями ОДА, ни у паралимпийцев с нарушением зрения нет разницы в средних, также нет различий по шкалам. Паралимпийцы с нарушениями ОДА в меньшей степени склонны прибегать к социальной эмоциональной или инструментальной поддержке, поскольку, вероятно, им сложно вступать в межличностную коммуникацию.

Заключение

В целом паралимпийцам присущ выбор продуктивных копинг-стратегий, что означает выбор эффективного поведения при решении проблемной ситуации: обнаружены достоверные гендерные различия по непродуктивным шкалам *мысленный уход от проблемы, концентрация на эмоциях и их активное выражение, использование эмоциональной социальной поддержки*. Следовательно, женщинам-паралимпийцам более свойственно отстраняться от проблем, но одновременно сильнее выражать эмоции, больше переживать, чем действовать, чаще обращаться к окружающим за эмоциональной поддержкой. Различия по шкале *юмор* имеют обратную тенденцию: мужчины-паралимпийцы более склонны пошутить над сложной ситуацией и принять ее.

Принадлежность к функциональному классу (имеется ввиду конкретное физическое расстройство или нарушение) задает определенную специфику переживания стресса и прибегания к копинг-стратегиям, но не является критической, так как различия выявлены не по всем шкалам. Если рассматривать различия в предпочтениях исполь-

зования той или иной стратегии, то вполне могут наблюдаться индивидуальные особенности в поведении спортсмена в конкретной ситуации. Не выявлено различий между паралимпийцами, принадлежащими к функциональному классу В1 (тотально слепые), и паралимпийцами с нарушениями зрения из других функциональных классов.

Паралимпийцы с нарушениями слуха труднее преодолевают проблемные ситуации, склонны избегать мыслей о возникшей проблеме; они более религиозны, чаще полагаются на высшие силы и везение, предпочитают прибегать к лекарственным средствам или алкоголю для снятия стресса.

Паралимпийцам с нарушением слуха в отличие от паралимпийцев с нарушениями зрения и ОДА больше свойственна фокусировка на негативных эмоциях как ответе на стресс, а для паралимпийцев с нарушением ОДА в самой меньшей мере характерны обращение к религии, полагание на везение и в большей степени – склонность предпринимать активные действия по преодолению стрессовой ситуации.

Библиографические ссылки

1. Абалян АГ. Современные тенденции развития Паралимпийского спорта. *Адаптивная физическая культура*. 2016;1:37–39.
2. Царик АВ, составитель. *Паралимпийский спорт: нормативное, правовое и методическое регулирование*. Рожков АВ, редактор. Москва: Советский спорт; 2010. 1270 с.
3. Кузнецов СА, Кузнецова ЗМ. История развития паралимпийского спорта в мире. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2014;2:46–53.
4. Баряев АА, Ворошин ИН, Воробьев СА. Анализ результатов соревновательной деятельности в рамках Паралимпийского и Сурдлимпийского движения по спортивным дисциплинам, представленным в нормативах комплекса «Готов к труду и обороне». *Адаптивная физическая культура*. 2016;1:35–36.
5. Ворошин ИН, Баряев АА, Воробьев СА. Сравнение нормативов комплекса ГТО и нормативов ЕВСК паралимпийских видов спорта. *Адаптивная физическая культура*. 2016;1:34–35.
6. Макина ЛР. *Многолетняя физическая подготовка бегунов на средние дистанции с нарушением зрения в адаптивном спорте* [автореферат диссертации]. Майкоп: Адыгейский государственный университет; 2013. 46 с.
7. Кулик АА. Личностный потенциал как психологическое условие качества жизни (на примере спортсменов-паралимпийцев). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014;4(1):130–134.
8. Винник ДжП, редактор. *Адаптивное физическое воспитание и спорт*. Андреев И, переводчик. Киев: Олимпийская литература; 2010. 607 с.
9. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037//0022-3514.56.2.267.

10. Гаранян НГ, Иванов ПА. Апробация опросника копинг-стратегий (COPE). *Психологическая наука и образование*. 2010;15(1):82–93.

11. Гордеева ТО, Осин ЕН, Рассказова ЕИ, Сычев ОА, Шевякова ВЮ. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE. В: Крюкова ТЛ, Сапоровская МВ, Хазова ВА, редакторы. *Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции. 23–25 сентября 2010 г.; Кострома, Россия. Том 2*. Кострома: Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова; 2010. с. 195–197.

12. Litman JA. The COPE inventory: dimensionality and relationships with approach- and avoidance-motives and positive and negative traits. *Personality and Individual Differences*. 2006;41(2):273–284. DOI: 10.1016/j.paid.2005.11.032.

References

1. Abalyan AG. Modern trends in the development of Paralympic sport. *Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura*. 2016;1:37–39. Russian.

2. History of Paralympic sport. In: Tzarik AV, compiler. *Paralimpiiskii sport: normativnoe, pravovoe i metodicheskoe regulirovanie* [Paralympic sport: standard, legal and methodical regulation]. Rozhkov AV, editor. Moscow: Sovetskii sport; 2010. p. 1209–1212. Russian.

3. Kuznetsov SA, Kuznetsova ZM. The history of Paralympic sport development in the world. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta*. 2014;2:46–53. Russian.

4. Baryaev AA, Voroshin IN, Vorob'ev SA. The analysis of competitive activity within the limits of Paralympic and Deaflympic movement at the sports disciplines presented in specifications of the complex RLD. *Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura*. 2016;1:35–36. Russian.

5. Voroshin IN, Barjaev AA, Vorob'ev SA. Comparison of specifications of complex RLD and specifications USCS at Paralympic sports. *Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura*. 2016;1:34–35. Russian.

6. Makina LR. Long-term physical training of runners on average distances with visual impairment in adaptive sport [dissertation abstract]. Maikop: Adyghe State University; 2013. 46 p. Russian.

7. Kulik AA. Personal potential as a psychological requirement for life quality (the example of Paralympic athletes). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;4(1):130–134. Russian.

8. Vinnik GP, editor. *Adaptivnoe fizicheskoe vospitanie i sport* [Adaptive physical training and sport]. Andreev I, translator. Kyiv: Olimpiiskaya literatura; 2010. 607 p. Russian.

9. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037//0022-3514.56.2.267.

10. Garanjan NG, Ivanov PA. Validation of the coping-strategy questionnaire COPE. *Psychological Science and Education*. 2010;15(1):82–93. Russian.

11. Gordeeva TO, Osin EN, Rasskazova EI, Sychev OA, Shevyakova VYu. Diagnostics of coping-strategies: adaptation of the questionnaire of COPE. Krukova TL, Saparovskaya MV, Khazova VA, editors. In: Krukova TL, Saparovskaya MV, Khazova VA, editors. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiiskom obshchestve: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23–25 sentyabrya 2010 g.; Kostroma, Rossiya. Tom 2* [Psychology of a stress and coping behavior in modern Russian society: Materials of 2nd international scientific and practical conference; 2010 September 23–25; Kostroma, Russia. Volume 2]. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University; 2010. p. 195–197. Russian.

12. Litman JA. The COPE inventory: dimensionality and relationships with approach- and avoidance-motives and positive and negative traits. *Personality and Individual Differences*. 2006;41(2):273–284. DOI: 10.1016/j.paid.2005.11.032.

Статья поступила в редакцию 03.05.2019.
Received by editorial board 03.05.2019.

УДК 159.923

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ У ИНДИВИДОВ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ И ВИДАМИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Е. А. СОКОЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, которое проявляется в отсутствии способности объективно оценивать возможности самого себя и окружающих. В исследовании использовались следующие методики: многомерная шкала перфекционизма П. Л. Хьюитта и Г. Л. Флэтта, которая адаптирована на русскоязычной выборке И. И. Грачевой, психодиагностический тест В. М. Мельникова и Л. Т. Ямпольского. Выборка – респонденты в возрасте от 17 до 28 лет (821 человек), проживающие на территории Республики Беларусь. Установлено, что юноши и девушки с разными уровнями и видами перфекционизма отличаются по выраженности личностных характеристик.

Ключевые слова: перфекционизм; субъектно ориентированный перфекционизм; объектно ориентированный перфекционизм; социально предписываемый перфекционизм; личностные характеристики; ранняя взрослость.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г18М-024.

GENDER DIFFERENCES IN PERSONAL CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LEVELS AND TYPES OF PERFECTIONISM IN THE PERIOD OF EARLY ADULTHOOD

Е. А. SOKOLOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Perfectionism is a distortion of the cognitive structure, which manifests itself in the absence of the ability to objectively evaluate the capabilities of oneself and others. The following techniques were applied in the research: the multidimensional scale of perfectionism P. Hewitt and G. Flett in the adaptation of I. I. Gracheva; Melnikov – Yampolsky psychodiagnostic test. The sample among 821 persons aged 17 to 28 living in the territory of the Republic of Belarus was taken. It has been discovered that young males and females with different levels and types of perfectionism differ on the severity of their personal characteristics.

Keywords: perfectionism; self-oriented perfectionism; object-oriented perfectionism; socially prescribed perfectionism; personality characteristics; early adulthood.

Acknowledgements. This study research was carried out with the financial support of the Belarusian Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project Г18М-024.

Образец цитирования:

Соколович ЕА. Половые различия в личностных характеристиках у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;1:102–106.

For citation:

Sokolovich EA. Gender differences in personal characteristics of individuals with different levels and types of perfectionism in the period of early adulthood. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:102–106. Russian.

Автор:

Екатерина Аркадьевна Соколович – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Ekaterina A. Sokolovich, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
sokolovich.e@mail.ru

Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, которое характеризуется отсутствием способности объективно оценивать возможности самого себя и окружающих, чрезмерной значимостью достижений, высоким уровнем притязаний, требовательностью, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей. Феномен перфекционизма довольно широко распространен в обществе, где в качестве эталонов выступают нереалистично высокие стандарты, а стремление к их достижению закладывается еще в детстве, когда успешность во всем навязывается и в семье, и в школе, и в средствах массовой информации. Высокие требования могут быть направлены как на самого себя и свою деятельность, так и на окружающих людей (преимущественно на близкое окружение). Последствия перфекционизма оказывают негативное влияние на психологическое и соматическое здоровье индивида.

В западной психологии изучением перфекционизма и его составляющих, развитием идей о многомерности данного феномена занимаются П. Хьюитт, Г. Л. Флетт, Р. Фрост, Р. Слэйни и Дж. Эшби, в отечественной психологии – В. А. Ясная, С. Н. Ениколопов, Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева, И. Г. Иванченко, Е. П. Ильин, А. А. Золотарева. Тем не менее данный феномен изучен фрагментарно, а личностные характеристики перфекционистов рассматриваются в основном в рамках медицинской психологии, что делает данное исследование особенно актуальным. Работа направлена на выявление половых различий в личностных характеристиках у юношей и девушек в зависимости от уровня и вида перфекционизма в период ранней взрослости.

Рассмотрим методологические основания исследования.

1. Согласно когнитивному подходу П. Хьюитта и Г. Л. Флетта перфекционизм – это предъявление себе и/или окружающим чрезвычайно высоких требований. Выделяется три вида перфекционизма:

субъектно ориентированный (высокие требования предъявляются к самому себе), объектно ориентированный (высокие требования предъявляются к окружающим индивидам) и социально предписываемый (убеждение в том, что окружающие предъявляют к тебе самому завышенные требования) [1–3]. Особенность и достоинство данного подхода заключаются в том, что в качестве основы для типологии видов перфекционизма выбирается один параметр – высокие требования, которые могут быть направлены на разные объекты – самого себя, окружающих людей либо на их ожидания.

2. Многомерный подход к изучению личности, разработанный В. М. Мельниковым и Л. Т. Ямпольским, означает, что личность изучается с помощью структурно-иерархической модели. В нее включены десять взаимосвязанных личностных характеристик (депрессия – склонность к формированию депрессивного состояния; женственность – склонность к самоанализу и ранимость; невротизм – тревожность; общительность; психотизм – впечатлительность и возбудимость; расторможенность – отрицательное отношение к общепринятым правилам и нормам, что демонстрируется в поведении; робость, совестливость – ответственность при выполнении деятельности; эстетическая впечатлительность – чувствительность и преобладание конкретно-образного мышления), образующих шкалы второго уровня – асоциальность, интроверсию, психическую неуравновешенность, сензитивность. Данный подход основан на объединении типологий личности, разработанных как С. Хатузем и Дж. МакКинли, так и Р. Б. Кеттеллом [4], что делает его наиболее развернутым и разноплановым при рассмотрении разных аспектов личности.

3. Согласно возрастной периодизации Д. Левинсона возраст от 17 до 28 лет соответствует периоду ранней взрослости. В ней наблюдаются два этапа: переход к ранней взрослости (от 17 до 21 года) и вхождение в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет) [5].

Материалы и методы исследования

В исследовании участвовал 821 респондент в возрасте от 17 до 28 лет (307 юношей и 514 девушек). Средний возраст респондентов составил 20,1 лет; среди них 19,4 % – с низким уровнем перфекционизма, 60,4 % – со средним, 20,2 % – с высоким уровнем, что соответствует нормальному распределению.

В качестве методик использовались многомерная шкала перфекционизма (MPS) П. Л. Хью-

итта и Г. Л. Флетта в адаптации И. И. Грачевой [6], психодиагностический тест В. М. Мельникова и Л. Т. Ямпольского [4]. Данные, полученные в результате исследования, подвергались статистической обработке с помощью программы *SPSS 17.0* для *Windows*. С помощью непараметрического *U*-критерия Манна – Уитни проверялась достоверность различий.

Результаты исследования и их обсуждение

Половые различия в личностных характеристиках у юношей и девушек в период ранней взрослости с низким и высоким уровнями общего перфекционизма. У юношей с низким

уровнем общего перфекционизма выше, чем у девушек, показатели общей активности ($p = 0,008$), расторможенности ($p = 0,026$) и асоциальности ($p = 0,032$), а у девушек выше показатели женствен-

ности ($p < 0,001$), эстетической впечатлительности ($p < 0,001$), а также психической неуравновешенности ($p = 0,005$) и сензитивности ($p < 0,001$). Следовательно, юноши в возрасте от 17 до 28 лет с низким уровнем перфекционизма более активны, для них более характерны негативное отношение к общественным правилам и импульсивность, а девушки этого же возраста чувствительны, впечатлительны, ранимы, склонны к самоанализу, в их поведении отсутствуют стабильность и последовательность.

Юноши с высоким уровнем общего перфекционизма отличаются от девушек высокими показателями расторможенности ($p = 0,001$) и асоциальности ($p = 0,033$), а также низкими показателями депрессии ($p = 0,001$), невротизма ($p < 0,001$), женственности ($p < 0,001$), психической неуравновешенности ($p < 0,001$) и сензитивности ($p < 0,001$). Можно предположить, что у индивидов с высоким уровнем перфекционизма в период ранней взрослости существуют следующие различия: юноши более импульсивны и негативно настроены против предписаний социума, а девушки склонны к формированию депрессивных состояний, самоанализу, они тревожны, чувствительны, их поведение менее стабильно и последовательно.

Так, вне зависимости от уровня общего перфекционизма у юношей выше показатели расторможенности и асоциальности, а у девушек – невротизма, эстетической впечатлительности, женственности, психической неуравновешенности и сензитивности. Следовательно, выраженность данных характеристик не обусловлена уровнем перфекционизма, а определяется, скорее, половой принадлежностью.

В период перехода к ранней взрослости юноши с низким уровнем перфекционизма отличаются от девушек более низкими показателями депрессии ($p = 0,022$), женственности ($p < 0,001$), невротизма ($p = 0,006$), эстетической впечатлительности ($p < 0,001$), психической неуравновешенности ($p = 0,006$) и сензитивности ($p < 0,001$). Следовательно, можно предположить, что девушки с низким уровнем общего перфекционизма в возрасте от 17 до 21 года по сравнению с юношами такого же уровня более склонны к депрессивным состояниям и самоанализу, тревожны, чувствительны и мечтательны, характеризуются отсутствием устойчивости и последовательности поведения.

В названный период юноши в возрасте от 17 до 21 года с высоким уровнем общего перфекционизма обладают более высокими показателями расторможенности ($p = 0,002$), чем у девушек, а у девушек с тем же уровнем перфекционизма выше показатели депрессии ($p = 0,008$), женственности ($p = 0,001$), невротизма ($p = 0,004$), эстетической впечатлительности ($p = 0,003$), психической неуравновешенности ($p = 0,001$) и сензитивности ($p < 0,001$). Следовательно, юноши, имеющие высокий уровень перфекционизма в указанный возрастной период, более социально конфликтны, чем девушки, а де-

вушки более, чем юноши, предрасположены к формированию депрессивных состояний, самоанализу, тревожности, более ранимы и чувствительны при отсутствии стабильного и последовательного поведения.

Можно обобщить, что вне зависимости от возрастного периода у девушек с высоким уровнем перфекционизма более высокие показатели невротизма, депрессии, эстетической впечатлительности и сензитивности, что может объясняться половыми, а не возрастными особенностями перфекционизма.

В период вхождения в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет) показатели расторможенности ($p = 0,009$) и асоциальности ($p = 0,009$) выше у юношей с низким уровнем общего перфекционизма, чем у девушек, и это проявляется в импульсивности и отсутствии положительного отношения к общественным правилам и нормам.

В данный возрастной период выявлены различия у юношей и девушек с высоким уровнем общего перфекционизма по показателям депрессии ($p = 0,007$), невротизма ($p = 0,003$), эстетической впечатлительности ($p = 0,037$) и сензитивности ($p < 0,015$): они выше у девушек, чем у юношей, что выражается в склонности к формированию депрессивных состояний, тревожности, ранимости и чувствительности.

Половые различия в личностных характеристиках у юношей и девушек в период ранней взрослости с высоким уровнем перфекционизма разных видов. Юноши с высоким уровнем субъектно ориентированного перфекционизма отличаются от девушек высокими показателями общей активности ($p = 0,001$), расторможенности ($p < 0,001$), асоциальности ($p = 0,002$) и более низкими показателями депрессии ($p = 0,03$), женственности ($p < 0,001$), невротизма ($p = 0,02$), робости ($p = 0,032$), эстетической впечатлительности ($p < 0,001$), интроверсии ($p = 0,041$), психической неуравновешенности ($p = 0,002$) и сензитивности ($p < 0,001$). Следовательно, у юношей в возрасте от 17 до 28 лет, которым присущи высокие требования к себе самим, выше, чем у девушек, показатели активности, импульсивности и негативного отношения к социальным нормам и предписаниям, а у девушек более выражена склонность к формированию депрессивных состояний и самоанализу, тревожность, стеснительность в общении с другими, они чаще избегают общественных видов деятельности, в их поведении отсутствуют стабильность и последовательность.

В указанный период у юношей с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на самого себя, более высокие показатели общей активности ($p = 0,004$), расторможенности ($p < 0,001$) и асоциальности ($p = 0,001$) по сравнению с девушками, у которых более высокие показатели депрессии ($p = 0,029$), женственности ($p < 0,001$),

невротизма ($p = 0,002$), эстетической впечатлительности ($p < 0,001$), психической неуравновешенности ($p = 0,001$) и сензитивности ($p < 0,001$). Таким образом, можно предположить, что юноши в возрасте от 17 до 21 года с высоким уровнем субъектно ориентированного перфекционизма более активны, импульсивны, негативно относятся к правилам социума, а девушки по сравнению с юношами более тревожны, чувствительны, ранимы, чаще склонны к формированию депрессивных состояний и самоанализу, в их поведении не наблюдаются стабильность и последовательность.

В период вхождения в раннюю взрослость у индивидов с высоким уровнем субъектно ориентированного перфекционизма были выявлены половые различия в личностных характеристиках. У юношей выше показатели расторможенности ($p = 0,017$) и ниже, чем у девушек, показатели по таким характеристикам, как невротизм ($p = 0,039$) и женственность ($p = 0,054$). Следовательно, можно выделить следующие различия у индивидов в возрасте от 22 до 28 лет с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на самого себя: юноши более импульсивны в поведении и конфликтны в социальных взаимодействиях, а девушки тревожны, склонны к самоанализу и волнению.

Для юношей с высоким уровнем объектно ориентированного перфекционизма в большей степени, чем для девушек, характерны общая активность ($p = 0,05$) и расторможенность ($p = 0,014$), а девушкам в большей степени свойственны депрессия ($p = 0,016$), женственность ($p < 0,001$), невротизм ($p = 0,001$), эстетическая впечатлительность ($p < 0,001$), психическая неуравновешенность ($p = 0,017$) и сензитивность ($p < 0,001$). Можно предположить, что юноши в возрасте от 17 до 28 лет, предъявляющие другим индивидам чрезвычайно высокие требования, более активны, импульсивны в поведении и конфликтны в социальных взаимодействиях, а девушки тревожны, чувствительны, мечтательны, склонны к самоанализу и формированию депрессивных состояний; по сравнению с юношами аналогичного возраста у них преобладает нестабильное и непоследовательное поведение.

В период перехода к ранней взрослости у юношей с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, выше, чем у девушек, показатели расторможенности ($p = 0,016$), а у девушек – депрессии ($p = 0,003$), женственности ($p = 0,004$), невротизма ($p = 0,01$), эстетической впечатлительности ($p = 0,001$), психической неуравновешенности ($p = 0,013$) и сензитивности ($p = 0,004$). Следовательно, юноши в возрасте от 17 до 21 года с высоким уровнем объектно ориентированного перфекционизма отличаются большей импульсивностью в поведении и конфликтностью в социальном взаимодействии, чем девушки, которые более тревожны, чувствительны, мечтательны, склонны к самоанализу и волнению, формированию депрессивных со-

стояний, характеризуются нестабильностью и непоследовательностью поведения.

В период вхождения в раннюю взрослость у девушек с высоким уровнем объектно ориентированного перфекционизма выше, чем у юношей, показатели по таким характеристикам, как женственность ($p = 0,024$), невротизм ($p = 0,039$) и сензитивность ($p = 0,019$), что проявляется в склонности к самоанализу, скромности, тревожности и чувствительности.

У юношей с высоким уровнем социально предписываемого перфекционизма в период ранней взрослости выше показатели расторможенности ($p = 0,006$) и асоциальности ($p = 0,004$), а у девушек – депрессии ($p < 0,001$), женственности ($p < 0,001$), невротизма ($p < 0,001$), эстетической впечатлительности ($p = 0,02$), психической неуравновешенности ($p < 0,001$) и сензитивности ($p < 0,001$). Предполагаем, что юноши в возрасте от 17 до 28 лет, ожидающие высоких требований по отношению к себе со стороны других индивидов, отличаются большей импульсивностью в поведении и конфликтностью в социальных взаимодействиях, более негативно относятся к предписываемым нормам и правилам, с трудом адаптируются в социальной среде (по сравнению с девушками), а девушки более тревожны, чувствительны, мечтательны, склонны к самоанализу, переживаниям, формированию депрессивных состояний, характеризуются преобладанием нестабильного и непоследовательного поведения.

В период перехода к ранней взрослости у юношей с высоким уровнем социально предписываемого перфекционизма выше, чем у девушек, показатели расторможенности ($p = 0,007$) и асоциальности ($p = 0,005$), а у девушек – показатели депрессии ($p = 0,003$), женственности ($p = 0,001$), невротизма ($p < 0,001$), эстетической впечатлительности ($p = 0,008$), психической неуравновешенности ($p < 0,001$) и сензитивности ($p = 0,001$). Следовательно, у индивидов с высоким уровнем указанного типа перфекционизма в возрасте от 17 лет до 21 года можно выделить следующие половые различия: юноши более конфликтны в социальных взаимодействиях, импульсивны, негативно относятся к общественным правилам, им трудно адаптироваться к социальной среде, а девушки более тревожны, чувствительны, мечтательны, склонны к самоанализу, волнению, формированию депрессивных состояний, у них отмечается поведенческая нестабильность и непоследовательность.

В период вхождения в раннюю взрослость установлены различия у индивидов с высоким уровнем социально предписываемого перфекционизма по показателям депрессии ($p = 0,015$), невротизма ($p = 0,027$), женственности ($p = 0,014$) и сензитивности ($p = 0,029$): они выше у девушек, чем у юношей, что проявляется в склонности к возникновению депрессивных состояний, самоанализу и скромности в поведении, тревожности, чувствительности.

Вне зависимости от вида перфекционизма у юношей выше показатели общей активности и расторможенности, а у девушек – показатели депрессии, женственности, невротизма, эстетической впечатлительности, психической неурав-

новешенности и сензитивности. Следовательно, выраженность данных показателей не зависит от направленности высоких требований, но определяется уровнем перфекционизма и половой принадлежностью.

Заключение

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что существуют статистически значимые различия у юношей и девушек в период ранней взрослости с разными уровнями и видами перфекционизма. У юношей вне зависимости от уровня общего перфекционизма выше, чем у девушек, показатели расторможенности и асоциальности, а у девушек – показатели женственности, невротизма, эстетической впечатлительности, психической неуравновешенности и сензитивности. Следовательно, можно предположить, что для юношей с высоким и низким уровнями общего перфекционизма в большей степени характерны негативное отношение к общепринятым правилам и импульсивность, а для девушек – чувствительность, ранимость, тревожность, впечатлительность, склонность анализировать свое и чужое поведение, мысли и чувства. Вне зависимости от периодов перехода к ранней взрослости или вхождения в раннюю взрослость у юношей с высоким уровнем общего перфекционизма ниже показатели депрессии, невротизма, эстетической впечатлительности и сензитивности, чем у девушек. Значит, для юношей в меньшей степени характерны чувствительность,

ранимость, тревожность, склонность к формированию депрессивного состояния. Вне зависимости от вида перфекционизма у юношей выше показатели общей активности и расторможенности, чем у девушек, что проявляется в энергичном характере деятельности и отрицательном отношении к общепринятым социальным нормам и правилам. У девушек выше показатели депрессии, женственности, невротизма, эстетической впечатлительности, психической неуравновешенности и сензитивности, т. е. они более чувствительны, ранимы, тревожны, склонны анализировать собственное и чужое поведение, мысли и чувства, более предрасположены к формированию депрессивных состояний.

Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы в психологическом консультировании и организации тренингов в целях более разносторонней направленной помощи, оказываемой молодым людям, ставящим себе нереалистичную планку достижений. Последнее может негативно сказываться на их психологическом здоровье и благополучии, поэтому специалисту в ходе работы важно учитывать все аспекты феномена.

Библиографические ссылки

1. Flett GL, Blankstein KR, Hewitt PL. Components of perfectionism and procrastination in college students. *Social Behavior and Personality*. 1992;20(2):85–94. DOI: 10.2224/spb.1992.20.2.85.
2. Flett GL, Besser A, Davis RA. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2003;21(2):119–138. DOI: 10.1023/A:1025051431957.
3. Flett GL, Hewitt PL. Perfectionism in the self and social contexts: conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;60(3):456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456.
4. Мельников ВМ, Ямпольский ЛТ. *Введение в экспериментальную психологию личности*. Москва: Просвещение; 1985. 319 с.
5. Крайг Г, Бокум Д. *Психология развития*. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 940 с.
6. Грачева ИИ. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта. *Психологический журнал*. 2006;6:73–80.

References

1. Flett GL, Blankstein KR, Hewitt PL. Components of perfectionism and procrastination in college students. *Social Behavior and Personality*. 1992;20(2):85–94. DOI: 10.2224/spb.1992.20.2.85.
2. Flett GL, Besser A, Davis RA. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2003;21(2):119–138. DOI: 10.1023/A:1025051431957.
3. Flett GL, Hewitt PL. Perfectionism in the self and social contexts: conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;60(3):456–470. DOI: 10.1037/0022-3514.60.3.456.
4. Melnikov VM, Yampolsky LT. *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhologiyu lichnosti* [Introduction to experimental psychology of personality]. Moscow: Prosveshchenie; 1985. 319 p. Russian.
5. Craig G, Bokum D. *Psikhologiya razvitiya* [Developmental psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2005. 940 p. Russian.
6. Gracheva II. Adaptation of the technique «Multidimensional scale of perfectionism» by P. Hewitt and G. Flett. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006;6:73–80. Russian.

УДК 616.895.4

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ У ПАЦИЕНТОВ С ДЕПРЕССИЕЙ

Е. А. ТРУХАН¹⁾, Н. Н. МОРОЗОВА²⁾, Т. О. БУДЬКО³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

³⁾Республиканский научно-практический центр психического здоровья, Долгиновский тракт, 152, 220053, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты сравнительного и корреляционного исследований стилевых особенностей саморегуляции и защитных механизмов у пациентов с депрессией и здоровых людей. Достоверные различия обнаружены по механизмам регрессии, компенсации, реактивным образованиям, а также по общей напряженности защит, которые значимо выше у больных депрессией. Программирование, оценивание и общий уровень саморегуляции достоверно лучше у здоровых людей. Механизмы отрицания и интеллектуализации как у здоровых, так и у депрессивных людей увеличивают способность к саморегуляции поведения, а подавление, регрессия и компенсация, наоборот, уменьшают. Функционирование психологических защит повышает регуляторную самостоятельность и здоровых, и больных депрессией людей, но затрудняет моделирование значимых условий, программирование действий и оценивание результатов при организации ими собственной активности. Наибольшее количество значимых корреляций с механизмами защиты как у здоровых людей, так и у больных депрессией выявлено для программирования действий. Между интегральными показателями общей напряженности психологической защиты и уровнем сформированности саморегуляции поведения обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь только в группе пациентов с депрессией.

Ключевые слова: депрессия; стресс; защитные механизмы; саморегуляция; стилевые особенности.

Образец цитирования:

Трухан ЕА, Морозова НН, Будько ТО. Взаимосвязь стилевых особенностей саморегуляции и защитных механизмов у пациентов с депрессией. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;1:107–116.

For citation:

Truhan EA, Morozova NN, Boud'ko TO. Correlation between defense mechanisms and style peculiarities of self-regulation in patients with depression. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 1:107–116. Russian.

Авторы:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Наталья Николаевна Морозова – независимый исследователь.

Татьяна Олеговна Будько – научный сотрудник.

Authors:

Elena A. Truhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

elena.an.t@tut.by

Natalia N. Morozova, independent researcher.

marzikiii@gmail.com

Tatyana O. Boud'ko, researcher.

tatsiana71@gmail.com

CORRELATION BETWEEN DEFENSE MECHANISMS AND STYLE PECULIARITIES OF SELF-REGULATION IN PATIENTS WITH DEPRESSION

E. A. TRUHAN^a, N. N. MOROZOVA^b, T. O. BOUD'KO^c

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bIndependent researcher, Minsk, Belarus

^cRepublican Research and Practice Center for Mental Health, 152 Dalhinaŭski Tract, Minsk 220053, Belarus

Corresponding author: E. A. Truhan (elena.an.t@tut.by)

The article discusses the results of comparative and correlation research defense mechanisms and style peculiarities of self-regulation in patients with depression and in healthy people. The mechanisms of regression, compensation, reaction formations and the general intensity of psychological defense are significantly higher in patients with depression. Programming, evaluation and the general level of self-regulation are significantly higher in healthy people. The mechanisms of denial and intellectualization increase the ability to self-regulation in healthy people and in patients with depression; repression, regression and compensation, on the contrary, decrease. The functioning of psychological defenses increases the regulatory independence of healthy people and of patients with depression, but makes it difficult to condition modeling, programming and evaluation of the results. The greatest number of significant correlations between defense mechanisms and programming was found in healthy people and in patients with depression. An inversely correlation between the general intensity of psychological defense and the general level of self-regulation was found only in patients with depression.

Keywords: depression; stress; defense mechanisms; self-regulation; style peculiarities.

Согласно данным проекта «Глобальное бремя болезней» *Global burden of disease*, депрессия занимает одну из ведущих позиций среди факторов преждевременной смертности и нетрудоспособности населения. Парадокс депрессии, по словам А. Бека, заключается в том, что она нарушает базис человеческой природы. При депрессии инстинкт самосохранения и принцип удовольствия притуплены или изменены и даже наиболее жизненно важные биологические функции (еда и сон) ослаблены [1].

Параметрический подход к изучению депрессии позволяет не только выявить факторы уязвимости субъекта к определенному роду воздействиям (стресс, утрата, сепарация, дефицит, критика и др.), но и исследовать взаимосвязи между дисфункциональными личностными особенностями и теми ресурсами, которые способны обеспечить целесообразные изменения и эффективное приспособление к стрессовому напряжению, фрустрированности и депривированности [1–4].

Все защитные механизмы представляют собой реакцию на тревогу, бессознательную попытку психики в сложной ситуации справиться со стрессом. Личностными дисфункциями они становятся в результате длительного или неадекватного их использования для самоуспокоения и избегания решения актуальных проблем [5–9]. Депрессогенные переживания беспомощности и безнадежности могут быть результатом жизненной истории личности и травмирующей внешней реальности, а депрессия – неизбежным следствием деструктивных или незрелых психологических защит [10].

В. И. Моросанова относит индивидуальные способности к саморегуляции к числу ресурсов, позволяющих гибко и адекватно реагировать на изменение условий и непредвиденные затруднения, уверенно чувствовать себя в проблемных ситуа-

циях, компенсировать влияние личностных особенностей, вызывающих депрессивную симптоматику и препятствующих успешной адаптации к стресс-факторам [11; 12].

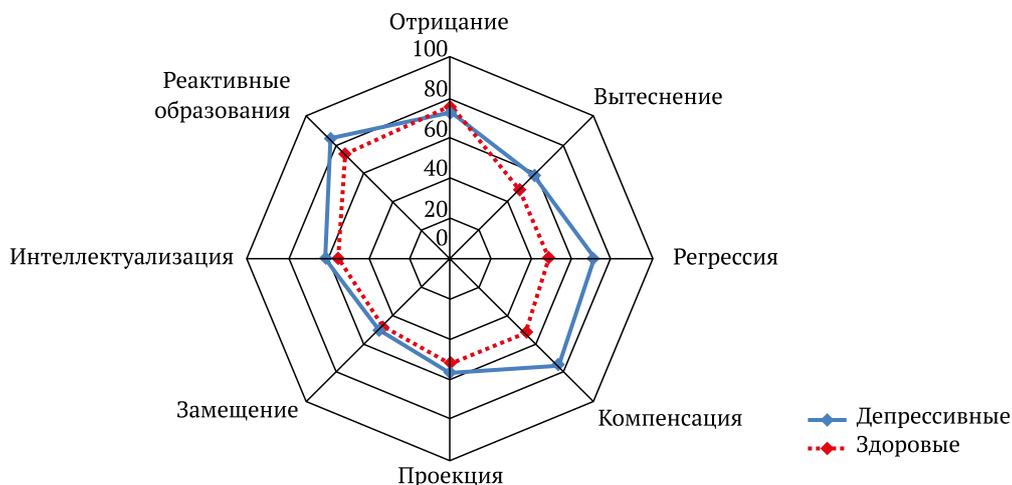
Саморегуляция, по определению Д. А. Леонтьева, – это механизм целесообразной коррекции активности в движении от менее благоприятных результатов к более благоприятным. Психологические ресурсы саморегуляции определяют характер конкретных решений, принимаемых субъектом в процессе взаимодействия с обстоятельствами его жизни. Это устойчивые, но выбранные из ряда альтернатив стратегии построения динамического взаимодействия с миром, основанные на переструктурировании системных связей, такие как мера субъективного контроля над обстоятельствами жизни или зависимости от них, устойчивые ожидания положительных или отрицательных исходов событий, стратегии взаимодействия со сложностью и неопределенностью, гибкость или ригидность целеполагания, характеристики связи усилий с результатами деятельности и др. [13].

Цель эмпирического исследования – выявление взаимосвязи стилевых особенностей саморегуляции поведения и психологических защит у пациентов с депрессией, а также у здоровых людей. Для достижения поставленной цели были использованы опросники «Стиль саморегуляции поведения» (ССМП) В. И. Моросановой [11] и «Индекс жизненного стиля» (*Life style index*; далее – ИЖС) Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте [8; 9].

В исследовании принимали участие 50 человек, которые проходят лечение от депрессии в РНПЦ психического здоровья г. Минска, из них 39 женщин и 11 мужчин в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 44 года). Также опрашивалась контрольная группа здоровых людей в количестве 50 человек, из них 39 женщин и 11 мужчин в возрасте

от 23 до 71 года (средний возраст – 50 лет). В исследование включены пациенты с депрессивным эпизодом (F32) и рекуррентным депрессивным расстройством (F33) легкой, умеренной или тяжелой степеней без психотических симптомов.

После обработки первичных данных по опроснику ИЖС были получены средние значения психологических защит у испытуемых, которые проходят лечение от депрессии, а также у здоровых людей. Данные представлены на рисунке и в табл. 1.

Профили психологической защиты у групп депрессивных и здоровых людей, в процентилях
Defense mechanisms profiles in patients with depression and healthy people, in percentiles

Таблица 1

Средние значения показателей психологической защиты у групп пациентов с депрессией и здоровых людей, в процентилях

Table 1

Mean values of indicators of defense mechanisms in patients with depression and healthy people, in percentiles

Респонденты	Психологическая защита								
	Отрицание	Подавление	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивные образования	Напряженность защит
Группа пациентов с депрессией	72,86	57,88	70,42	74,96	56,86	49,5	61,48	83,94	65,99
Группа здоровых респондентов	75,34	48,28	48,58	51,82	51,98	47,18	55,72	73,52	56,55

У здоровых людей преобладают механизмы *отрицание* и *реактивные образования*, а у больных депрессией – *реактивные образования*, *компенсация*, *отрицание* и *регрессия*.

У обеих групп респондентов наименее выражена психологическая защита *замещение*. И здоровые, и больные депрессией люди в целом не склонны снимать напряжение, вызванное гневом и агрессией, перенаправлением его на более слабый объект. У депрессивных людей, возможно, просто нет на это сил из-за заболевания, а здоровые люди достаточно хорошо умеют контролировать свой гнев.

Сравнительный анализ исследуемых групп с помощью критерия Манна – Уитни показал, что значимыми являются только различия по защитным механизмам *регрессия*, *компенсация*, *реактивные образования* и *напряженность защит*.

Психологическая защита *компенсация* у больных депрессией более выражена, чем у здоровых людей ($U = 602, p < 0,001$). Главная эмоция, лежащая в основе механизма компенсации, – печаль, при депрессии она считается преобладающей [6], поэтому вполне объяснима такая сильная выраженность этой психологической защиты у депрессивных боль-

ных по сравнению со здоровыми людьми. Механизм компенсации помогает депрессивным больным избегать ощущений, связанных с переживанием печали и горя по поводу реальной или мнимой утраты и неполноценности путем нахождения замены. Однако из-за апатичности и бездействия, связанных с болезнью, зачастую это происходит с помощью фантазирования или присвоения себе ценностей, мыслей, поведенческих характеристик другой личности. В результате такого использования пассивной компенсации у депрессивных больных может происходить потеря контакта с реальностью и снижаться способность к адекватной адаптации.

Полярная по отношению к механизму компенсации и наиболее выраженная у пациентов с депрессией психологическая защита *реактивные образования* указывает на то, что их потребности или эмоции чаще, чем у здоровых людей ($U = 738, p < 0,001$), маскируются под видимость противоположности. Происходит замена подлинных чувств и аутентичного поведения их преувеличенными противоположностями. Такое выраженное отгораживание от искренности в переживаниях и действиях приводит к усвоению того, что первоначально человеку было чуждо. К тому же неискренность не обеспечивает полноценности взаимоотношений. Таким образом, у депрессивных больных происходит снижение интереса к жизни и удовлетворенности ею вследствие того, что жизнь наполняется чем-то, что человеку не приносит настоящей радости. В результате действия реактивных образований значительное количество психической энергии затрачивается на маскировку, поэтому способность депрессивного человека гибко реагировать на события ослабевает.

Эти данные согласуются с исследованием М. А. Кулыгиной психологических факторов эмоциональной регуляции поведения при депрессии. На основании экспериментальных и клинических факторов был сделан вывод о наличии у депрессивных больных центрального аффекта неудовлетворенности, определяющего сущность нарушений эмоциональной регуляции поведения. Специфика потребностно-мотивационной сферы при депрессии характеризуется наличием конфликтной системы потребностей к мотивам, а именно сочетанием фрустрации базовых потребностей с одновременной фиксацией на псевдопотребности и производных от нее мотивов. Своеобразие когнитивного компонента заключается в наличии амбивалентного образа Я и совокупности стереотипных мировоззренческих представлений, определяющих основное содержание жизненного сценария. Моделью нарушения эмоциональной регуляции поведения и реализацией мотивационно-когнитивных взаимодействий является депрессивный сценарий, в рамках которого имеет место аффект неудовлетворенности – центральное переживание депрессивного больного [3].

Большая выраженность регрессии у депрессивных ($U = 678,5, p < 0,001$) может объясняться тем, что у них из-за болезни снижена общая активность и они, как следствие, в психотравмирующей ситуации идут по пути наименьшего сопротивления. Инфантильное поведение, в свою очередь, усиливает депрессивную симптоматику.

Большая выраженность показателя *напряженность защит* у пациентов с депрессией ($U = 726,5, p < 0,001$) свидетельствует о том, что у депрессивных личностей чаще проявляются состояния внутреннего дискомфорта. Более частое использование психологических защит требует больших затрат психической энергии, постоянной вовлеченности в процесс защиты, поэтому у больных депрессией возникает быстрая утомляемость, снижается адаптивность поведения, что может усугублять депрессивную симптоматику.

После обработки первичных данных по опроснику ССМП были вычислены средние значения показателей шкал саморегуляции у групп пациентов с депрессией и здоровых людей (табл. 2).

У здоровых людей все показатели саморегуляции свидетельствуют о средней степени выраженности. У больных депрессией стилевые особенности саморегуляции имеют разную степень выраженности: среднюю – планирование, моделирование, оценивание, самостоятельность и общий уровень саморегуляции; ниже средней – программирование и гибкость. Больные недостаточно хорошо продумывают последовательность своих действий для достижения намеченных целей и менее гибко перестраиваются при изменении внешних и внутренних условий. Это может быть связано со снижением когнитивных способностей и общей активности при депрессии, а также с апатичностью во время болезни или с глубинным чувством невозможности как-либо изменить реальность.

Сравнительный анализ исследуемых групп с помощью критерия Манна – Уитни показал, что значимыми являются только различия по показателям *программирование, оценивание и общий уровень саморегуляции*.

Более низкий показатель по шкале *программирование* у депрессивных больных ($U = 718, p < 0,001$) свидетельствует о снижении способности продумывать последовательность своих действий для достижения целей. Активация депрессогенных когнитивных схем приводит к фокусировке внимания на негативных аспектах опыта и запускает такие симптомы депрессии, как беспомощность и отказ от активности [1].

Компонент саморегуляции *оценивание* у больных депрессией значимо ниже, чем у здоровых людей ($U = 880, p = 0,01$). Ключевой момент механизмов саморегуляции – отрицательная обратная связь, сигналы об отклонении действительного от желаемого, помогающие не принимать желаемое за действительное [13], – у депрессивных личностей действует менее эффективно.

Общий уровень саморегуляции также значимо ниже у больных депрессией по сравнению со здоровыми людьми ($U = 869,5, p = 0,009$). При депрессии человеку сложнее овладевать новыми видами активности, ориентироваться в незнакомых ситуациях, успехи в привычных видах деятельности менее стабильны. Депрессивные люди более зависимы от ситуаций и мнения окружающих, у них снижена субъектная активность достижения личностно значимых целей по сравнению со здоровыми людьми. В исследовании В. Е. Купченко и А. С. Анохиной также было выявлено, что уровень волевой саморегуляции ниже у лиц, склонных к депрессии [14].

В результате корреляционного анализа данных (непараметрический вариант Спирмена) были выявлены значимые взаимосвязи (положительные и отрицательные) между компонентами саморегуляции и защитными механизмами как в группе испытуемых, которые лечатся от депрессии, так и в группе здоровых людей. Однако в группе больных депрессией значимых корреляций обнаружено больше (24), чем в группе здоровых людей (18).

У здоровых людей взаимосвязи между стилевыми особенностями саморегуляции и механизмами психологических защит выявлены по следующим показателям (табл. 3).

Таблица 2

Средние значения показателей саморегуляции у групп пациентов с депрессией и здоровых людей

Table 2

Mean values of indicators of self-regulation in patients with depression and healthy people

Респонденты	Компоненты саморегуляции						
	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценивание	Гибкость	Самостоятельность	Общий уровень саморегуляции
Группа пациентов с депрессией	6,12	6,16	4,08	5,26	4,96	5,26	27,1
Группа здоровых респондентов	6,22	6,08	5,3	6,12	5,5	5,14	29,88

Механизм защиты *отрицание* положительно коррелирует с компонентами саморегуляции *планирование, гибкость* и общим уровнем саморегуляции. Это означает, что здоровые люди, не замечая негативного отношения к себе, могут лучше планировать свои цели, более гибко перестраиваться в быстро меняющейся обстановке, и, таким образом, общий уровень саморегуляции поведения у них повышается. Иначе говоря, отрицая стимулы, вызывающие тревогу и эмоциональное напряжение, они приобретают больше свободы в своей активной деятельности и умеют пользоваться моментом.

Защитный механизм *подавление* отрицательно коррелирует с компонентами саморегуляции *оценивание, гибкость* и общим уровнем саморегуляции. Здоровые люди из-за вытеснения из сознания некоторых аспектов ситуации, существенных для эффективной адаптации, теряют адекватность самооценки, с трудом привыкают к смене обстановки

и переменам в образе жизни, и их общая способность к саморегуляции снижается.

Психологическая защита *проекция* отрицательно коррелирует с программированием, оцениванием и положительно – с самостоятельностью. Приписывая свои негативные мысли и желания окружающим, здоровые люди начинают неадекватно строить программу действий, искажать при оценивании реальное положение вещей, однако одновременно в их поведении проявляется большая самостоятельность. Они считают, что все плохое с ними самими никак не связано (так скрывается собственный эгоизм).

Механизм защиты *замещение* отрицательно коррелирует с программированием, оцениванием и положительно – с самостоятельностью. У здоровых людей из-за сдерживаемого гнева нарушаются последовательность и развернутость программ деятельности, оценивание результатов становится менее адекватным, однако повышается автономность как проявление власти над более слабыми объектами.

Значимые корреляции между стилевыми особенностями саморегуляции и механизмами защиты у здоровых людей

Table 3

Significant correlations between style peculiarities of self-regulation and defense mechanisms in healthy people

Механизмы защиты	Стилевые особенности саморегуляции						
	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценивание	Гибкость	Самостоятельность	Общий уровень саморегуляции
Отрицание	0,310*	–	–	–	0,286*	–	0,291*
Подавление	–	–	–	–0,328*	–0,305*	–	–0,282*
Регрессия	–	–	–0,299*	–	–	–	–0,317*
Компенсация	–	–0,334*	–	–	–	–	–
Проекция	–	–	–0,323*	–0,306*	–	0,319*	–
Замещение	–	–	–0,387**	–0,299*	–	0,484**	–
Интеллектуализация	0,298*	–	–	–	–	–	–
Реактивные образования	–	–	–	–	–	–	–
Напряженность защиты	–	–	–0,340*	–	–	0,334*	–

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$; ** – корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$.

Компонент саморегуляции *программирование* отрицательно коррелирует с регрессией, проекцией, замещением и общей напряженностью психологической защиты. Из-за стремления использовать более простые и уже привычные решения, желания найти противников для самоутверждения или эмоциональной разрядки, вследствие импульсивности действий у здоровых людей программа деятельности обедняется, искажается и выполняется менее точно.

Компонент саморегуляции *оценивание* отрицательно коррелирует с подавлением, проекцией и замещением. При вытеснении из сознания или избегании психотравмирующих ситуаций, при нетерпимости и приписывании своих негативных черт другим, грубости и агрессивности поведения у здоровых людей наблюдается снижение критичности к своим действиям.

Компонент саморегуляции *самостоятельность* положительно коррелирует с механизмами проекции, замещения и общей напряженностью психологической защиты. Здоровые люди повышают свою автономность, когда приписывают другим враждебность и снимают напряжение, вызванное гневом и агрессией, путем его перенесения на посторонние объекты или на самого себя.

Общий уровень саморегуляции имеет прямо пропорциональную связь с механизмом отрицания

и обратно пропорциональную – с механизмами подавления и регрессии. Не признавая негативные стороны жизненных ситуаций и наличие препятствий, здоровые люди могут лучше регулировать свою деятельность и легче осваивать новые виды активности. Вместе с тем при вытеснении из сознания важных аспектов ситуаций, при нетерпеливости и стремлении вовлечь окружающих в решение своих проблем общий уровень саморегуляции будет, наоборот, снижаться.

Психологическая защита *интеллектуализация* положительно коррелирует с компонентом саморегуляции *планирование*. Следовательно, планы здоровых людей более детализированы, иерархичны и устойчивы при использовании ими произвольной схематизации и стремлении предусмотреть даже маловероятные события и их последствия.

Компонент саморегуляции *моделирование* отрицательно взаимосвязан с компенсацией. Это означает, что компенсация недостатка или неполноценности сверхудовлетворением в других сферах искажает понимание реально значимых условий при моделировании деятельности.

У пациентов с депрессией взаимосвязи между компонентами саморегуляции и механизмами защиты обнаружены по следующим показателям (табл. 4).

Значимые корреляции между стилевыми особенностями саморегуляции и механизмами защиты у пациентов с депрессией

Table 4

Significant correlations between style peculiarities of self-regulation and defense mechanisms in patients with depression

Механизмы защиты	Стилевые особенности саморегуляции						
	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценивание	Гибкость	Самостоятельность	Общий уровень саморегуляции
Отрицание	0,338*	–	–	–	–	–	–
Подавление	–	–0,471**	–0,285*	–0,411**	–	–	–0,306*
Регрессия	–	–0,326*	–0,622**	–0,506**	–	–	–0,458**
Компенсация	–	–	–0,429**	–	–	–	–
Проекция	–	–	–0,475**	–0,312*	–	0,426**	–
Замещение	–0,337*	–	–0,430**	–	–	–	–
Интеллектуализация	0,323*	–	–	–	–	0,293*	–
Реактивные образования	–	–	–	–	–0,360*	–	–0,294*
Напряженность защиты	–	–0,359*	–0,628**	–0,536**	–	0,357*	–0,396**

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$; ** – корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$.

Психологическая защита *подавление* отрицательно коррелирует с такими компонентами саморегуляции, как моделирование, программирование, оценивание, и общим уровнем саморегуляции. У депрессивных людей при вытеснении из сознания информации, существенной для успешной адаптации, ухудшается детализированность представлений о внешних и внутренних значимых условиях, последовательность действий искажается, оценка становится менее адекватной и в результате общая способность к саморегуляции снижается.

Защитный механизм *регрессия* отрицательно коррелирует с моделированием, программированием, оцениванием и общим уровнем саморегуляции. У пациентов с депрессией из-за стремления использовать более простые и доступные поведенческие стереотипы существенно обедняется деятельность на этапах моделирования условий, программирования действий и оценивая результатов. В итоге деятельность становится менее эффективной, а общий уровень осознанной регуляции снижается.

Механизм защиты *проекция* отрицательно коррелирует с программированием, оцениванием и положительно – с самостоятельностью. Приписывая окружающим отвергаемые у себя качества, больные депрессией так же, как и здоровые люди, искажают при оценивании реальное положение вещей, дей-

ствуют путем проб и ошибок, однако становятся более самостоятельными, чувствуют себя увереннее, считая, что все негативное с ними никак не связано.

Напряженность защиты отрицательно коррелирует с моделированием, программированием, оцениванием, общим уровнем саморегуляции и положительно – с самостоятельностью. Состояние выраженного эмоционального дискомфорта у больных депрессией отрицательно сказывается на моделировании значимых условий, программировании деятельности и оценивании ее результатов, а также в целом – на общей способности к саморегуляции. Однако функционирование психологических защит помогает депрессивным людям чувствовать себя более независимыми и автономными, что внешне выглядит скорее как социальная отгороженность.

Компонент саморегуляции *программирование* отрицательно коррелирует с подавлением, регрессией, компенсацией, проекцией, замещением и общей напряженностью защит. При вытеснении мыслей о проблемных ситуациях, стремлении использовать примитивные и привычные способы действий, компенсаторном желании доказать всем свою значительность, приписывании нежелательных побуждений и чувств окружающим, тенденции к рискованным и разрушительным поступкам, инфантильности поведения у депрессивных людей нарушаются продуманность и детализированность

программы деятельности. При построении программы поведения, разработке способов достижения цели часть информации удаляется из сознания или искажается, репертуар возможных действий становится более бедным, происходит фиксация на недостатках, отрицательный опыт накапливается, а импульсивность мешает последовательному выполнению программы действий.

Компонент саморегуляции *оценивание* отрицательно коррелирует с механизмами подавления, регрессии, проекции и общей напряженностью психологической защиты. У больных депрессией при вытеснении из сознания существенной информации, стремлении переложить ответственность за проблемные ситуации на других, своеобразном коллекционировании несправедливости происходит искажение критериев оценки результатов своей деятельности, устойчивость процессов самоконтроля и самооценки поведения в условиях повышенной психической напряженности снижается.

Общий уровень саморегуляции отрицательно коррелирует с защитными механизмами подавления, регрессии, реактивных образований и общей напряженностью психологической защиты. У больных депрессией при «забывании» важных аспектов проблемных ситуаций, использовании инфантильных способов поведения, декларации прямо противоположных потребностей и чувств ухудшается общая способность к организации собственной активности.

Психологическая защита *интеллектуализация* положительно коррелирует с *планированием* и *самостоятельностью*. Отстраняясь от сильных переживаний и беспокойства с помощью селективного абстрагирования, свехобобщений и формального истолкования событий, больные депрессией так же, как и здоровые люди, способны лучше определять и удерживать цели. Увеличение же самостоятельности в деятельности может быть связано с тем, что, сняв с себя ответственность за проблемные ситуации с помощью так называемого рассуждательства и псевдологических объяснений, больные депрессией чувствуют себя более свободными.

Защитный механизм *реактивные образования* отрицательно коррелирует с гибкостью и общим уровнем саморегуляции. Преобразование у больных депрессией желаний или импульсов, которые воспринимаются как опасные или неприемлемые, в противоположные приводит к ухудшению как регуляторной гибкости, так и общей способности к саморегуляции поведения. То, что депрессивные больные демонстрируют в виде реактивных образований, в реальности не соответствует их внутренним состояниям, поэтому снижается их способность гибко перестраивать свое поведение при возникновении непредвиденных обстоятельств, корректировать планы и программы действий при

рассогласовании полученных результатов с поставленной ранее целью.

Компонент саморегуляции *планирование* прямо пропорционально связан с отрицанием, интеллектуализацией и обратно пропорционально – с замещением. Пациенты с депрессией в силу того, что игнорируют неприятные стороны жизненных обстоятельств и критику, формулируют удобные оправдания для сохранения чувства субъективного контроля и самоуважения, как и здоровые испытуемые, могут лучше планировать свою деятельность и придерживаться намеченного плана в психологически сложных условиях. Однако из-за импульсивности действий планы больных депрессией ситуативны и часто меняются.

Сходных взаимосвязей между компонентами саморегуляции и защитными механизмами в исследуемых группах обнаружено 12 (см. табл. 3 и 4). Механизмы отрицания и интеллектуализации у здоровых людей и пациентов с депрессией увеличивают способность к саморегуляции поведения, а подавление, регрессия и компенсация, наоборот, уменьшают. Функционирование психологических защит повышает регуляторную самостоятельность как здоровых людей, так и больных депрессией, но затрудняет моделирование условий, программирование действий и оценивание результатов при координации ими собственной активности.

Таким образом, достоверные различия при сравнительном анализе показателей психологических защит у пациентов с депрессией и здоровых людей получены по механизмам регрессии, компенсации, реактивных образований, а также по общей напряженности защит. Показатели существенно выше у больных депрессией, что усложняет клиническую картину заболевания и усугубляет неблагоприятный прогноз.

Показатели программирования, оценивания и общий уровень саморегуляции значимо ниже у больных депрессией, что указывает на их недостаточную способность продумывать последовательность своих действий для достижения целей и менее адекватную оценку себя и результатов своей деятельности.

И у здоровых людей, и у пациентов с депрессией выявлены значимые (положительные и отрицательные) взаимосвязи между стилевыми особенностями саморегуляции и психологическими защитами. Однако в группе больных депрессией значимых корреляций обнаружено больше, чем в группе здоровых людей. Меньшее количество взаимосвязей у здоровых людей создает больше степеней свободы для активности в различных жизненных ситуациях, в том числе и проблемных. Защитные механизмы и компоненты саморегуляции более автономны в своем функционировании, что позволяет сохранять психическое здоровье.

У больных депрессией при столкновении с различными трудностями психологические защиты и процессы саморегуляции вследствие их взаимосвязи требуют значительных затрат психической энергии, что истощает внутренние ресурсы и усугубляет депрессивные расстройства. В концепции истощения Эго Р. Баумаистера также подчеркивается, что саморегуляция представляет собой энергозатратный процесс: после выполнения задания, требующего высокого самоконтроля, люди склонялись к выбору варианта пассивного ответа [15].

И у здоровых людей, и у больных депрессией наибольшее количество значимых корреляций (все отрицательные) с психологическими защитами вы-

явлено для такого компонента саморегуляции, как программирование действий. Именно процесс разработки способов достижения цели, определения последовательности выполнения программы деятельности в наибольшей степени дезорганизуется действием защитных механизмов.

Между интегральными показателями общей напряженности психологической защиты и уровня сформированности саморегуляции поведения обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь только в группе пациентов с депрессией. Функционирование психологических защит у больных депрессией затрудняет процесс адаптации к стресс-факторам, препятствуя мобилизации активности при достижении ими субъектных целей.

Библиографические ссылки

1. Beck AT. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates. *American Journal of Psychiatry*. 2008;165(8):969–977. DOI: 10.1176/appi.ajp.2008.08050721.
2. Гараян НГ. Депрессия и личность: обзор зарубежных исследований. Часть II. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2009;19(3):80–91.
3. Кулыгина МА. *Психологические факторы эмоциональной регуляции поведения при депрессии* [диссертация]. Москва: МГУ; 1992. 245 с.
4. Степанов ИЛ, Горячева ЕК. Соотношение личностно-волевых особенностей, аффективного компонента и уровня социального функционирования больных депрессией. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2011;21(2):12–15.
5. Freud A. *The ego and the mechanisms of defence*. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis; 1937. 196 p.
6. Plutchik R, Kellerman H, Conte HR. A structural theory of ego defenses and emotions. In: Izard CE, editor. *Emotions in personality and psychopathology*. New York: Plenum Press; 1979. p. 227–257. DOI: 10.1007/978-1-4613-2892-6_9.
7. Vaillant GE. Ego mechanisms of defense and personality psychopathology. *Journal of Abnormal Psychology*. 1994; 103(1):44–50. DOI: 10.1037/0021-843X.103.1.44.
8. Романова ЕС, Гребенников ЛР. *Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика*. Мытищи: Талант; 1996. 144 с.
9. Вассерман ЛИ, редактор. *Психологическая диагностика индекса жизненного стиля*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психо-неврологический институт имени В. М. Бехтерева; 2005. 54 с.
10. Гараян НГ. Депрессия и личность: обзор зарубежных исследований. Часть I. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2009;19(1):79–89.
11. Моросанова ВИ. Дифференциальный подход к психологической саморегуляции: исследование действий профессионала. *Психологический журнал*. 2012;33(3):98–111.
12. Моросанова ВИ, Бондаренко ИН. *Диагностика саморегуляции человека*. Москва: Когито-Центр; 2015. 304 с.
13. Леонтьев ДА. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*. 2016;62: 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
14. Купченко ВЕ, Анохина АС. Особенности регулятивной сферы личности юношеского возраста, склонной к депрессии. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*. 2017;1:12–16.
15. Baumeister RF, Bratslavsky E, Muraven M, Tice DM. Ego depletion: is the active self a limited resource? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;74(5):1252–1265.

References

1. Beck AT. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates. *American Journal of Psychiatry*. 2008;165(8):969–977. DOI: 10.1176/appi.ajp.2008.08050721.
2. Garayany NG. Depression and personality: review of foreign investigations. Part II. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*. 2009;19(3):80–91. Russian.
3. Kulygina MA. *Psikhologicheskiye faktory emotsional'noy regulyatsii povedeniya pri depressii* [Psychological factors of emotional regulation of behavior in depression] [dissertation]. Moscow: Moscow State University; 1992. 245 p. Russian.
4. Stepanov IL, Goryacheva EK. The relations between personality and volitional characteristics, the affective component and the social functioning in patients with depression. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*. 2011;21(2):12–15. Russian.
5. Freud A. *The ego and the mechanisms of defence*. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis; 1937. 196 p.
6. Plutchik R, Kellerman H, Conte HR. A structural theory of ego defenses and emotions. In: Izard CE, editor. *Emotions in personality and psychopathology*. New York: Plenum Press; 1979. p. 227–257. DOI: 10.1007/978-1-4613-2892-6_9.

7. Vaillant GE. Ego mechanisms of defense and personality psychopathology. *Journal of Abnormal Psychology*. 1994; 103(1):44–50. DOI: 10.1037/0021-843X.103.1.44.
8. Romanova ES, Grebennikov LR. *Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity: genezis, funktsionirovaniye, diagnostika* [Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics]. Mytishchi: Talant; 1996. 144 p. Russian.
9. Wasserman LI, editor. *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological diagnostics of Life style Index]. Saint Petersburg: Saint Petersburg V. M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute; 2005. 54 p. Russian.
10. Garanyan NG. Depression and personality: review of foreign investigations. Part I. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhia-triya*. 2009;19(1):79–89. Russian.
11. Morosanova VI. Differential approach to mental self-regulation: professional's actions study. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012;33(3):98–111. Russian.
12. Morosanova VI, Bondarenko IN. *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnosis of human self-regulation]. Moscow: Kogito-Center; 2015. 304 p. Russian.
13. Leontiev DA. Autoregulation, resources, and personality potential. *Siberian Journal of Psychology*. 2016;62:18–37. Russian. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
14. Kupchenko VE, Anokhina AS. The specifics of the regulatory sphere of the person in adolescence with a tendency to depression. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*. 2017;1:12–16. Russian.
15. Baumeister RF, Bratslavsky E, Muraven M, Tice DM. Ego depletion: is the active self a limited resource? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;74(5):1252–1265.

Статья поступила в редколлегию 27.06.2019.
Received by editorial board 27.06.2019.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : материалы 16-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ, посвящ. 75-летию освобождения Беларуси и 30-летию фак. филос. и соц. наук (Минск, 25 апреля 2019 г.) / редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 113 с. : ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/231674>. Загл. с экрана. Деп. 03.10.2019, № 009103102019.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ, представленные на 16-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 008(082)+130.2(082)

Научно-практические исследования по культурологии – 2019 [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, посвящ. 20-летию белорус. культурологии / редкол.: М. Ю. Шода (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 140 с. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/232957>. Загл. с экрана. Деп. 22.10.2019, № 009822102019.

Сборник включает статьи, написанные по результатам научных исследований студентов, магистрантов, аспирантов БГУ и БГУКИ, затрагивающих различные области культурологии: осмысление отдельных культурных феноменов и фундаментальные проблемы культурологии; вопросы внутренней и внешней культурной политики Республики Беларусь; роль маркетинга и менеджмента в продвижении культурных продуктов; социокультурные аспекты развития и бытования современной медиасферы.

УДК 159.9:378.147.091.313

Фурманов И. А. Оформление, подготовка и порядок защиты магистерских диссертаций [Электронный ресурс] : метод. рекомендации для магистрантов спец. 1-23 80 03 «Психология (по профилизациям)» / И. А. Фурманов, Г. А. Фофанова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 64 с. : табл. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/233086>. Загл. с экрана. Деп. 23.10.2019, № 010023102019.

Методические рекомендации подготовлены в соответствии с государственными документами, регламентирующими получение образования на II ступени получения образования. Представлены основные нормативы, предъявляемые к данному типу квалификационных работ, описан порядок их подготовки и защиты. Предназначено для магистрантов, научных руководителей и рецензентов магистерских диссертаций.

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : материалы 15-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ (Минск, 19 апреля 2018 г.) / редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 136 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/236507>. Загл. с экрана. Деп. 20.12.2019, № 012020122019.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ, представленные на 15-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ И ДИСКУССИИ

<i>Гигин В. Ф., Грищенко Ж. М.</i> Перелистывая «Социологию политики» П. Бурдьё (декан приглашает к диалогу).....	4
<i>Мальшикин Я. В., Паграбняк А. А., Гафарова Ю. Ю.</i> Круглы стол, присвечаны книзе Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае»	15

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубанов А. В.</i> Самопознание и поведение: советы философов и народная мудрость	23
<i>Семак В. И.</i> Формирование военной направленности призывников с использованием возможностей интернета.....	32

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Кисель Н. К.</i> Междисциплинарный тренд в развитии современной социальной физики.....	44
---	----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Шафаревич И. О.</i> Нравственные аспекты философской антропологии Э. Фромма и М. Шелера	49
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Толочек В. А., Вильчес-Ногерол В. В., Сизова Л. А.</i> Стили делового общения и среда организации: факторы взаимной детерминации.....	55
<i>Фофанова Г. А., Хихич К. С.</i> Рабочая мотивация сотрудников с различными стратегиями самопрезентации.....	70

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Пергаменчик Л. А., Петражицкая Е. А.</i> Перинатальная потеря как кризисное событие в жизни женщины	77
<i>Цагельская Д. Е.</i> Экзистенциальная исполненность индивидов с различным самоотношением.....	85
<i>Шестиловская Н. А.</i> Продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии паралимпийцев с различными типами нарушений.....	95
<i>Соколович Е. А.</i> Половые различия в личностных характеристиках у индивидов с разными уровнями и видами перфекционизма в период ранней взрослости	102

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Трухан Е. А., Морозова Н. Н., Будько Т. О.</i> Взаимосвязь стилевых особенностей саморегуляции и защитных механизмов у пациентов с депрессией.....	107
Аннотации депонированных в БГУ работ	117

CONTENTS

ROUND TABLES AND DISCUSSIONS

<i>Gigin V. F., Grishchenko Zh. M.</i> Turning over the «Sociology of politics» of P. Bourdieu: dean invites to a dialogue	4
<i>Malyshkin E. V., Pogrebniak A. A., Gafarova J. J.</i> Round table on J.-L. Nancy's book «Being singular plural»	15

SOCIAL RESEARCHES

<i>Rubanau A. V.</i> Self-knowledge and behavior: tips of philosophes and people's wisdom.....	23
<i>Semak V. I.</i> The formation of the military orientation of recruits via engaging with internet	32

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kisel N. K.</i> Interdisciplinary trend in the development of modern social physics	44
--	----

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Shafarevich I. O.</i> The moral aspects of the philosophical anthropology of E. Fromm and M. Scheler.....	49
--	----

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Tolochek V. A., Vilches-Nogero V. V., Sizova L. A.</i> Styles of business communication and environment of the organization: factors of mutual determination.....	55
<i>Fofanova G. A., Khikhich K. S.</i> Work motivation of employees with different self-presentation strategies	70

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Pergamenshchik L. A., Petrazhitskaya E. A.</i> Perinatal loss as a crisis event in a woman's life.....	77
<i>Tsahelskaya D. E.</i> Existential performance of individuals with different self-relationship	85
<i>Shetilovskaya N. A.</i> Productive and non-productive coping strategies of Paralympians with different types of disorders	95
<i>Sokolovich E. A.</i> Gender differences in personal characteristics of individuals with different levels and types of perfectionism in the period of early adulthood	102

MEDICAL PSYCHOLOGY

<i>Truhan E. A., Morozova N. N., Boud'ko T. O.</i> Correlation between defense mechanisms and style peculiarities of self-regulation in patients with depression.....	107
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	117

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *Т. В. Мейкшане, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 23.01.2020.

Тираж 100 экз. Заказ 82.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *T. V. Meikshane, A. S. Lyukevich*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 23.01.2020.

Edition 100 copies. Order number 82.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020